
ОГОНЁК
№ 24 ИЮНЬ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Иван Лубенцов и другие

Так уже повелось: молва о хорошем человеке далеко расходится в нашем народе. Собираясь в Харьков, я уже знал, что живет там и трудится на подшипниковом заводе Иван Лубенцов — простой слесарь, создатель сложных автоматов...

— Вам Ивана Лубенцова? — переспросил вахтер в проходной.— А то мы ведь многих Лубенцовыми называем.

— Что верно, то верно: Лубенцовых, рабочих-изобретателей, у нас много,— улыбнулся секретарь парткома В. Носачев, к которому мы обратились.— Возьмите того же Панкратова из экспериментального. Человек сконструировал автооператор — устройство, на основе которого создается автоматическая линия шлифовки колец. А слесарь Емельян Сердечный? Придумал замечательный штамп, в двадцать раз с лишком ускорил одну операцию. Или Алексей Жила, тоже слесарь. Он же тончайшую, ювелирную работу механизировал — клеймение колец! У нас над этим опытные граверы, что тульские мастера над блохой, корпели. Думаем к Пленуму ЦК широко внедрить новую технологию клеймения. Что касается Ивана Ефремовича Лубенцова, скажу одно: самородок, человек настоящей, глубокой инженерной мысли. Да вы познакомьтесь с ним покороче...

Говоря словами одного из здешних конструкторов, у Лубенцова большая и красивая история на этом заводе. Началась она лет десять назад, когда Иван Ефремович впервые зашел в сборочный цех. Во всю длину пролета столы. Мелькают ловкие пальцы сборщиц, захватывая блестящие шарики, похожие на крупные жемчужины, и вставляя их в гнезда металлического браслета — сепаратора. Взмах руки, удар ладони о металл — и стальное ожерелье готово. Еще удар — еще ожерелье. Еще, еще... И на нежной женской ладони появляются грубые, заскорузлые мозоли.

Лубенцов все чаще заходил сюда, молча следил за мельканием рук.

...Карандаш, циркуль, линейка, ластик. Высокий выпуклый лоб склоняется над листом бумаги. Медленно ползут из-под карандаша серые линии. Утром они оживают в полоске стали, бруске железа.

В металле мыслилось легче. Его четкие грани уверенно ложились в чертеж, множились и возвращались готовой деталью.

Вскоре на столах сборщиц появилась «машинка Лубенцова». Так был назван изобретенный им полуавтомат для сборки двухрядных подшипников.

Опытные конструкторы многих стран бились над проблемой автоматизации сборки. Но и доныне этот процесс на большинстве зарубежных заводов осуществляется вручную. «Машинка Лубенцова» повысила производительность труда в несколько раз, и за ней не угонится даже виртуоз.

Автомат резко увеличил производительность труда на одной операции, но вскрыл отсталость технологии на соседнем участке. Выяснилось, что нужен комплекс машин и механизмов, охватывающий производство полностью.

«Машинка Лубенцова» механизировала часть процесса. По-прежнему рукой надо подавать шарики на забивку, рукой приводить в действие механизм и вынимать готовую деталь из машинки.

Лубенцов решил довести автоматизацию сборки двухрядных подшипников до конца, до комплекса. И вот перед нами новое детище харьковского слесаря — автомат для вставки шариков в сепараторы. Он приводится в действие не мускульной силой, а электричеством. Даже не посвященному в тайны подшипникового производства человеку ясно, что этот отливающий матовым блеском станок — новое слово в технике.

Автомат задуман уже как звено единой цепи. Конструируя его, Иван Ефремович ни на минуту не забывал, что рядом должны будут встать новые автоматы, линии, конвейеры. Пусть они еще только в головах изобретателей. Но их создания требует этот же станок. Как будут закладываться в его бункер шарики? Пока руками. А потом? Очевидно, они поступят с конвейера. Поэтому бункер надо вынести к тому краю, где со временем появится стальная лента транспортера. Так и сделали. Зачем втискивать ожерелье в тупичок воронки, как было в старой машинке, чтобы потом доставать его руками? Нет, теперь оно будет выскальзывать из выводной трубки в ящик для готовых деталей. А когда и здесь вскоре возникнет конвейер, то трубку придется лишь немного удлинить — ожерелье попадет прямо на ленту.

Автомат уже почти воплощен в металл. Но Ивана Лубенцова по-прежнему не покидает озабоченность, сосредоточенность. Он хочет, чтобы все узлы автомата были закончены к июньскому Пленуму ЦК КПСС.

...Первый утренний поезд спешит в город. Стучат на стыках колеса, мелькают в окне телеграфные столбы. Морщинки мыслей неустанно бороздят высокий лоб старого слесаря. Дубленые коричневые пальцы тянутся к карману спецовки, достают карандаш. Что-то опять родилось в беспокойной голове Лубенцова?

Хочется спросить Ивана Ефремовича о его теперешней заботе. И не хочется мешать его мыслям...

Вл. КРУПИН

Фото автора.

Иван Ефремович Лубенцов. Вверху — «Автомат Лубенцова».

На первой странице обложки: На дистанции велокросса в Подмосковье. Фото Л. Бородулина.

ДРУЖБА ВЕЧНАЯ, КАК ГОРЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 24 (1669) 37-й год издания

7 ИЮНЯ 1959

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

«Башкими Советик!», «Энвер — Хрущев!», «Слава партии!» — эти слова скандировали тысячные толпы на улицах албанских городов, на обычно тихих сельских улочках.

Белые шапочки, разноцветные национальные костюмы, строгие одежды пастухов — все слилось в каком-то грандиозном хороводе, радостном и счастливом. И недаром сами албанцы говорят о том, что для них не было большего праздника, чем в те дни, когда в гостях у них самые дорогие друзья — посланцы Советского Союза. Куда бы ни при-

Советские гости побывали в Парке молодежи албанской столицы. Здесь Никита Сергеевич Хрущев посадил чинару и ореховое деревце. «Деревья дружбы и мира» — назвали эти растения жители Тираны.

езжала делегация, люди собирались задолго, шли с гор по 20—30 километров, лишь бы повидать советских людей, выразить им свою любовь, преподнести букет цветов, хлеб-соль. Чувством благодарности к Советскому Союзу, верой в мир на земле переполнены сердца албанских тружеников.

— Наша дружба крепка, как скала. Пусть она будет вечна, как наши горы,— так говорят сегодня в Албании.

В эти дни мир вновь убедился в чудодейственной силе ленинских принципов пролетарского интернационализма — основы отношений между народами социалистических стран.

В дружеской, сердечной атмосфере прошли переговоры между партийно-правительственными делегациями братских стран. Переговоры показали полное единство взглядов по всем обсуждавшимся вопросам.

Фото А. НОВИКОВА.
Специальный корреспондент «Огонька».

Социалистические страны — оплот мира

Во Дворце бригад в Тиране советская делегация устроила большой прием. На снимке (справа налево): Ф. Д. Думбадзе, член Политбюро ЦК Албанской партии труда Лири Белишова, Н. А. Мухитдинов, О. Гротеволь, Н. С. Хрущев, Э. Ходжа, М. Шеху, Р. Я. Малиновский, Пын Дэ-хуэй.

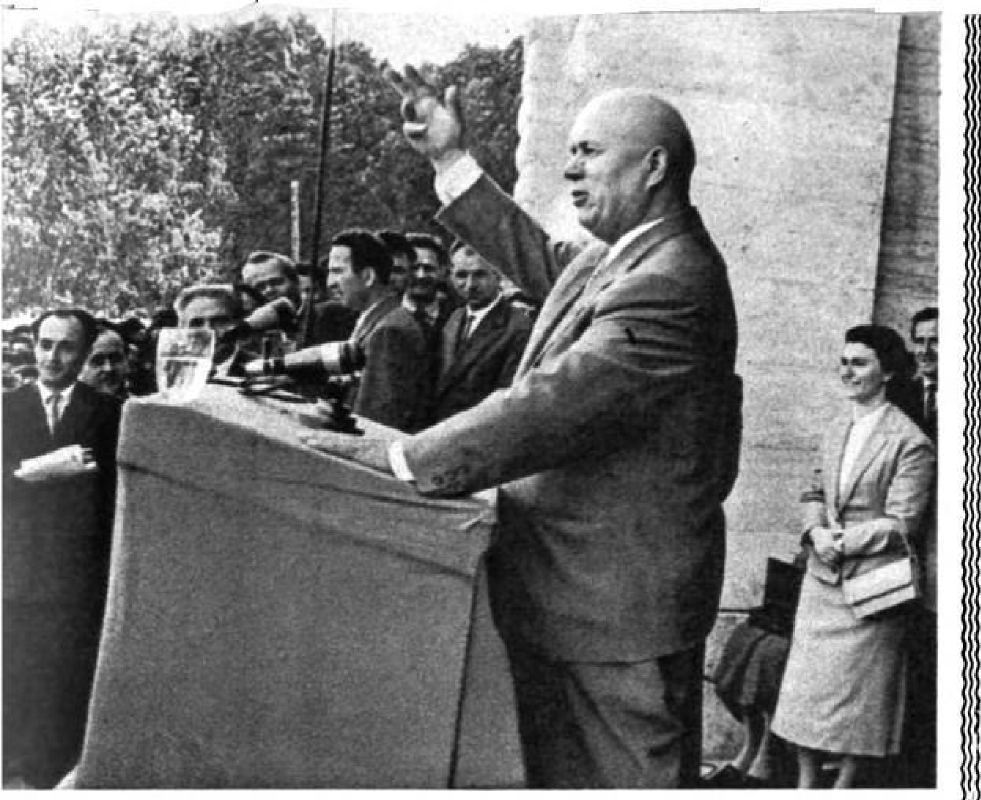
Звезды

Лазар СИЛИЧИ

Сегодня мне мысли
спать не дают,
Мой взор бороздит
небес океаны...
В семнадцать часов
одиннадцать минут
Звезду я увидел
в небе Тираны.
И на ум не идут
ни горы, ни розы,
Ни сотни сравнений
лирически-смутных.
Поэта тревожат
слова из прозы,
И эти слова —
искусственный спутник.
Проза?..
Но вот грызут удила
Крылатые кони
воображенья.
Космическим ветром
повеяла мгла,
И новые звезды
приходят в движенье.
Пространство!
Я правду с мечтой примирю,
Великую правду
с мечтою нетленной;
Я новые звезды
Вселенной дарю,
И мне открываются
тайны Вселенной!
Вы, новые звезды
в предутренней мгле,
Вы мчитесь навстречу
Солнцу смущенному!
И что возвестите вы
нашей Земле?
Что скажете лирику
или ученому?
От башен кремлевских
вы взяли разбег
И мчитесь навстречу
Солнцу и вечности.
Вы к новым высотам
подняли век,
И вам рукоплещет
все человечество.
Вы будете
первою бороздой
В целинном небе!
И наше право
Прочесть
начертанное
новой звездой:
«Человек победил!
Коммунизму слава!»

Перевел с албанского
Д. САМОЙЛОВ.

Делегация посетила Тиранский государственный университет. На Университетской площади состоялся митинг. Выступление Н. С. Хрушева было встречено бурными овациями.

На чрезвычайной сессии Тиранского городского народного Совета Н. С. Хрущеву было присвоено звание почетного гражданина города Тираны.

На церемонии подписания Совместного заявления партийно-правительственных делегаций Советского Союза и Народной Республики Албании.

НАТО—ЭТО НОВЫЕ РУИНЫ

В горах эхо разносится особенно гулко. И, наверное, через Балканы донесся в Грецию многотысячный голос албанской рабочей Корчи, которая приветствовала слова Н. С. Хрущева: «Мы только одного хотим, чтобы Греция была миролюбивой страной, чтобы она не разрешала империалистам создавать ракетные базы на своей территории, не угрожала бы нам, не угрожала нашим друзьям — албанцам».

Людям многострадальной греческой земли эти слова понятны: ведь в их ушах стоит гул реактивных истребителей воздушных сил НАТО, несущихся над афинским Акрополем.

Видимо, заокеанским «друзьям» Греции тысячелетние развалины кажутся действительно «устаревшими»,— им хочется видеть сегодняшнюю Грецию, лежащую в могильном прахе руин.

Первый рейс

Первым рейсом из Москвы в Астрахань вышел флагман речного флота трехпалубный дизель-электроход «Ленин», построенный на заводе «Красное Сормово».

Фото А. Гостева.

ГОСТИ ИЗ ВЕНГРИИ

Делегация венгерских женщин, гостящая в Советском Союзе, посетила предприятия и детские учреждения Октябрьского района Москвы.

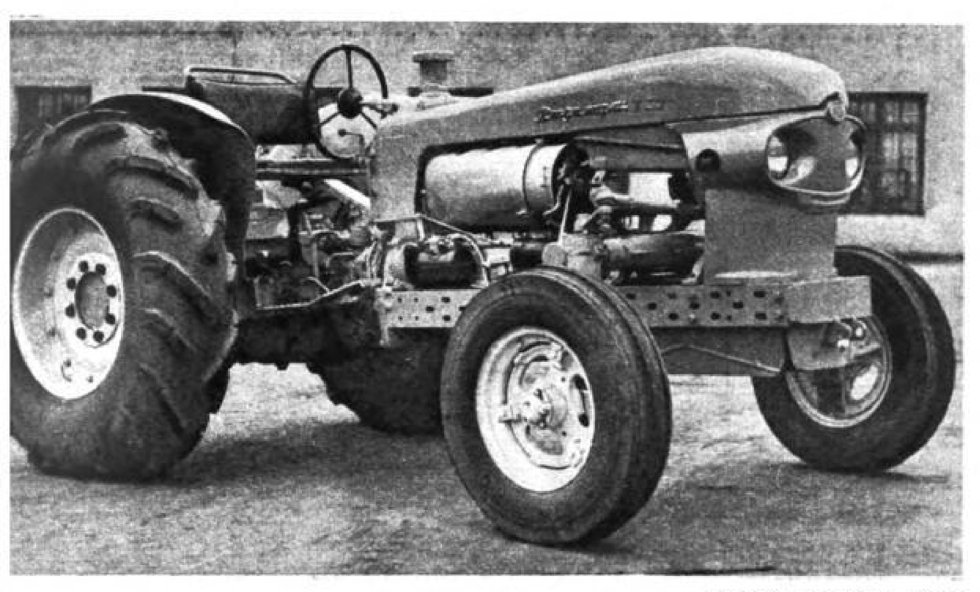
На снимке — члены делегации в детском саду парфюмерной фабрики «Свобода»: секретарь Союза женщин Будапешта Палне Бодони, секретарь областной женской организации Сольнок Ференцне Като, руководитель делегации председатель Союза венгерских женщин, депутат Государственного собрания Ласлоне Эрден, заведующая детсадом З. А. Владимирова.

Фото Г. Санько.

Семилетку — за шесть лет!

Под таким лозунгом трудятся владимирские тракторостроители, чья инициатива одобрена в постановлении ЦК КПСС от 21 мая 1959 года. Используя свои резервы, коллектив Владимирского тракторного завода решил в 1965 году увеличить выпуск продукции в полтора раза против объема, предусмотренного в первоначальном проекте плана.

Новый трактор «Владимирец Т-32».

Инженер Л. Г. Мухина, предложившая новый способ окраски колес, что дает годовую экономию около ста тысяч рублей.

В молодежной бригаде Алевтины Хлопковой, соревнующейся за звание бригады коммунистического труда, обсуждается предложение Валентины Трошиной о новом методе заточки резцов. Слева направо: В. Трошина, А. Хлопкова и В. Петухов.

Фото Д. Ухтомского.

Государственное издательство политической литературы выпустило в свет учебник «История Коммунистической партии Советского Союза». Учебник издан тиражом 250 тысяч экземпляров.

Кто говорит от имени немецкого народа?

Газеты всего мира пестрят броскими заголовками, печатают статьи политических комментаторов, посвященные Женевскому совещанию министров иностранных дел, «германской проблеме». Западная пресса судачит о «большой политике Женевы».

Но для г-жи Гравен из ГДР и г-жи Легерман из ФРГ, как и для миллионов немецких женщин, слова о мирном договоре с Германией, о необходимости превратить Западный Берлин в демилитаризованный вольный город не отвлеченные вопросы международной политики. Это их судьба, их страстная надежда на право жить, трудиться, растить детей.

Этих двух женщин прислали в Женеву товарищи по Демократическому союзу немецких женщин, чтобы они рассказали министрам иностранных дел обо всем том, что тревожит матерей.

Кто же прислушивается к их голосам, кого волнует завтрашний день немецких поколений?

Вот в резиденции делегации ГДР министр иностранных дел Лотар Больц (на снимке — второй слева) и его сотрудники вчитываются в взволнованные строки писем и телеграмм, приходящих сюда из обеих Германий.

Посмотрите на эти груды корреспонденций. Как нелепы и смешны крики иных западных политиканов о том, что нельзя признать Германскую Демократическую Республику! Ее признал немецкий народ, признал как защитника и поборника его прав и надежд.

А министра иностранных дел ФРГ г-на Брентано, видимо, только раздражает настойчивый голос немецких граждан: он отгородился от этого «навязчивого шума» шелестом листьев и плеском фонтанных струй. Не желая принимать участия в Женевском совещании, г-н Брентано из загородной тиши отдает распоряжения своим представителям «не идти на уступки», «диктовать свои условия».

Но не волнуйтесь, г-жа Гравен и г-жа Легерман. Советский народ, который правом победителя фашизма облечен решать вопросы мирного договора с Германией, разумеется, в гораздо большей мере, чем министр ФРГ, отвечает г-ну Брентано словами Н. С. Хрущева: «Если мирного договора не подпишете вы, г-н Брентано, и ваше правительство, то мы подпишем мирный договор с Германской Демократической Республикой, подпишут и другие страны, которые захотят, а придет время — подпишет и г-н Брентано».

1 июня в Москве председатель Госплана СССР А. Н. Косыгин принял Аверелла Гарримана. В беседе принял участие председатель Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами Г. А. Жуков.

ТРЕТИЙ ВИЗИТ ГОСПОДИНА ГАРРИМАНА...

— В вашей стране я в третий раз. Я могу сравнивать, — говорит Аверелл Гарриман.

Первый раз это было тридцать с лишним лет назад, в 1926 году. В то время правительство Соединенных Штатов еще не признавало «большевистского государства». Тогда А. Гарриман приезжал сюда как представитель фирмы, которая вела торговлю с Советским Союзом.

Во второй раз А. Гарриман приехал в Москву осенью 1941 года. На окнах американского посольства крест-накрест были наклеены полоски бумаги — на случай бомбежки.

И вот в 1959 году известный политический деятель, один из самых богатых людей в США, Аверелл Гарриман, снова здесь, на этот раз с частным визитом.

— Да, я могу сравнивать. Прогресс огромен, и я видел это везде. В 1943 году мне довелось побывать в Сталинграде. Имя этого города хорошо известно, и весь мир уважает его героических жителей. Вы можете, конечно, представить, какую картину увидел я тогда. Теперь это прекрасно расположенный город, в который вложено много труда. В Ленинграде я видел, как мастерски восстановлен и этот город: в нем сохранилась вся красота истории. На улицах я вижу хорошо одетых людей, много машин. Я вижу новые дома, вижу, как улучшились жилищные условия вашего народа. И я понимаю, что будет сделано еще больше.

Господин Гарриман рассказывает все это спокойным тоном, в его голосе не звучит официальная вежливость. Он просто констатирует факты как объективный наблюдатель.

Мы просим американского гостя рассказать о своих встречах с советскими людьми.

— Меня всюду встречали хорошо. Все. От государственных деятелей до рабочих. В Ялте я был в гостях у пионеров. Они просили меня передать привет американским детям. В Ливадийском дворце, где теперь санаторий, люди, отдыхающие там, приветствовали меня словом «дружба». Совершенно очевидно, что советский народ хочет мира.

Находясь в Москве, я побывал в Кремле. Он открыт теперь для каждого, и я с некоторой осторожностью пробирался среди стаек играющих детей. То, что я увидел в Кремле, кажется мне символичным: это отражает большую веру правительства в народ и народа — в правительство.

— Скажите, господин Гарриман, — спрашиваем мы гостя, — как вы, один из тех, кто осуществлял сотрудничество между нашими странами во время войны, смотрите на перспективы этого сотрудничества в настоящее время?

— И ваш и наш народы хотят мира. Это должно найти отражение и в отношениях между правительствами. Мы, две самые мощные державы, должны стремиться к миру.

У меня есть некоторые надежды на совещание глав правительств. Оно должно положить начало лучшему взаимопониманию. Я, во всяком случае, хотел бы этого. Я надеюсь, что гонка вооружений будет прекращена и между нашими странами начнется мирное соревнование.

— Но в американских газетах иногда приходится читать, что разница социальных систем является препятствием для такого соревнования и сотрудничества. А что думаете вы?

— Наши страны сотрудничали и в недавнем и в далеком прошлом. И всегда социальные системы наших стран были различны. По моему мнению; разница в социальном устройстве не должна мешать сотрудничеству.

Вы называете нас капиталистами. Мы называем себя... — господин Гарриман несколько медлит, вспоминая определение социального строя в США, — ...свободной экономической демократией. Важно больше знать друг о друге. Когда американец приезжает к вам или когда кто-нибудь из вас приезжает в Соединенные Штаты, оба удивляются, так как видят много того, чего не ожидали видеть.

— Чему удивились вы, приехав в Советский Союз? Ведь, очевидно, находясь в США, вы следили за событиями в нашей стране. Увидели ли вы то, что ожидали увидеть?

— Да, действительно, я следил за вашей страной очень внимательно, и люди, которые возвращались из Советского Союза, многое рассказывали мне. Но все же, приехав сюда, я увидел больше того, что ожидал увидеть. И прежде всего я не ожидал, что буду встречен здесь так тепло.

Мы интересуемся, каковы дальнейшие планы американского гостя. Он рассказывает, что направляется в Ташкент, а оттуда — в Сибирь, где побывает на строительстве Братской ГЭС.

— Американские газеты пишут, что вы намерены посетить Китайскую Народную Республику? Верно ли это?

— Это еще не решено. Но я бы хотел этого.

Беседа окончена. На прощание Аверелл Гарриман пишет нам в блокнот:

«Я шлю привет и мои лучшие пожелания здоровья и счастья читателям «Огонька». Пусть дружба и сотрудничество между народами Советского Союза и Соединенных Штатов растут во имя вечного мира во всем мире. Аверелл Гарриман».

А. СЕРБИН

В небе Москвы

Самолеты несут лозунг.
Фото М. Савина.

Высоко в небе появляется самолет. Гул мотора стихает, и от самолета отделяются парашютисты А. Скопинов, О. Хомутов, Е. Дроздов. Они идут к земле в свободном падении, взявшись за руки, образуя своеобразную пирамиду. Через пятнадцать секунд пирамида рассыпается. Спортсмены «расходятся» в стороны, и почти над самой землей над ними распахиваются разноцветные купола парашютов.

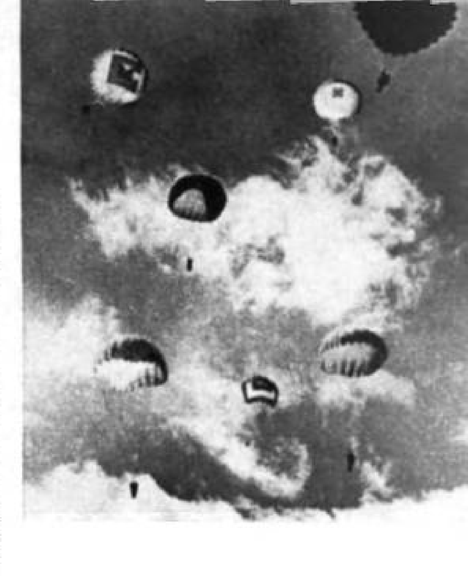
Так на Тушинском аэродроме проходили выступления спортсменов Центрального аэроклуба СССР имени В. П. Чкалова, посвященные 52-й Генеральной конференции Международной авиационной федерации (ФАИ), которая состоялась в Москве. Высокое спортивное мастерство показали планеристы В. Охонько и В. Махов, выполняя фигуры высшего пилотажа на встречных курсах. Летчик Ф. Белушкин на самолете «Тренер-226» безупречно выполнил петли Нестерова, штопор, колокол, перевернутый полет...

Девушки-спортсменки во главе с мастером спорта А. Шмельковой показали групповой пилотаж на пяти самолетах «ЯК-18».

В перерывы между спортивными номерами зрителям были показаны различные вертолеты, применяемые в народном хозяйстве СССР, мощные пассажирские самолеты «АН-10», «ИЛ-18», «ТУ-104Б».

Участники Генеральной конференции — выдающиеся деятели авиации многих стран мира — и тысячи москвичей горячо приветствовали выступления воздушных спортсменов. Особый восторг вызвало появление шести самолетов, которые несли полотнища с призывом: «Авиация должна служить народам в мирных целях!».

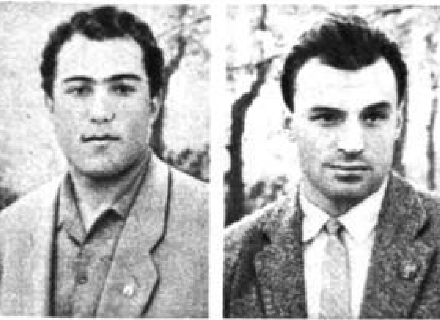
А. ГОЛИКОВ.

Групповой прыжок парашютистов.

Золотые медали боксеров

В. Енгибарян. Г. Шатков. А. Абрамов.

В Люцерне (Швейцария) закончился чемпионат Европы по боксу. Звание чемпионов и золотые медали завоевали советские спортсмены Владимир Енгибарян, Геннадий Шатков и Андрей Абрамов. Серебряную медаль получил О. Григорьев, а бронзовые — В. Стольников и Л. Сенькин.

ЧЕМПИОНЫ ЕВРОПЫ

В Стамбуле закончился розыгрыш первенства Европы по баскетболу для мужских команд. После блестящей победы на мировом чемпионате в Чили сборная команда Советского Союза вновь добилась выдающегося успеха: она завоевала титул чемпиона Европы.

На нашем снимке — сборная баскетбольная команда СССР. Слева направо: В. Торбан, Я. Круминьш, А. Гомельский (тренер), М. Валдманис, М. Семенов, Г. Минашвили, Ю. Корнеев, А. Петров, М. Студенецкий, А. Бочкарев, С. Спандарян (тренер), В. Зубков, В. Муйжниекс, Г. Вольнов.

Фото Б. Светланова.

Здесь живут, здесь учатся

Фото Д. УХТОМСКОГО.

Школы-интернаты быстро приобрели большую популярность в нашей стране. Стремление родителей отдать своих детей в эти школы растет. Между тем число их увеличивается медленно.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по развитию школ-интернатов в 1959—1965 годах». Признано необходимым довести количество учащихся в школах-интернатах Советского Союза к концу семилетки, в 1965 году, до 2,5 миллиона человек.

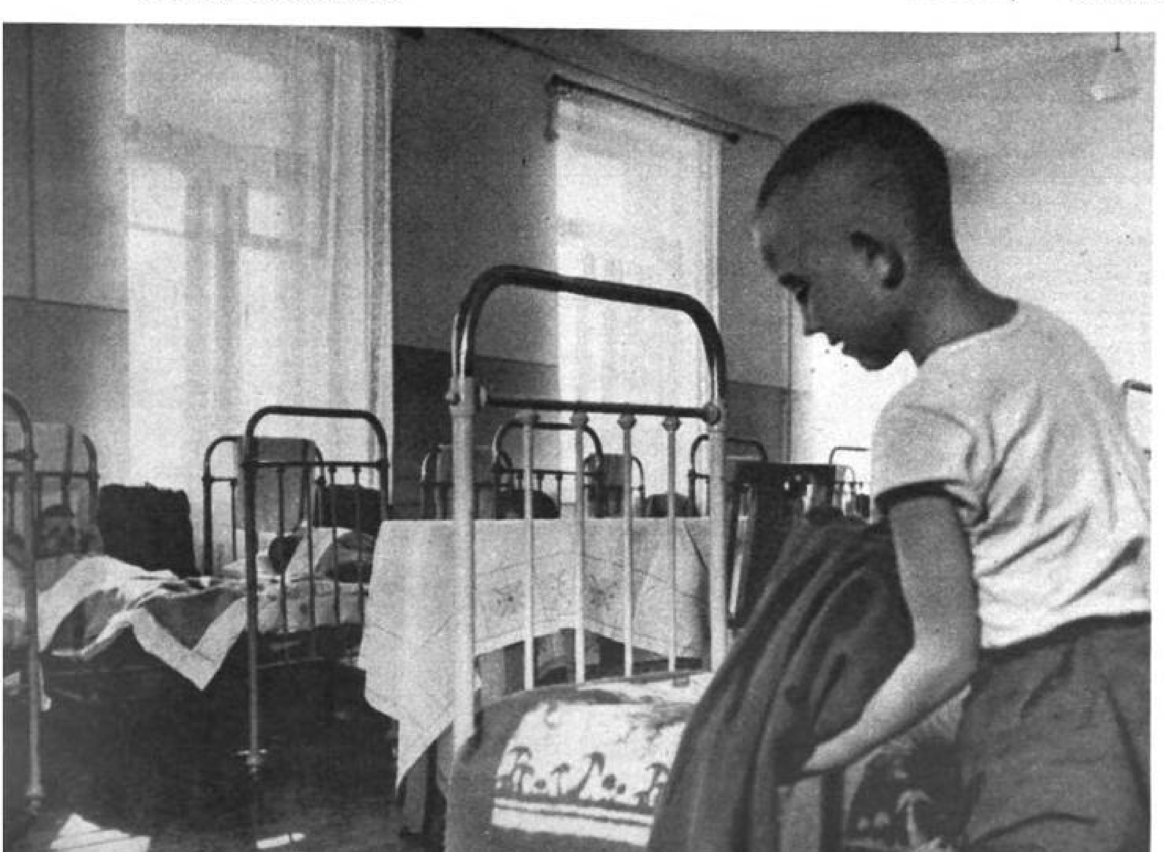
Что делается в Российской Федерации для выполнения этого задания семилетки? С таким вопросом мы обратились к заместителю министра просвещения РСФСР Ивану Васильевичу Падежнову.

— Сейчас в республике имеется около трехсот школ-интернатов, в которых живут и учатся 85 тысяч ребят. Это, конечно, еще мало, очень мало. И пока мы не имеем возможности удовлетворить всех желающих обучаться в этих школах.

Но уже в этом году намечено построить еще 500 школ такого типа. Хорошо идет строительство в Москве, Ленинграде, Мурманске, Хабаровском крае, в Тувинской автономной области. Хуже обстоит дело в Кемеровской, Свердловской и Челябинской областях.

Программа в интернатах построена таким образом, чтобы по окончании учебы воспитанники получили рабочую профессию с учетом потребности экономического района, в котором находится школа. Поэтому сейчас уделяется большое внимание подготовке преподавателей специальных дисциплин. При педагогических институтах организуются особые факультеты, а также шести — семимесячные курсы переподготовки.

...Наши фотографии рассказывают о недавно открытой новой школе-интернате в городе Жигулевске, Куйбышевской области.

← Утро. Первыми встают дежурные.

Девочки имеют полную возможность проверять полученные знания по домоводству на практике. Пока, правда, под присмотром шефа.

Кто может устоять от такого искушения, да еще в солнечный весенний день?

— Неужели забыл

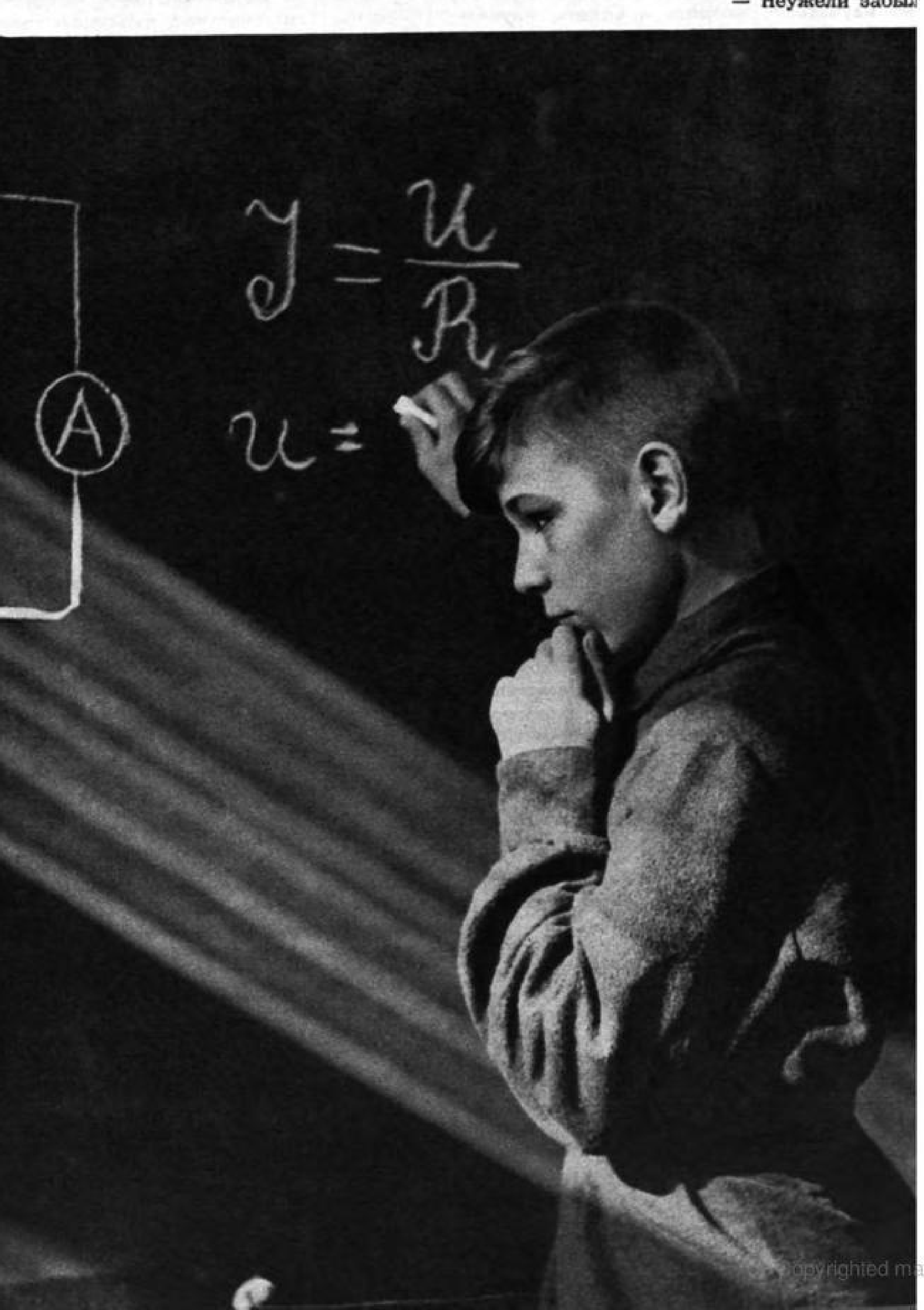
Самостоятельная работа во втором классе «А».

Кружок фотолюбителей. Кажется, получился хороший снимок.

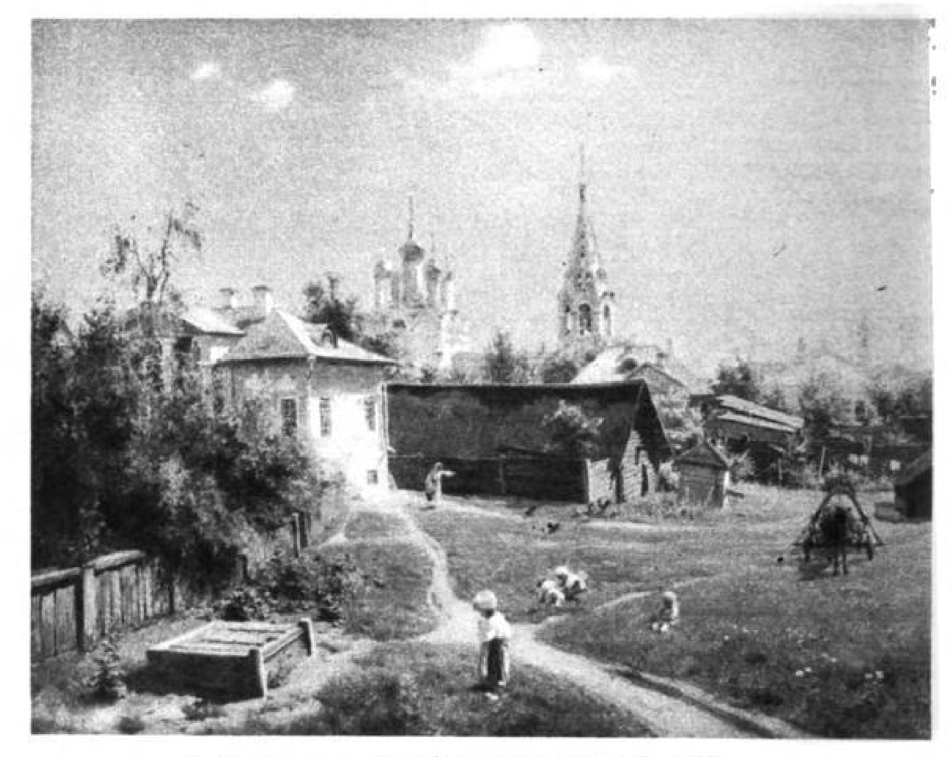
Мама Шуры Комаровой рада: дочь проводит воскресный день дома.

УЧИТЕСЬ СМОТРЕТЬ И ПОНИМАТЬ

ПЕЙЗАЖ И НАСТРОЕНИЕ

В. Д. Поленов. МОСКОВСКИЙ ДВОРИК. 1878 год.

С. ДРУЖИНИН

С чего начать знакомство с творчеством русских пейзажистов, как научиться понимать произведения пейзажной живописи, различать их особенности, верно ценить их достоинства?

Чтобы по-настоящему воспринять, «пережить» картину как произведение искусства, нужно научиться смотреть и видеть, научиться «читать» картины, в том числе и пейзажи, подобно тому, как мы учимся читать книги.

А чтобы прочесть картину (как и книгу), нужно время. Мало взглянуть на нее, нужно в нее всмотреться. И чем меньше у человека опыта, тем больше ему надо затратить на это времени. Поэтому для первого знакомства с живописью нужно взять небольшое число картин.

Кроме того, картины (как и книги) бывают разные: одни из них прочесть легче, другие — трудней, ибо различно их содержание: порою оно бывает просто, а порою — сложно; различен и их художественный язык.

Поэтому начать знакомство с русской пейзажной живописью лучше всего с тех произведений, которые наиболее понятны по содержанию и наиболее доступны по форме, а именно с творчества тех русских художников, которые создавали свои картины в 70—90-х годах XIX века.

Эти художники (члены Товарищества передвижных художественных выставок) ставили своей целью правдиво отражать жизнь, раскрывать в своих картинах прежде всего современную им действительность, русскую природу, выражать в искусстве народные мысли и чувства. При этом, обращаясь к народу, они старались писать так, чтобы было понятно всем.

Одними из первых передвижников-пейзажистов были художники Саврасов и Шишкин.

И. И. Шишкин своим творчеством призывал русских художников обратиться к окружающей их родной природе и рассказать о ней ясным и точным языком.

А. К. Саврасов, по словам его ученика И. И. Левитана, старался «отыскать и в самом простом и обыкновенном те... глубоко трогательные, часто печальные черты, которые так сильно чувствуются в нашем родном пейзаже и так неотразимо действуют на душу. У Саврасова появилась лирика в живописи пейзажа и безграничная любовь к своей родной земле». Левитан указывал на простоту саврасовских пейзажей и вместе с тем на то, что «за этой простотой вы чувствуете мягкую, хорошую душу художника, которому все это дорого и близко».

Саврасов со своими учениками тратил немало сил на поиски мотивов для своих картин. И это понятно, потому что найти в жизни нужный уголок природы, найти хороший мотив, как говорят пейзажисты, очень важно. Саврасову, его современникам, его ученикам было далеко не безразлично, что́ изображать, они придавали очень большое значение самому сюжету своих картин.

Действительно, вспомним несколько пейзажей той поры.

...Начало медлительной и неяркой северной весны. Тает снег под дыханием теплого влажного ветра, суетятся грачи, устраиваясь на оживающих мокрых березках,— это так полюбившаяся всем картина Саврасова «Грачи прилетели».

Кто не помнит «Московский дворик» В. Д. Поленова! Тихий уголок Москвы прошлого столетия с его будничной, неторопливой жизнью. На дворе играют белоголовые ребятишки, идет женщина с ведром воды, стоит забытая лошадь. Чистое голубое небо с легкими, тающими облачками, белая церковка, светлая зелень травы... И все это залито мягким и теплым полуденным солнцем.

...Золотистое поле ржи. Спелые колосья клонятся к земле под тяжестью налившихся зерен. Гордо возвышаются могучие темно-зеленые сосны. А над полем необъятное синее небо. Жарко и душно. Видно, соберется попозже освежающий землю дождь. Такой написал картину «Рожь» И. И. Шишкин.

...Деревенская околица. Набегает вечерняя тень, и с нею вместе потянуло прохладой. Заходит солнце, освещая и околицу и дальний лесок через поле на полотне И. И. Левитана «Летний вечер».

Что объединяет эти различные картины? Прежде всего то, что избранные художниками виды, как говорится, типичны. Кто не видел таких или похожих уголков родной природы? Они знакомы, близки. И когда человек смотрит на них, у него просыпаются воспоминания, пробуждаются пережитые чувства. Порой маленький и скромный пейзаж всколыхнет большие мысли, глубокие душевные движения.

Один вспомнит дворик, заросший травой, другой — березы с грачиными гнездами в сереньких денек ранней весны, а вместе с ними вспомнит детство, мечты и волнения юности.

Третьему вспомнится ржаное поле, и он подумает словами самого Шишкина, которые художник написал на одном из своих рисунков: «Раздолье, простор, угодье, рожь, благодать. Русское богатство».

Наконец, немало найдется людей, которые, глядя на левитановский «Летний вечер», вспомнят, что, может быть, когда-то возле такой же околицы они с особенной силой пережили чувство родины, ощутили свою неразрывную связь с нею, поняли, что не могут жить без ее полей и лесов.

Однако как ни велико значение мотива, сюжета для пейзажа, в искусстве важно не только что́, но и как изображено.

Для того чтобы написать пейзаж, верно передать жизненные впечатления, нужен не только талант, но и знание того, что́ художник пишет, нужен опыт, умение перенести на плоский холст трехмерный мир, умение передать форму предметов, их цветовое своеобразие, пространство, свет. Словом, нужно мастерство.

Этим мастерством изображения прекрасно владел И. И. Шишкин.

В своих работах, в особенности ранних (например, «Рубка леса», 1867), Шишкин хотел как можно больше и подробнее рассказать о русской природе. Ему была дорога и важна каждая мелочь, он не хотел поступиться ни одним из своих наблюдений. Он как бы заставлял зрителя бродить вместе с ним по лесу и рассматривать каждое дерево, его ствол, ветки, корни, кору, строение ствола в разрезе, папоротники и даже мухоморы. В этих работах, стремясь как можно точнее передать форму, показать пластическое и линейное своеобразие каждого растения, присущий ему цвет, Шишкин мало уделял внимания передаче света и воздуха, как известно, изменяющих окраску и очертания предметов.

Позже Шишкин, сохраняя четкость рисунка и ясность формы, внес в свои картины и свет и воздух. Посмотрите, например, на его чудесный этюд «Сосны, освещенные солнцем». Он напоен ярким солнечным светом и согрет сухим «смолистым» воздухом летнего дня.

Многие картины Шишкина, главным образом более поздние, говорят и о его одаренности как колориста, о его внимании к цветному своеобразию и богатству зримого мира. Вот, например, его картина «Лес в Мордвинове». Надо быть очень зорким, чтобы «разобраться», как говорят художники, в таком трудном для живописца мотиве. Шишкин различил большое количество цветов и оттенков цвета в этом молчаливом, темном хвойном лесу, в его серебристо-зеленом мшистом подножии. Вместе с тем он сумел связать эти многочисленные оттенки, привести их к цветовому единству, к общему тону, к сдержанной и благородной красочной гамме.

Но пейзажист использует краски не только для того, чтобы верно передать впечатление от действительности. Созвучие цветов — колорит — является могучим средством для выражения содержания, внутреннего мира человека, его мыслей и чувств.

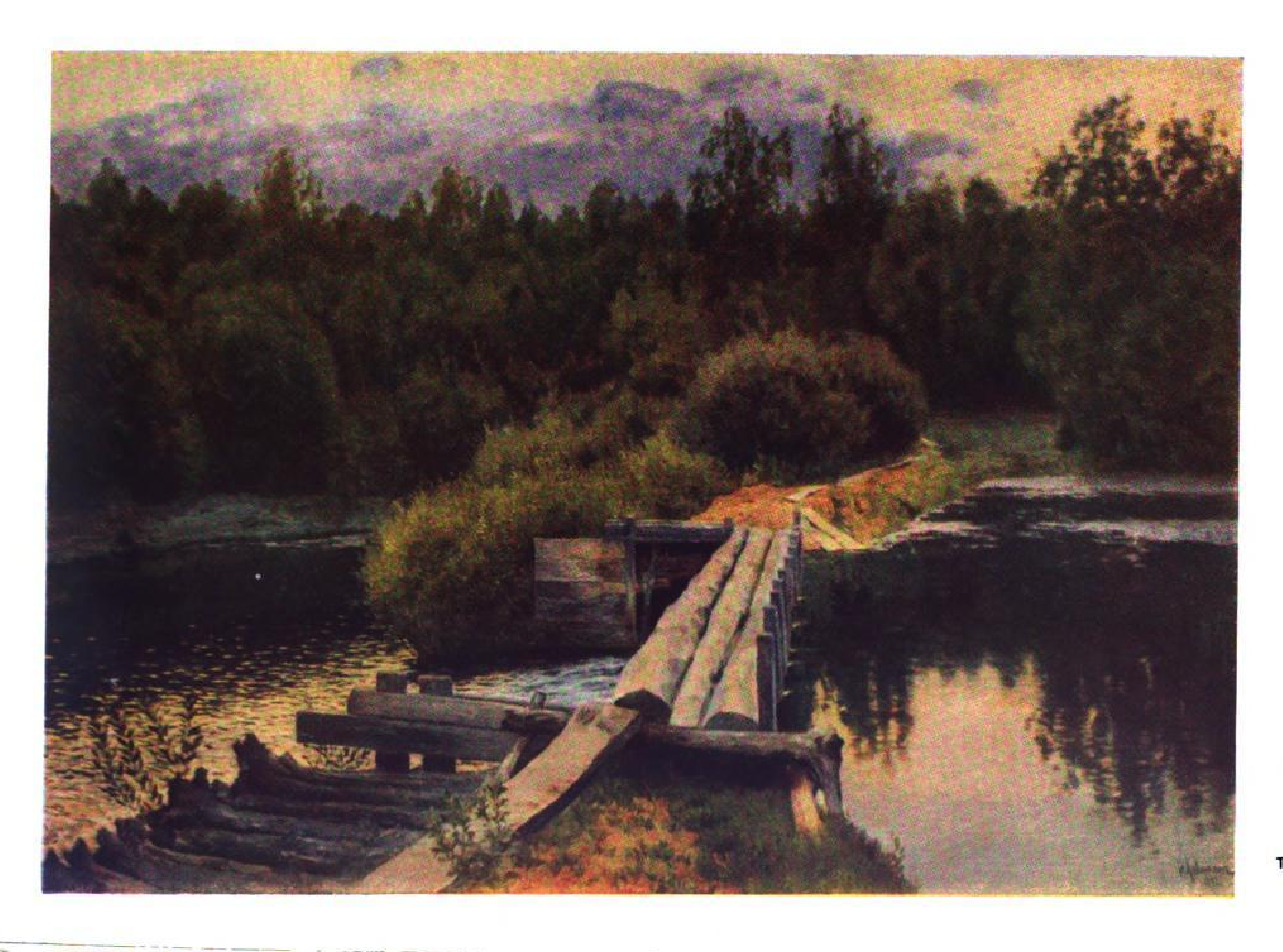
Всмотритесь, например, в картину Левитана «Над вечным покоем». В ней художник выразил трагические переживания, которые родились от сознания несовершенства окружавшей его социальной действительности и незнания путей для ее изменения. Не только выбор мотива, не только построение картины — ее композиция, трактовка пространства,— но и коло-

И. И. Левитан (1861—1900). ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ 1896 год.

Государственная Третьяковская галерея.

И. И. Левитан. НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ. 1894 год.

Государственная Третьяковская галерея.

И. И. Левитан.
У ОМУТА. 1892 год.

Государственная Третьяковская галерея.

рит, цветовое созвучие — все служит здесь созданию художественного образа.

...Словно с высоты смотрит человек на развернувшуюся перед ним суровую картину. Бесконечным кажется пространство, ибо художник дает непрерывную, ничем не ограниченную, уходящую и влево и вправо линию горизонта. Над синей его полосой почти застыли тяжелые тучи, лишь медленно-медленно близятся они к нам. На фоне темных туч длинное, светлое, чуть розоватое облачко. А под ним островок с тонкой, протянувшейся вдоль горизонта косой и острый мыс берега. (Отметим, что в картине преобладают горизонтальные линии, которые обычно связываются с ощущением недвижности, покоя.) Ветер, упорный и непрерывный, несущийся низко над самой землей, тянет за собой (снова вдоль горизонта) листву деревьев, заставляет гнуться их верхушки. Вода, которая легла широкой светлой изогнутой полосой, точно мертвая: матовая, тусклая, без блеска, без отражения, без движения...

Вся картина решена в холодных тонах: свинцовых, лиловато-синих, голубовато-серых. Холодной кажется и неяркая, поблекшая, как бы притушенная зелень травы и деревьев. И среди этого моря холодных тонов лишь одно маленькое теплое красно-желтое пятнышко — огонек в окне старой деревянной церковки. Этот огонек говорит о жизни, о человеке, как бы стоящем перед лицом необъятной природы.

Совсем иные, бодрые, радостные чувства пробуждает картина Левитана «Золотая осень». И здесь большую роль играет цветовое решение. Левитан строит картину на сочетании теплых желтых и синих тонов, вводит красные и изумрудно-зеленые красочные пятна... Празднично звучат «багрец и золото» берез на синем небе. Чист и прозрачен воздух. Холодеет в речке вода. Ярким красным костром вспыхнул прибрежный куст. А там вдали зеленеют всходы озимых, говоря о вечном возрождении природы.

Во многих произведениях Левитана свет и тень, грусть и радость слиты в один художественный образ. Вот перед нами его картина «У омута». Жизнь природы передана здесь так правдиво, так полно, что не только видишь движение воды, которая медленно приближается к плотине, затем бурно, стремительно падает, дробится на множество струй и, постепенно смиряясь, вновь становится спокойной в глубине тихой заводи, но словно начинаешь слышать ее мерный шум, слышать шелест ветерка в кустах и деревьях, начинаешь ощущать прохладу и сырость, чувствовать запах реки и трав.

Картина как бы вводит зрителя в круг народных чувств и преданий, связанных с омутом, рождает сложный мир душевных движений, и сумрачных и светлых и тревожных и ясных.

Народные чувства, народные думы передал Левитан и в своей известной картине «Владимирка». Прав был художник М. В. Нестеров, сам нежный и тонкий поэт русской природы, когда называл эту картину историческим пейзажем. Все в ней говорит о дореволюционной России с ее вольными просторами и скорбью угнетенного народа.

Итак, даже первое беглое знакомство показывает нам, что пейзаж — это не «наглядное пособие» для изучения географии или ботаники и не просто «картинка», тешащая глаз приятными красками. Мы видим, какое большое содержание может раскрыть художник-пейзажист, с какой силой он способен передать в своем произведении глубокие и сложные человеческие переживания.

Пейзаж может играть и воспитательную роль. Замечательный русский пейзажист—увы, умерший совсем юным — Федор Васильев (1850—1873) говорил: «Если написать картину, состоящую из одного... голубого воздуха и гор... и передать это так, как оно в природе, то, я уверен, преступный замысел человека, смотрящего на эту картину, полную благодати и бесконечного торжества и чистоты природы, будет отложен и покажется во всей своей безобразной наготе».

Пейзажи, проникнутые взволнованным переживанием величия и гармонии природы, возвышают и облагораживают наш внутренний мир.

Виктор УРИН

1

Я не верю в вечность мерзлоты!
Неужели удивляться станем?
Скованные холодом пласты
отогреем мы своим дыханьем!

Новоселы золотых долин,
разве эти мысли не законны?
Комсомол у всех у нас один,
нас у Комсомола миллионы.

Нам нельзя в отрогах Колымы
забывать о напряженье века.
Многомиллионный — это мы,
будь хоть нас четыре человека.

Комсомол! Мы светлый отблеск твой,
горсточка в завьюженном селенье.
Да, не зря по жилке золотой
судят обо всем месторожденье.

2

Тайга туманами объята.
Костер пылает в полутьме.
Споем, друзья, споем, ребята,
о комсомольской Колыме!

Поют седые колымчане
о дальней юности своей,
о том, как зимними ночами
им становилось все трудней.

Но не сдавались люди эти,
идя дорогою прямой,
и комсомольский смелый ветер
летел над старой Колымой.

И если станет трудновато,
мы вспомним девушку одну,
мы вспомним тех, кто шел в тридцатых
на золотую целину.

И хватит нашего задора,
и огонька, и теплоты,
чтоб покорить златые горы
и зону вечной мерзлоты.

Из Ягоднинского района,
с крутых прижимов Колымы
на этот край глядим влюбленно,
его судьбой гордимся мы.

И наши будни трудовые
и комсомольские года,
как самородки золотые,
не заржавеют никогда!

Девушки

Иван ВАРАВВА

Ткачиха

Росла незаметно Иринка
Под небом станицы родной.
Тонка, как степная былинка,
Проворна, как ветер степной.

То мак в огороде полола,
То гнала на речку гусят.
А осенью — средняя школа,
Дожди на полях моросят.

Но выросли гуси-гусята,
И маковый цвет облетел.
И вот уж последний, десятый,
Оконченный класс опустел.

Ирина над речкой сидела,
Смотрела, как мальвы горят...
«Хочу настоящего дела,
В текстильный пойду комбинат!»

А к свадьбам по всей по Кубани
Девчата приколют цветы
К фасонистым платьям из ткани
Весенних полей красоты.

И, может, у старого тына
Догадки подруг озарят:
«Так это ведь Ира, Ирина
Соткала наш новый наряд».

* * *

Увижу ли след одинокий
На росной, вечерней тропе,
Услышу ли голос далекий, —
Все думаю я о тебе.

Не ты ли подруг на прополке
Звала на большие дела?
Не ты ли в соседнем поселке
С ума гармониста свела?

Само черноморское лето
С тобою душою сошлось,
Колосья окрасило цветом
Густых твоих, жарких волос.

Всю птицу в зеленом просторе
Собрало на спевки в гаю,
Чтоб слышало все Черноморье
Душевную песню твою.

Время

Алексей МАРКОВ

Возраст

Я любил мальчишкою развалины
Барских голубых особняков.
Здесь с ватагой ребятни отчаянной
Был до вечера играть готов.

Здесь скрывались мы от зноя летнего,
Разводили в декабре костры...
Сколько было уголков приветливых!
Вспоминаю их до сей поры.

А сегодня не найду желаннее
Места, где возводят этажи.
Погляди на солнечные здания,
Ароматом стружки подыши.

Мастерка широкое движение
Дирижерской палочке под стать.
...Видно, детство склонно к разрушению,
Зрелость нам дана, чтоб созидать.

В солнечный день

Я лежу на траве, а кругом
Золотистая, спелая рожь.
В этот час ни о чем, ни о ком
В моем сердце тоски не найдешь.
Надо мною плывут облака,
Мотыльки лепестками летят.
Колоски пахнут хлебом слегка:
Все, как было лет тыщу назад.

Вдруг прошла реактивного тень,
И вернулся я в нынешний день.

СТЮАРДЕССА

Рассказ

Юрий НАГИБИН

Рисунки Ю. КОРОВИНА.

— Давайте знакомиться, я ваша бортпроводница... стюардесса,— добавила она, глядя на молодого китайца, занимавшего одно из передних мест.— Зовут меня Ольга Ивановна. На борту самолета имеется библиотека и свежие номера журналов. В буфете минеральные, фруктовые воды, печенье, конфеты. Этот прибор,— она кивнула на щиток, вделанный в стенку кабины,— показывает высоту полета, этот — температуру воздуха в самолете; часы не ходят. Первая наша стоянка в Киеве — сорок минут, вторая в Минске — тридцать пять, в Ленинград прибываем в девятнадцать двадцать. На стоянке, при взлете и посадке курить запрещается. Прошу пассажиров освободить хвост.

Мне почему-то казалось, что она обязательно улыбнется, закончив эту непривычно длинную для бортпроводницы речь. Улыбнуться следовало, чтобы снять тот холодок, каким повеяло от вежливого и словно отстраняющего наставления. Но она не улыбнулась, лишь тряхнула головой, откинув упавшую на глаза прядку песочно-желтых волос. Видимо, ощутив этот холодок, пассажиры присмирели, не было той разговорной суеты, какая всегда предшествует отлету. Обычно бортпроводницу засыпают вопросами: есть ли вода, найдется ли что почитать, не будет ли холодно в воздухе, где первая стоянка, можно ли курить? А проводница переходит от кресла к креслу и, наклоняясь, отвечает. Так завязываются простые, непосредственные отношения, стюардесса становится близкой каждому пассажиру. Быть может, Ольга Ивановна поступила правильнее, лучше, но тут терялась нужная в полете интимность: как ни странно, иные пассажиры видят в стюардессе залог благополучного полета. Вступительная речь Ольги Ивановны провела незримую черту меж нею и нами...

Так думал я, глядя на высокую худощавую фигуру нашей бортпроводницы. Она стояла, прислонясь к дверце кабины, руки в карманах белого, туго подпоясанного пыльника, сумка через плечо. У нее были длинные, стройные, сильные ноги, плоская грудь, худые плечи. Желтые вьющиеся волосы обрамляли широкое, несколько бледное лицо с зелеными глазами и большим, прекрасным, чуть подкрашенным ртом. От всего ее облика веяло независимостью и одиночеством.

Когда самолет вырулил на старт, она вышла из кабины, затем вернулась с вазочкой, наполненной прозрачными «Театральными» конфетами, и стала обносить пассажиров. Одни брали конфету молча и с озабоченным видом отправляли в рот, другие вступали в объяснения:

— Для чего это?

— Помогает при взлете.

— Правда, помогает?

Стюардесса пожимает худыми плечами.

— Вы-то сами пробовали?

— Пробовала.

— И как?

— Мне не помогает.

Пассажир, задававший вопросы, рассмеялся, но мне показалось, что стюардесса вовсе не шутит.

Бешено взревели, словно пытаясь уничтожиться в собственном реве, моторы, самолет побежал по взлетной дорожке, неощутимо отделился от земли, чуть просел, будто опробовал воздушную подушку, и стал круто набирать высоту.

Все дальше и дальше уходила милая земля в своей застенчивой весенней голизне, со своими домиками, деревьями, дорогами, но и все шире, все величественнее распахивалась она под нами. И в какой-то миг захотелось сказать самолету: довольно, сохрани ее нам такой! Но самолет упрямо карабкался выше и выше по незримой воздушной лестнице, и все на земле упростилось до примитивных геометрических фигур — квадратов, прямоугольников,— и от нее уже не веяло привычным, щемящим теплом. А потом меж землей и нами повисли какие-то ненастоящие облака. Я отвернулся от окна и закурил, направив на себя вентилятор.

Стюардесса обносила пассажиров книгами.

— Возьмите Сарояна,— убеждала она полного лысого человека в светлом коверкотовом костюме.— Смешно ли?.. И смешно и грустно, как в жизни!..— Впервые она улыбнулась.

Странно она улыбалась — в три приема. Вначале ее большие подкрашенные губы смялись и уголки чуть опустились, придав ее лицу обиженное и вместе удивленное выражение; затем губы пошли вширь, округлив щеки, приоткрылись, обнажив два ряда очень белых зубов; и вдруг будто яркая молния озарила лицо: жарко вспыхнули щеки, взблеснули глаза. И уже как не бывало улыбки, только медленно отливал румянец.

Лысый пассажир повертел в руках Сарояна, нахмурился и взял «Крокодил».

Стюардесса пошла дальше. С трогательным упорством пыталась она навязать пассажирам полюбившуюся ей книгу, но по странному свойству человеческой натуры ее уговоры производили обратное действие. Пассажиры брали затрепанные номера «Смены», «Крокодила», какие-то толстые тома, которые им наверняка не одолеть за время полета, и вежливо отказывались от Сарояна. Когда очередь дошла до меня, я сказал Ольге Ивановне, что читал этот роман.

— Вам понравилось? — спросила она.
— Да, а некоторые главы — очень.
— Какие?
— Хотя бы та, где Весли Джексон плачет, обнаружив в себе писателя. Плачет над собой и над всем окружающим, плачет над прошлым и настоящим, плачет даже над Вудро Вильсоном, которому Клемансо «плюнул в глаза», плачет над собаками и президентом Кулиджем, над атомами и звездами, над Эдгаром По, потому что тот прожил такую печальную жизнь. По-моему, это необыкновенно хорошо: нельзя быть писателем, если не соучаствуешь во всем сущем.
— Почему только писателем? — произнесла она задумчиво.— Нельзя быть человеком...
Мы заговорили о книгах, и меня удивило, как хорошо знает она советскую и западную литературу.
— В этом нет ничего удивительного, я два года работала в книгохранилище.
— Библиотекарем?
— Не совсем, младшим научным сотрудником. Я окончила библиотечный институт.
— И что же? Потом вами овладела охота к перемене мест?
— В этом роде...— И она двинулась дальше.
Все книги розданы, Сароян остался на руках у Ольги Ивановны. Она возвращается к своему обычному месту у рубки и, прислонившись спиной к дверце, открывает книгу где-то посредине. Мне почему-то думается: это как раз то место, где Весли Джексон, ощутив, что его сердце принадлежит всему миру, плачет над собаками и президентами, над близким и далеким.
А мне читать не хочется, и я гляжу в окошко. Там ворочается непрозрачная волокнистая масса, которая с каждым мгновением становится все плотнее. Невидимая рука словно заворачивает самолет в вату.
Стюардесса уже не читает, она разговаривает с пассажиром, сидящим наискось от меня. У него толстые, угольно-черные брови в одну черту, как у Агасфера. Ровный шум самолета уже стал тишиной, мне отчетливо слышно каждое слово.
— Вы всегда летаете этим рейсом? — спрашивает Агасфер.
— Нет. Но довольно часто.
— А живете во Львове?
— А живу во Львове.
— Но большую часть жизни проводите в воздухе?
— Почему? Мы должны налетать сто двадцать часов в месяц.
— И все?
— И все.
— А что вы делаете остальное время?
Разговор явно не доставляет стюардессе удовольствия, но она должна его поддерживать, так принято в воздухе: ведь иной пассажир болтает не от праздности, а от плохого самочувствия. Впрочем, на последний вопрос стюардесса не отвечает.
— Дело в том, что я и сам из Львова,— поясняет Агасфер.
— Ах, вот оно что!.. Остальное время я отсыпаюсь.
— И никуда не ходите?
— Куда же мне ходить?
— В театр, кино...
— Я смотрю сны, это интересней.
— А если я вам дам свой телефон?
— Хотите холодного боржома?
— Ольга Ивановна! — окликнул я стюардессу, прежде чем сбитый с толку пассажир возобновил атаку.
Она сразу подошла.
— Мне ничего не нужно. Я думал, вы хотите избавиться от этого... Агасфера.
Она улыбнулась своей долгой улыбкой и присела на ручку свободного кресла.
— Я его тоже так про себя называла. Удивительные брови, словно козырек над глазами...
— Ольга Ивановна,— спросил я напрямик,— почему вы переменили профессию?
— Спросите о чем-нибудь полегче.
— Заработок?..
— Да,— ответила она почти надменно.— Я получаю здесь на сорок рублей больше.
— Простите,— пробормотал я, поняв, что ненароком коснулся запретной темы.
Тут ее отозвали, и я взялся за книгу. «Стоял золотой осенний день...» Нет, ничего не получается. Книга похожа на крючок без бородки, и я, словно окунь, срываюсь прежде, чем она меня подсечет.

За окошком ясная, холодная пустота, а внизу, под нами, будто застывшая лава, изборожденная суровыми морщинами. Трудно поверить, что это облака. Неожиданно чувствую, что стало труднее дышать. Бросаю взгляд на приборы — стрелка колеблется возле цифры четыре. Высоко же мы забрались! Стюардесса несет кому-то воду. Ее бледное лицо приняло почему-то голубоватый оттенок. Когда она возвращалась, я тихо спросил, что с ней. Она улыбнулась, приложила палец к губам и доверительно шепнула:
— Я не очень хорошо переношу высоту.

Ее своеобразная, трехступенчатая улыбка как-то странно оборвалась на второй ступеньке, не родив вспышки. Видно, ей и впрямь было не по себе.

А затем мы что-то уж слишком быстро стали снижаться, пробивая толщу облаков. Потом я узнал, что началось обледенение. Пассажиры дружно оглохли, и Ольга Ивановна показывала, как восстановить слух: надо зажать нос пальцами и с силой вытолкнуть воздух. Опять появилась вазочка с «Театральными», земля стала торчмя, самолет пошел на посадку: Киев.

От Киева мы шли совсем низко, почти на бреющем, и вначале всех это радовало. Мы отчетливо видели скинувший ледяную броню Днепр, его еще подернутые льдом притоки, темный, костлявый силуэт Киево-Печерской лавры, крошечные хаты, коров, похожих на собак, собак, похожих на мышей. Но потом, как обычно при низком полете, началась болтанка. Все, что могло шевелиться, качаться, подпрыгивать, пришло в движение. Подпрыгивали в сетках свертки, шляпы и кепки, раскачивались на крючках пальто и плащи, ерзали в хвосте чемоданы, и мы, пассажиры, не отставали от наших вещей: мы тоже ерзали, подпрыгивали, болтались на своих местах. Теперь Ольга Ивановна разносила не книги, а пакеты. Сигнал подала немолодая женщина в кокетливой соломенной шляпке. Взмахнув короткими, полными руками, она схватилась за горло, простонав одно слово: «Пакет!» Затем, скосив на стюардессу пожелтевшие глаза, застенчиво-умоляющим взглядом попросил о том же китаец.

Вскоре Ольга Ивановна совсем сбилась с ног, но, мне кажется, в пакете больше всего нуждалась она сама. От дурноты и мучительных усилий превозмочь ее у нее сделалось какое-то меловое лицо.
— Может, помочь вам? — шепнул я ей.

Знакомым испуганным движением она приложила палец к губам.
— Меня не допустят к полетам! — Она попыталась улыбнуться, и снова улыбка не послушалась ее, задержавшись на гримаске слабости.

И все же наша бортпроводница была стойким солдатиком и не сдалась до конца. Когда же самолет снова пошел ровно, она прибрала за пассажирами, вымыла руки одеколоном и стала обносить нас фруктовой и минеральной водой, лимонами и конфетами.

— Вам боржом? — склонялась она к очередному пассажиру.— Открыть?..

В томном изнеможении пассажир непременно требовал открыть. Она пристраивала поднос на спинке или ручке кресла и откупоривала бутылку. Затем, покорно выслушав замечание, что боржом слишком теплый или слишком холодный, двигалась дальше.

— Вам лимон?.. Сейчас нарежу!
Поднос снова обретал точку шаткого равновесия, и стюардесса быстро нарезала лимон кружочками.

— К сожалению, сахарной пудры у нас нет... Поверьте, кисленький он лучше помогает... Я не учу вас, а советую...

Оказывается, болтанка еще не самое неприятное для плохо переносящей воздух стюардессы. Худшее началось, когда чуть отошедшие после болтанки пассажиры стали показывать характер. Они словно считали стюардессу ответственной за те скверные минуты, что им пришлось пережить. Едва она, совершив обход, отнесла поднос в рубку, как началось:

— Дайте воды!.. Почему вы не даете мне воды?..
— Я предлагала, вы отказались.
— Тогда мне не хотелось...
Стюардесса приносит воду.
— Боржом? Нет, я хочу фруктовую... Постойте, куда вы? Ладно, давайте боржом!..
— Откройте вентилятор: дышать нечем!
— Закройте вентилятор: собачий холод!
Стюардесса открывает вентилятор и поворачивает трубку так, чтобы свежая струя воздуха шла в лицо одному, не затрагивая другого.
— Ольга Ивановна! Товарищ стюардесса!..— Это кричит Агасфер.
— Иду!.. Что желаете?
— Немного вашего тепла.— Пока длилась болтанка, Агасфер неоднократно прикладывался к плоской фляге с коньяком.
— Вам холодно? Я закрою вентилятор.
— Не надо. Мне просто грустно...
— Могу предложить вам «Крокодил», «Перець» или «Вожык».
Агасфер безнадежно машет рукой. Ольга Ивановна отходит.
Когда пассажиры сморились, Ольга Ивановна подошла и привычно опустилась на ручку соседнего со мной кресла.
— По-моему, самое трудное в вашем деле — не утратить веру в человечество,— сказал я.
Она слабо усмехнулась.
— Обычная история... После болтанки пассажиры всегда капризничают.
— Нервная разрядка?
— И это... А мужчинам к тому же стыдно, что они плохо себя вели. Чепуха!..
Я силюсь понять выражение, с каким это говорится. Она, несомненно, человек гордый и ранимый. Откуда же такое спокойствие? От всепрощающей доброты, от пренебрежения к людям, от профессиональной выдержки и привычки? Нет, не похоже. Ясно одно: выкрутасы пассажиров ее почти не трогают, не задевают внутреннего существа. Она искренне участлива к тем, кому действительно плохо, и лишь порой подавляет легкую досаду. Что же это за броня, делающая ее неуязвимой? Она более всего походит на человека, который, приняв главное, трудное решение, не придает значения осложняющим мелочам. Но в чем же это решение? Почему молодая женщина, получив-

Как хорошо было бы любить во Львове! Но что поделаешь, я люблю в Минске. Ничего страшного, правда? Мы видимся не так уж редко, иногда три — четыре раза в месяц. А теперь уж недолго ждать: через два года я приземлюсь насовсем...

Наш полет близится к концу. За окошком по-прежнему голубело небо, а земля погружалась в ночь. Тяжелые, сумрачные тени накрыли расстилающийся под нами ландшафт. Вскоре тени слились в сплошной покров, и на земле зажглись огни. Не желая отставать, небо отсигналило земле тихими огоньками крошечных, едва приметных звезд. Если б в самолете не зажгли электрический свет, мы еще долго скользили бы по краю ночи. Но, осветившись изнутри, самолет сам себя кинул в ночной мрак.

Внизу замелькали красные огни, затем сгинули, отброшенные самолетом, и снова возникли совсем близко. Мы приземляемся в Ленинградском аэропорту.

— Граждане, прошу по одному!.. О вещах не беспокойтесь: их доставят!..

Один за другим пассажиры спускаются по шаткой лесенке. Сейчас, когда цель достигнута и никому уж не грозит ни тошнота, ни сердечная слабость, каждый находит доброе слово для стюардессы, чью заботливость и терпение наконец-то все оценили. Неуемные любители боржома и фруктовой, пакетов, лимонов, печенья, «Золотого ключика», вновь став милыми и деликатными людьми, тепло благодарят Ольгу Ивановну, просят прощения, «если что не так», жмут руки. Привычная к подобным превращениям, стюардесса отвечает спокойно и благожелательно.

Прихватив свой легкий чемоданчик, спускаюсь и я. До чего же приятно ощутить под ногой твердую, надежную землю и знать, что никто не оторвет тебя от нее! Стюардесса стоит близ приставной лесенки, высокая, тонкая, зябко поводя худыми плечами. Что-то покинутое, сиротливое видится мне в ее фигуре, и я говорю:

— Ольга Ивановна, у меня к вам дружеское предложение: поедемте в город, вместе поужинаем. А потом я доставлю вас назад.

— Спасибо, но мы через час вылетаем в обратный рейс.

— Так быстро?

— Да.

— Что же, поужинаем здесь.

— Мне бы так хотелось! — говорит она искренне.— Но ничего не выйдет: разные формальности... Вы не огорчайтесь за меня,— добавляет она,— мы же сейчас полетим опять через Минск.

Зычные ямщицкие окрики заставляют меня попятиться: это на своих автокарах подъезжают носильщики. Начинается суматошная выгрузка багажа. Я постоял да и побрел прочь, так ничего и не сказав ей на прощание, только помахал рукой. Ну что же, я все-таки скажу те прощальные слова, которые не сказались тогда. Где бы вы ни были сейчас, бортпроводница, со своей большой любовью, на земле или в воздухе, мне от души хочется пожелать вам тихой летной погоды и чтобы все ваши маршруты вели через Минск, до того последнего, когда на прочной земле обретете вы заслуженное счастье.

шая высшее образование, занимавшаяся любимым делом, пожертвовала им ради мало подходящей к ее физической природе должности стюардессы?

— Послушайте, Ольга Ивановна, зачем все-таки вы стали бортпроводницей?

— Я была уверена, что вы снова спросите... Да, воздух не моя стихия. Я люблю землю.

— Так зачем же все-таки?..

— Отвечать обязательно?

Я пожал плечами.

— Тут нет ничего такого...— Она чуть затуманилась.— Можно, я отвечу вам после Минска?..

По времени мы уже должны были подлетать к Минску, но самолет шел своим ровным, натужливым ходом, и ничто не предвещало близости аэропорта.

Ольга Ивановна скрылась в рубке, а когда вновь появилась, вид у нее был огорченный.

— Опаздываем на сорок минут!.. — объявила она.

— Сорок минут не так много,— сказал я.— Сократят стоянку, наверстаем.

Она как-то странно посмотрела на меня.

— То-то и оно, что сократят стоянку...

Из рубки появился второй пилот в накинутой на плечи щеголеватой кожаной курточке со множеством блестящих «молний».

— Олюшка, Володя уже отбил десять минут!..

Она сжала худые пальцы.

— Ох, мальчики, постарайтесь!..

— Ты же знаешь Володю!.. Да ведь много не выжмешь... Кабы «ИЛ-18»!..

К моменту посадки в Минске Володя «отбил» еще семь минут, и все же стоянку сократили вдвое. Об этом твердым и печальным голосом сообщила нам Ольга Ивановна, когда, яростно взревев напоследок, смолкли моторы.

— Граждане, не торопитесь! Прошу по одному!..

Прибежал второй пилот.

— Олюшка, ступай, мы последим за порядком.

Следом за Ольгой Ивановной я спустился по сходням. Мы прошли за металлическую ограду, отделяющую взлетное поле от здания аэропорта.

Из-за широкой спины дежурного навстречу Ольге Ивановне стремительно вышагнул невысокий плечистый молодой человек в плаще с поднятым воротом. Они обменялись коротким рукопожатием и сразу отошли к дальней скамейке. Усевшись, близко склонились друг к другу и о чем-то заговорили быстро и горячо.

Когда, наскоро проглотив в буфете стакан чаю, я возвращался к самолету, они все еще сидели на скамье, и он держал Ольгу за руку. За посадкой наблюдал второй пилот. Вот уже отъехала бензомашина, заправлявшая самолет горючим.

— По местам, товарищи! — крикнул второй пилот.

В вырезе дверцы появилась Ольга Ивановна.

— Спасибо, Петя,— сказала она устало.

Второй пилот задраил дверь, и снова стюардесса обносит нас спасительными конфетами, и снова с пустой вазочкой в руках присаживается рядом со мной на ручку свободного кресла. Лицо у нее утомленное и печальное, и мне кажется, она сама готова продолжить разговор, начатый перед Минском. Но теперь, когда приоткрылось ее сокровенное, говорить об этом стало куда труднее.

— Вот так-то! — произносит она и слегка качает головой.

— Это ваш жених, Ольга?

— Не знаю. Просто любимый человек.

— Так это из-за него?..

Она кивает.

— И давно?

— Больше двух лет. Мы познакомились во Львове, он после армии готовился в вуз.

— Он тоже из Львова?

— Нет, сибиряк. Но дома у него никого не осталось...

— Почему же он не поселился во Львове?

— У нас нет такого института, он и уехал в Минск. Живет в общежитии.

— А почему бы вам не поменять Львов на Минск?

— Это не так просто. У меня больная мама, мы живем в хорошей комнате, соседка помогает ей, когда меня нет. Не так-то легко старому человеку сняться с места!.. Потом, когда Борис получит назначение, мы, конечно, будем все вместе...— Она посмотрела на меня остро и недобро, губы ее дрогнули.— Не убедительно, да?.. Конечно, будь я совсем-совсем уверена, может, и нашелся бы выход. Но понимаете...— Она мучительно наморщила лоб.— Ведь это я к нему летаю... Правда, он убегает с лекций, чтобы повидать меня на аэродроме...— Она вдруг мило, легко засмеялась.—

ПЕРЕД ПЛЕНУМОМ ЦК КПСС

ВСЕ УСТРЕМЛЕНО В БУДУЩЕЕ

Александр Никитович Виташкевич.

В. ПОНОМАРЕВ

Самый молодой завод автоматических линий находится в Минске. Это предприятие, рожденное после XX съезда партии.

Даже в его внешнем виде приметы современности. Одна из них — простор железобетонных корпусов. Привычные стальные фермы перекрытий заменены легкими 24-метровыми балками из напряженного железобетона. Главный корпус так велик, высок и светел, что под крышей летают голуби. Рядом другие такие же корпуса. А еще дальше возводятся новые... В годы семилетки это предприятие займет достойное место среди самых крупных в Союзе заводов автоматических линий.

Самый молодой! Очень часто употребляется слово «самый». Но что поделаешь, так оно и есть. Если говорить о специальном конструкторском бюро при заводе, то приходится отметить, что оно самое крупное в республике. И понятно: передний край, главное направление!

С заводом нас знакомит заместитель главного конструктора Николай Степанович Бодрый.

Через несколько дней конструкторы переедут в свой корпус, а пока они размещаются во временно предоставленных им комнатах. Немножко тесновато, напоминает студенческую аудиторию. Может быть, потому, что куда ни глянь — молодые специалисты.

Николай Степанович познакомил нас с одним из них. Владимиру Кравцову нет еще и двадцати двух. Окончил Витебский станкоинструментальный техникум и сразу получил назначение на МЗАЛ — так сокращенно зовется Минский завод автоматических линий и агрегатных станков. За год он уже дважды переаттестовывался и теперь — конструктор второй категории. С осени будет заниматься на вечернем отделении политехнического института. На его доске деталь вертикально-сверлильного 20-шпиндельного агрегатного станка — заказ запорожского завода «Коммунар», того самого, что будет выпускать микролитражные автомобили.

Из бюро мы направились в цехи, туда, где конструкторская мысль воплощается в металл. Здесь нет массового производства. Изготовление почти каждой детали требует индивидуального решения и дает большой простор творчеству. Поэтому тут так часто встречаешь конструкторов. Присматриваешься, прислушиваешься к разговору людей и не сразу разберешь, кто из них рабочий, кто инженер...

Вот такое ощущение охватывает тебя, когда слушаешь рассказ коммуниста Александра Никитовича Виташкевича. Он рабочий, расточник. А замах инженерный. Александр Никитович считает, что возросшая общая и техническая культура современного рабочего позволяет обходиться без опеки дежурных слесарей-ремонтников и наладчиков. Передовому рабочему надо переходить на самообслуживание.

У Александра Никитовича уже много последователей в городах республики. Опыт его поддержан Белорусским совнархозом и Минским горкомом партии.

Участок за участком, пролет за пролетом, цех за цехом. Все тут ново, все молодо!

Первой собранной здесь автоматической линии уже нет: ее отправили Луганскому тепловозостроительному заводу. Она заменит 16 станков и высвободит 18 рабочих.

Вторая линия, «ЛМ-19», на отладке. На ней будут обрабатывать поршни автомобильного двигателя.

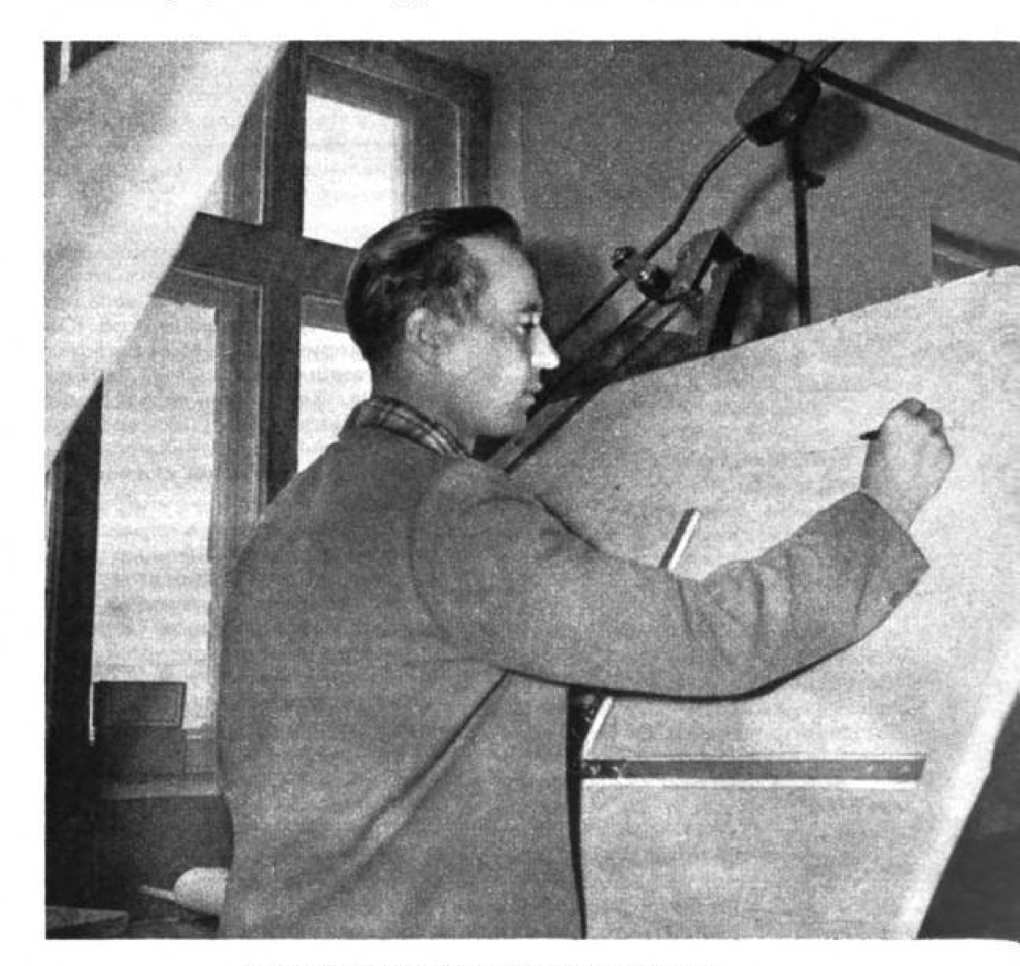
Движущиеся по ленте транспортера детали идут в станки. Зажимные устройства быстро, ловко и четко перебрасывают отливки с одних операций на другие, затем на автоматический контроль и выталкивают в ящики. Тысяча восемьсот поршней в час!

Постороннему кажется, что все идет ладно. Но вот над ящиком с обработанными деталями склонились люди. Что-то проверяют, подкручивают. И вот снова подается команда: «Дать линии полную нагрузку!»

Проходит время, и кто-то с удовлетворением замечает: «Словно семечки щелкает!»

Мы возвращаемся в конструкторское бюро. Наш спутник, Николай Степанович, с увлечением рассказывает о заводских делах. Уже предложено больше 80 унифицированных узлов, пригодных к разным машинам. Конструкторы работают над созданием новых автоматических линий, в частности, для обработки деталей турбобуров и изготовления зубчатых колес...

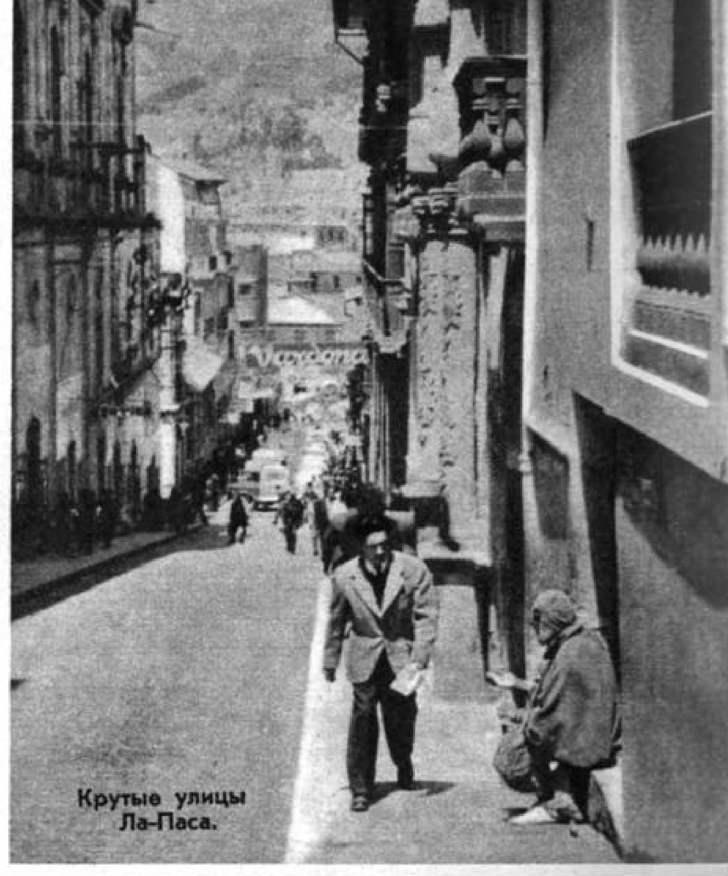
Здесь все устремлено вперед, в будущее. И, побывав на этом заводе, ты словно совершаешь путешествие в завтрашний день нашего машиностроения.

Молодой конструктор Владимир Кравцов.
Фото М. Минковича.

Стадо лам на горном пастбище.

Крутые улицы Ла-Паса.

В ВЫСОКИХ АНДАХ

Вас. ЧИЧКОВ

Ла-Пас — столица Боливии

Когда поезд забирается на высоту 4 200 метров, за окном раскрывается необъятная горная панорама Анд: на фоне голубого безоблачного неба тянутся ввысь белоснежные пики, вниз убегают пропасти, затянутые сероватой дымкой. Поезд, полустанки — все кажется таким маленьким и невзрачным среди этого величия.

Потом поезд вырывается на ровное, как стекло, плоскогорье. Колеса стучат веселее. Все чаще попадаются поселки из серых, однообразных домиков. Наконец Ла-Пас, который называют столицей, хотя официально столица Боливии — Сукре.

Вокзал в Ла-Пасе небольшой, но сколько здесь носильщиков, которые буквально атакуют приезжего! Потом пассажир сталкивается с новым заслоном — из шоферов такси. В Ла-Пасе, как и везде в Южной Америке, шоферы в то же время и гиды, агенты торговых компаний и всякого рода увеселительных заведений.

Молодой худощавый парень, размахивая длинными руками, начал перечислять на ходу уже знакомые мне истины.

— Ла-Пас — «самый высокий» и «самый индейский» город Южной Америки, — тараторил шофер, слегка подталкивая меня к своей машине. — Высота — 3 700 метров. Многие, прилетев в Ла-Пас на самолете, лежат неделю в госпитале, прежде чем акклиматизируются. В Ла-Пасе живет 350 тысяч человек...

Наверное, только в Андах можно увидеть столь своеобразный и необычный город. Ла-Пас раскинулся в огромной котловине, и сверху его видно как на ладони. В самом низу — центр города; от него вверх расходятся улицы, и чем выше, тем беднее домики, прилепившиеся к склонам. На автомашине добраться доверху нельзя: улицы поднимаются почти вертикально. Тротуарами служат крутые лестницы.

Большинство жителей Ла-Паса — индейцы. Это индейцы горных племен, круглолицые, с черными, как смоль, волосами. Мужчины носят вязаные шапки-ушанки, женщины — шляпы, напоминающие котелки, которые были в моде у нас в старину. Детей женщины обычно сажают за спину, в специальный мешок, укрепленный на плечах.

Большое число индейцев, живущих по своим древним обычаям в Ла-Пасе, придают этому городу своеобразный вид. Для западных туристов, разъезжающих по Южной Америке в поисках экзотики и «настоящих» индейцев, Ла-Пас — находка. Здесь они могут сфотографироваться с индейцами и потом где-нибудь в Чикаго или в Женеве рассказывать сказки...

Однако жизнь не стоит на месте. В наше время в странах Латинской Америки начинается новая эра, которой гордятся жители этих стран. У народов этого континента неодолимо стремление к прогрессу, к освобождению от ига иностранцев, и не заметить этого невозможно.

Сейчас вокруг Ла-Паса, в самых высоких точках гигантской котловины, стоят боевые вышки с пулеметами, где дежурят рабочие-горняки. Это будни боливийского народа. На улицах Ла-Паса можно встретить рядом с женщиной, одетой в индейские разноцветные кофту и юбку, горняка в кожаной куртке, с винтовкой на плече. Это новые люди Ла-Паса — пришельцы из провинций. Они начали семь лет назад свое обучение грамоте со слов «долой империализм», «свобода».

Остановите на улице такого «человека с ружьем» и заговорите с ним. Он охотно расскажет вам о том, как в апреле 1952 года безоружные боливийские горняки, задавленные нуждой и горем, поднялись на борьбу против иностранной кабалы, как самоотверженно сражались они с хорошо вооруженными правительственными войсками и разгромили их. Победа принесла народу национализацию оловянных рудников и аграрную реформу. Веками угнетенные крепостные крестьяне-индейцы, получив землю, плакали от радости, от сознания обретенной свободы. Горняки на шахтах создали свою рабочую милицию.

До сих пор боливийцы не расстаются с оружием, чтобы охранять и защищать свои завоевания, которые являются их подлинной гордостью. Да и как не гордиться тем, что из «самой индейской страны» Южной Америки, где почти 70 процентов жителей неграмотны, были изгнаны американские оловянные магнаты!

В оловянных шахтах

В Боливии существуют как бы две разные страны, разные по своему облику и обычаям. Эту разницу определяет высота. Стоит спуститься с гор, как начинаются настоящие южноамериканские джунгли с их суровыми и жестокими законами. Здесь еще встречаются индейцы сальвахес, у которых отравленные стрелы — главное орудие для добывания средств к существованию.

...Но вернемся к Андам. Наш путь ведет в их высокие отроги вблизи города Оруро, где горные недра хранят главное богатство Боливии — олово. Автобус, который ходит из Ла-Паса в Оруро, в шутку зовут «народным». Горцы возвращаются в нем из столицы с покупками, с плетеными корзинами, в которые уложены разные припасы и живность. Женщины в шляпах-котелках сидят чинно, почти не разговаривая. Боливийцы, живущие в горах, по своему характеру молчаливы.

Предприимчивые дельцы явились в Оруро давно, когда он был маленьким селением индейского племени урус. Они искали золото и серебро. Позже здесь обнаружили богатые залежи олова. Под страхом кнута и пули дельцы стали сгонять индейцев в горы, заставляли их вгрызаться в землю. Оловянные шахты становились все глубже, и уже в начале этого века боливийское олово потекло в Чикаго и Лондон. Вскоре появились «оловянные короли» Боливии: Патиньо, Арамайо, Хохшильда. Они назначили на шахты свою администрацию, сосредоточили под своей властью три четверти добычи олова Боливии, заключили контракты с монополиями Соединенных Штатов. В американском штате Техас был построен специальный завод для переработки боливийской руды. Несметные богатства боливийского народа уходили за границу, обогащая хозяев монополий, а народу Боливии оставались гроши.

После того как в 1952 году все шахты вокруг города Оруро были национализированы, управление шахтами взяла в свои руки национальная компания «Минера Боливана».

Шахта Колькири, на которую я приехал, — одно из таких государственных предприятий. Мой приезд вызвал всеобщий интерес. Сначала рабочие и инженеры очень долго разглядывали меня.

— Простите, — говорили они, — но мы никогда не видели советского человека, а сказок про вас рассказывают много!

Потом посыпались бесконечные вопросы о Советском Союзе.

Когда беседа кончилась, я по-

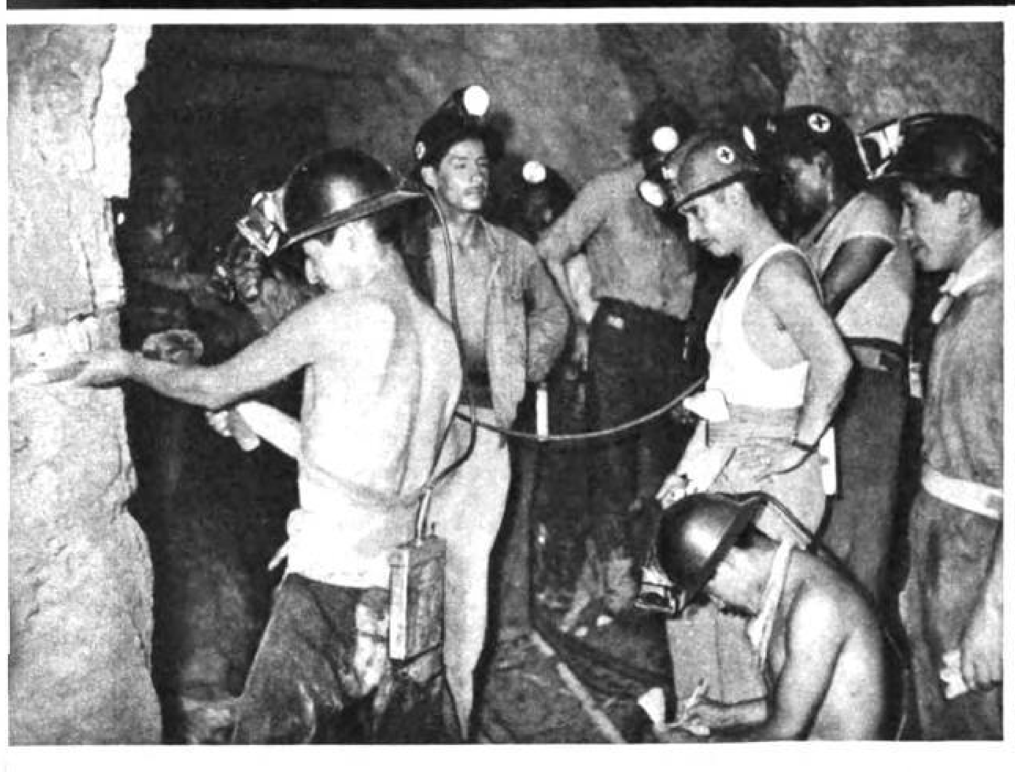

Как в древние времена, глава семьи обрабатывает землю деревянной сохой, жена бросает зерна.

Студенты Ла-Паса — участники антиамериканской демонстрации.

Закладка динамита на шахте Колькири.

На озере Титикака с детских лет приучаются управлять лодками, сделанными из тростника.

просил разрешения спуститься в шахту.

— А сердце у вас здоровое? — недоверчиво спросил инженер.

— Не жалуюсь,— сказал я.

Лишь тогда на меня надели горняцкий шлем с лампочкой.

Шумно захлопнулась железная решетка, и клеть понеслась вниз, в бездонную темноту. Потом клеть судорожно дернулась и остановилась. При тусклом свете лампочек на горняцких шлемах мы долго шагали в душной, влажной темноте, потом поднимались по деревянной лестнице. Она привела нас в темную пещеру, где звездочками мигали огоньки горняцких ламп, стучали отбойные молотки и жалобно скрипели груженые тачки.

Здесь, под землей, я жадно глотал воздух, как вытащенная на берег рыба. Казалось, сердце вот-вот остановится и не хватит сил выбраться на чистый воздух...

Кто-то положил мне на руку увесистый кусок породы и крикнул:

— Олово!

Вот оно, боливийское богатство, из-за которого на протяжении десятилетий дерутся банкиры Англии и Соединенных Штатов.

— Раньше было много хуже,— говорили горняки.—Когда тут правили «оловянные короли», нам приходилось работать по десять—двенадцать часов, сейчас работаем по восемь. Когда прогнали прежних хозяев, на шахте появились две школы, больница, кинотеатр. Построено много новых квартир. Но главное, до национализации мы были рабами шахт, а сейчас свободны! У нас сильный профсоюз на руднике и есть своя рабочая милиция.

— Наша жизнь была бы лучше,— вмешался шахтер со множеством мелких морщин на лице,— если бы нам не ставили палки в колеса американцы. Мы лишили их богатой кормушки в Боливии. Теперь они душат нас: закрывают для нашего олова рынки.

«Мы не хотим быть колонией янки!»

После того как «оловянные короли» и прочие иностранцы должны были ретироваться из Боливии, Соединенные Штаты объявили этой стране настоящую войну. Они решили любой ценой уничтожить «заразительный» пример для других латиноамериканских стран.

Сначала американские колонизаторы отозвали своих специалистов из Боливии, потом добились понижения цен на боливийское олово. Когда новое правительство начало строить сахарные заводы, компании США завалили рынки Боливии своим сахаром по бросовым ценам. Когда появились в стране текстильные фабрики, Америка прибегла к демпингу текстиля. Национальные предприятия разорялись — американские монополии ликовали, предвкушая капитуляцию непокорных боливийцев.

Наконец США заявили, что они вовсе не будут покупать боливийское олово, но при этом добавили: «Другим странам вы олово продавать не имеете права, так как это товар стратегический!» Боливия стала задыхаться в тисках экономического кризиса. Закрывались шахты, еще больше обездоленных появилось на пыльных проселках.

И вот тогда из США послышался «милосердный» голос, извещающий, что боливийцы могут получать 20 миллионов долларов в год в виде «помощи»! Но Боливия была принуждена отдать за это компании «Стандард ойл» нефтяные концессии, повысить курс

доллара. Теперь за один доллар здесь платят 11 500 боливиано!

Боливия стала получать «помощь» в виде пресловутого американского яичного порошка, риса и других продуктов. «Щедрые» опекуны, впрочем, тут же начали упрекать боливийский народ в том, что он ест «чужой хлеб». «Боливия — огромный паразит»,— писала в конце прошлого года американская газета «Америкэн метал маркэт», тесно связанная с монополиями США. «Группа прогрессивных боливийских национализаторов, — с издевкой подчеркивала газета,— одержала большой успех. Она показала, как из ничего можно получить нечто — беспрерывную финансовую помощь США. Политический режим Боливии на деле доказал, что такое паразитизм».

Волна возмущения в связи с этой статьей прокатилась по всей стране. На улицах Ла-Паса собирались большие толпы людей, среди них вооруженные горняки. Добровольцы-ораторы клеймили позором политику Соединенных Штатов, и возмущенные манифестанты громко скандировали: «Долой империализм!».

Империалистам не дает покоя Боливия. Они не могут простить ей национализацию оловянной промышленности и аграрную реформу. Те, кто раньше обогащался на боливийском олове, в своей бессильной злобе готовы уничтожить теперь Боливию, стереть ее с географической карты. Второго марта американский журнал «Тайм» поместил заявление одного из сотрудников посольства Соединенных Штатов в Боливии, в котором так и говорится: «Единственным решением боливийских проблем является раздел территории Боливии между соседними странами».

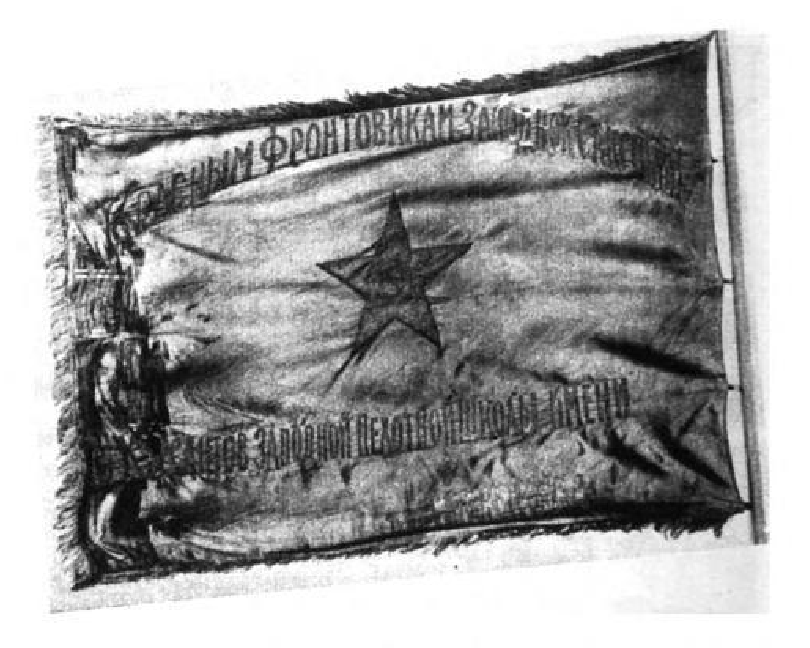
Десять тысяч жителей Ла-Паса собрались перед зданием посольства США для того, чтобы дать ответ на это неслыханное заявление. Град камней обрушился на большие зеркальные стекла посольства. На костре были сожжены сотни экземпляров журнала «Тайм». Раздавались тысячи голосов: «Мы не хотим быть колонией янки!» Полицейские заслоны не смогли сдержать группу молодых парней, которые, выломав дверь посольства и ворвавшись внутрь, разгромили ряд помещений.

Во всех городах Боливии состоялись митинги и антиамериканские демонстрации. В Оруро, Кочабамбе были разгромлены консульства США. В знак протеста против вмешательства Вашингтона во внутренние дела Боливии горняки провели мощную всеобщую забастовку.

Нелегко пришлось американским дипломатам и представителям фирм США в Боливии. В спешном порядке они покинули столицу и поселились в пригороде под усиленной охраной армейских частей. Страх был настолько велик, что наиболее ярые из конгрессменов заговорили о том, чтобы послать в Боливию войска Соединенных Штатов для спасения американских граждан и наведения там «порядка».

Однако эти воинственные заявления уже не производят в Ла-Пасе большого впечатления. Времена изменились. Боливию теперь не сотрешь с лица земли, потому что народ этой страны знает свою силу, свои цели и пути в будущее.

ЗНАМЯ ДРУЖБЫ

Зимой 1941 года, в дни боев под Москвой, в одном из оставленных гитлеровцами блиндажей в мои руки попали страницы из фашистского иллюстрированного журнала. В нем были напечатаны снимки горящего Смоленска. На одной из фотографий изображена группа автоматчиков, бегущая по улице к дому, где я жил до войны.

Текст, сопровождавший эти снимки, фашистский писака закончил развязной фразой:

«Никогда красное знамя не будет развеваться над Смоленском».

Не раз позже я вспоминал эту наглую фразу из геббельсовского «Иллюстрирте». Вспомнил и в ту темную сентябрьскую ночь 1943 года, когда пришла радостная весть об освобождении родного Смоленска. И, разумеется, в тот день, когда в 1945 году увидел в Берлине над рейхстагом красное знамя Победы.

... Дрезден. Ранняя весна 1946 года. Я не могу оторвать глаз от стены, на которой развернуто красное шелковое знамя. Темные полосы на нем безмолвно повествовали о том, что 12 лет гитлеровского режима боевое знамя смоленских комсомольцев провело в надежном убежище.

Напротив меня сидит дрезденский коммунист Гуго Цайдлер, поседевший за годы нацистского господства. Это он, неожиданно встретив меня, сразу узнал во мне — офицере Советской Армии — того смоленского комсомольца, который почти два десятка лет назад вручал ему это красное знамя международной пролетарской солидарности...

И мы вспоминали.

В 1928 году наша комсомольская организация завязала переписку с отрядом красных фронтовиков Дрезден — Нейштадт. Комсомольцы, поддержанные партийными и общественными организациями города Смоленска, решили пригласить на празднование 1 мая 1929 года немецких друзей.

Наступил долгожданный день встречи дорогих гостей. На перроне Смоленского вокзала выстроился наш комсомольский коллектив в защитной форме юнгштурма. Из вагона вышли делегаты дрезденских красных фронтовиков с поднятыми вверх сжатыми кулаками.

В актовом зале Смоленского мединститута в присутствии комсомольцев города мы торжественно вручили делегатам шелковое красное знамя в обмен на боевое знамя 4-го отряда красных фронтовиков Дрездена. Знамя смолян принял глава делегации командир отряда Гуго Цайдлер.

Прошло три года. Дружба смолян с трудящимися Дрездена еще больше укрепилась. И вот 26 апреля 1932 года на первой странице смоленской газеты «Рабочий путь» было напечатано письмо красных фронтовиков Дрездена и Восточно-Саксонского комитета Компартии Германии. В письме выражалось согласие сделать знамя красных фронтовиков Дрездена, хранящееся в Смоленске, знаменем социалистического соревнования районов Западной области.

Всю весну на полях колхозов области шла борьба за знамя дрезденцев. Оно было завоевано колхозниками Ржевского района.

...И вот теперь Гуго Цайдлер рассказывал мне о дальнейшей судьбе нашего смоленского знамени в Дрездене.

— Вскоре после прихода Гитлера к власти я, как и многие другие антифашисты, был брошен в тюрьму. Моя жена, оставшаяся на свободе, решила во что бы то ни стало сохранить знамя смоленских комсомольцев, хранившееся у меня на квартире. Ей на помощь пришел наш друг. Жена и товарищ сколотили специальный ящик, уложили в него знамя. Ночью тайком они вырыли яму в саду и закопали в нее ящик.

Когда я вырвался из лап фашистских тюремщиков, я застал жену уже умирающей. Она так и не успела мне сказать, куда спрятала подарок смоленской молодежи.

Только в начале 1946 года я встретил друга, который с моей женой спрятал знамя в саду.

И вот мы извлекаем заветный ящик. Я дрожал от волнения. Знамя, как и мы, старые антифашисты, с честью выдержало испытания фашистского лихолетья...

Таков был рассказ старого Гуго Цайдлера, которого я с трудом, с помощью старых местных коммунистов, разыскал в разрушенном американскими бомбардировщиками Дрездене.

В 1951 году Гуго Цайдлер, служивший после освобождения в народной полиции, умер. Красное знамя Смоленска было передано в Музей истории рабочего движения Дрездена.

Но в Германской Демократической Республике смоленское знамя не превратилось в обычный музейный экспонат. По решению городского комитета Социалистической единой партии Германии была изготовлена копия исторического знамени, и оно стало переходящим знаменем боевых дружин предприятий района Дрезден — Норд.

И. КРОЛИК, преподаватель Смоленского пединститута

17 лет спустя

«У нас в подразделении выдали фляги, и в одной из сумок для фляг на дне оказалась записка, написанная еще в 1942 году. Таня Фомина, которая шила сумку, желала незнакомому бойцу успеха, счастливого возвращения домой. Прошу Вас, узнайте о судьбе Тани Фоминой».

Так писал в редакцию «Огонька» рядовой Колесников.

Т. С. Фомина-Морозова с мужем, дочкой, племянником и его женой.

Отвечаем Вам, товарищ Колесников.

Татьяна Семеновна Фомина-Морозова живет сейчас в Караганде, работает в интернате при шахте.

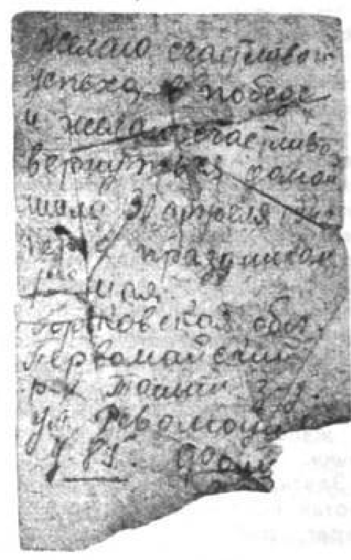
Во время войны Таня вместе со многими девушками Первомайского района, Горьковской области, работала в швейной артели, шила форменную одежду для бойцов.

«Все мы были полны одним желанием,— пишет Татьяна Морозова,— чтобы скорее окончилась война, чтобы наши солдаты вернулись домой здоровыми и невредимыми. И вот в канун праздника 1 Мая я написала несколько слов тому, кто будет носить сшитую мною сумку, свои сердечные пожелания.

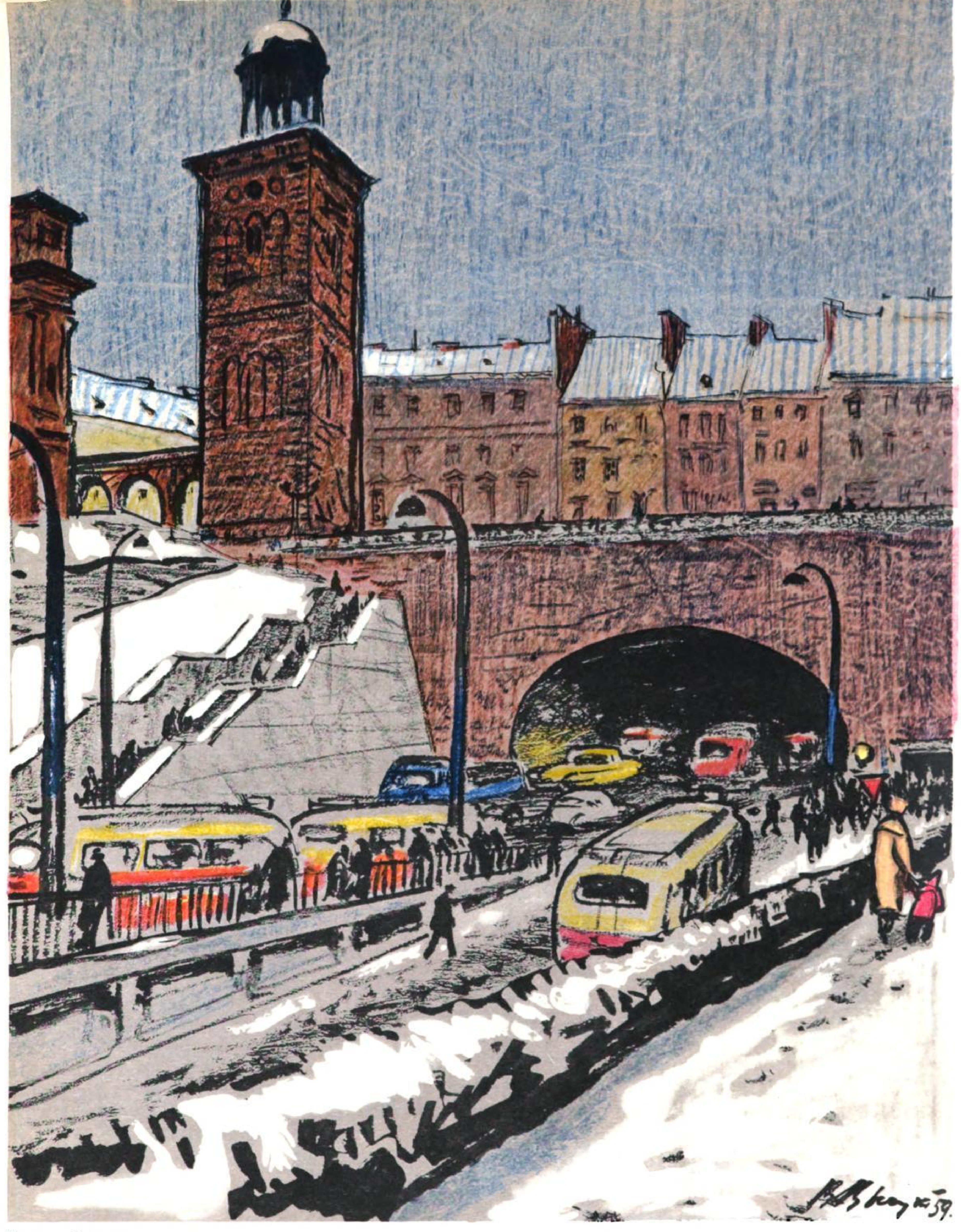
А в начале августа 1942 года я уже сама служила в армии — в частях береговой обороны Военно-Морского Флота. Наше подразделение зенитной артиллерии охраняло порты Архангельск, Северо-Двинск, Мурманск.

После окончания войны я вернулась домой, в 1946 году вышла замуж. Сейчас у меня двое детей, сын учится уже в 7-м классе, а дочка еще маленькая. Муж, Алексей Сергеевич Морозов, работает слесарем в шахте № 70-55, а я сама в интернате шахты № 64-83. Вот коротко о моей жизни.

Шлю дружеский привет бойцу, которому почти 17 лет спустя попала в руки моя случайно сохранившаяся записка».

Записка Тани Фоминой.

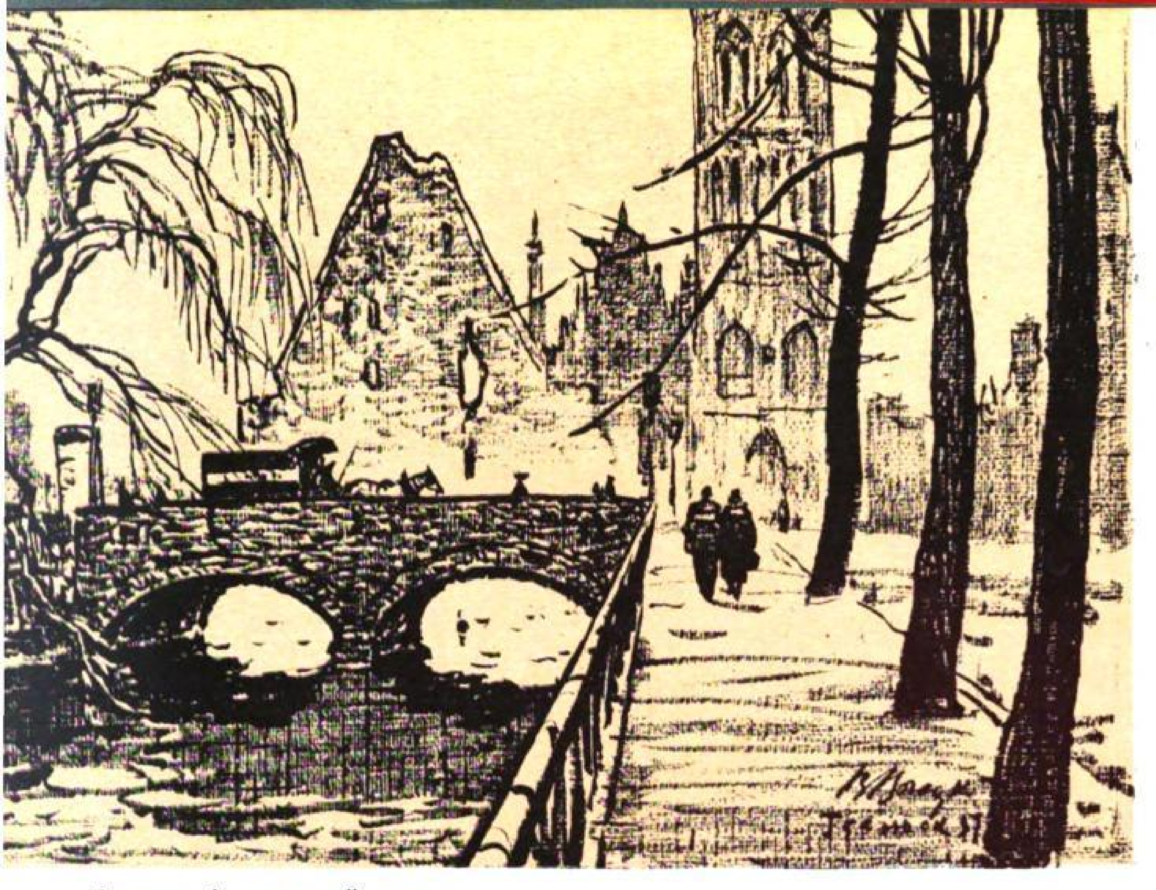

Варшава. Часы пик.

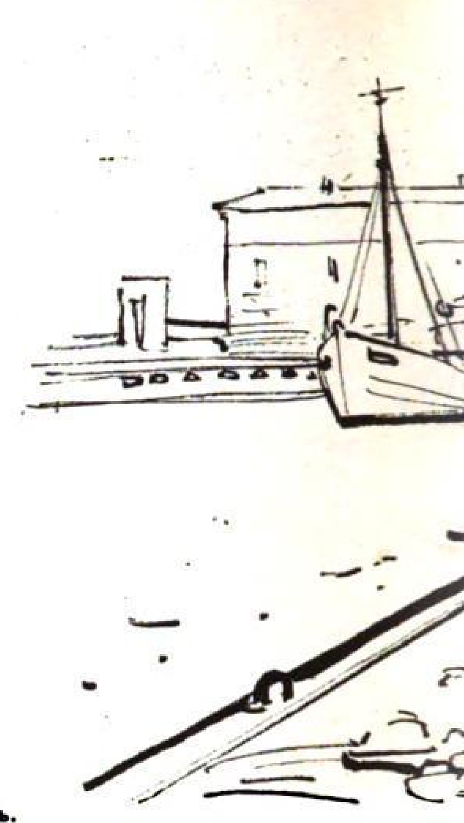
ИЗ ПОЛЬСКОГО АЛЬБОМА

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО. 1959 год.

«Огонек».

Гданьск. Февральский день.

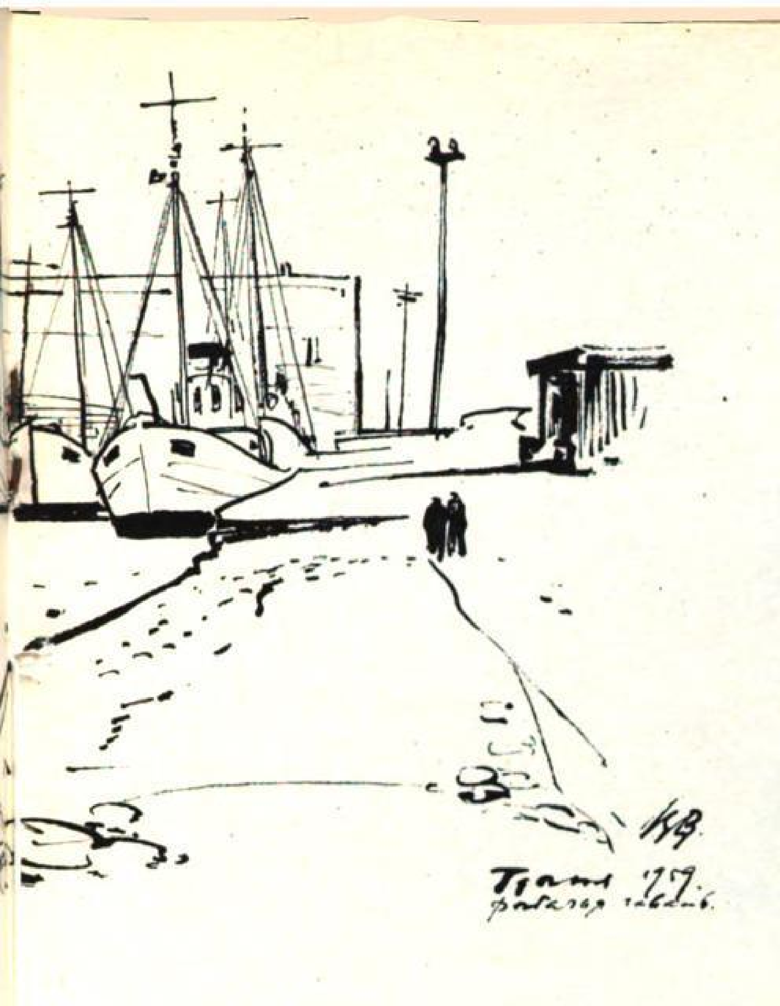

Гдыня. Рыбачья пристань.

В молочном баре.

Краков. Торговая площадь.

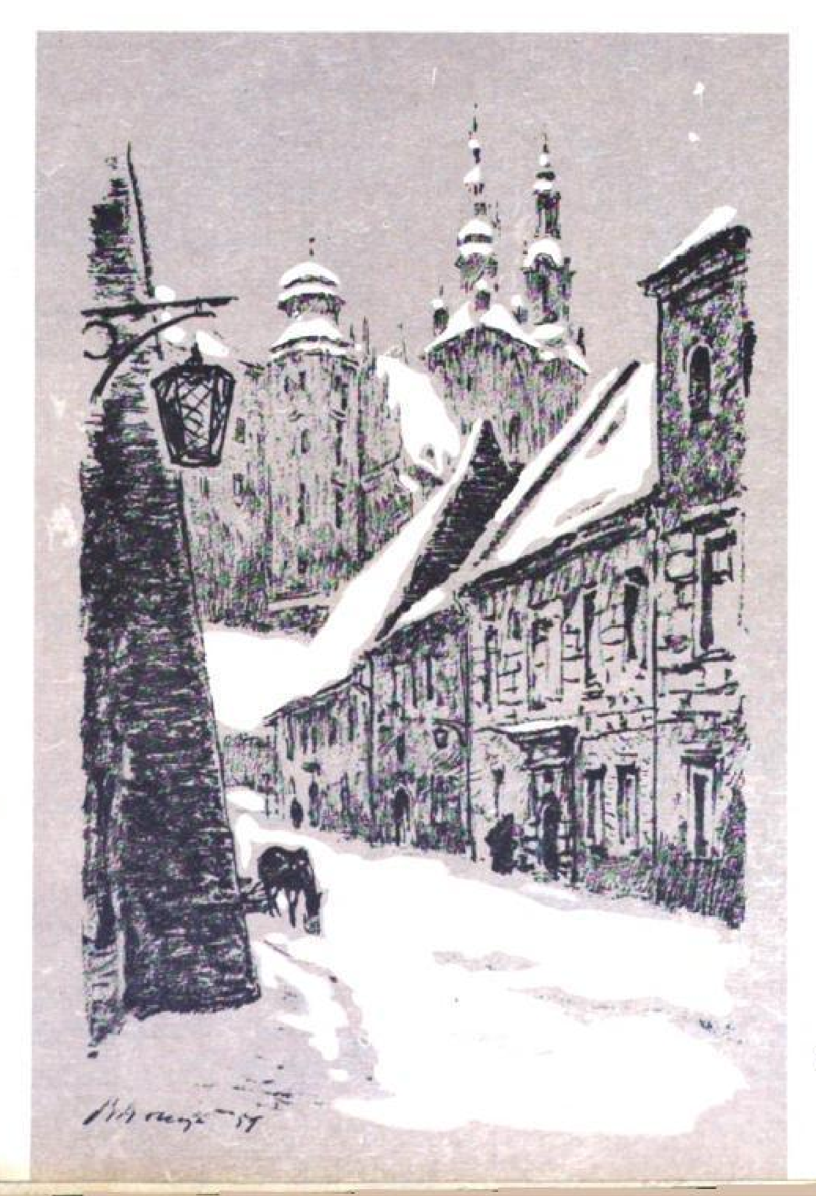
Варшавский почтальон.

Краков. У киоска.

Краков. На площади.

Гданьск восстанавливается.

Краков. Вид на Вавель.

Краков. Снежный день.

ДЕВОЧКА И НЕФТЬ

Наталья ДАВЫДОВА Рассказ Рисунки Л. КОТЛЯРОВА.

Это была самая высокая девочка во дворе и на улице. В четырнадцать лет, когда другие девочки уже начали хорошеть, она оставалась все такой же долговязой и бледной, с удлиненными черными глазами и широким приплюснутым носом. На голове у нее торчала копна жестких, как из проволоки, черных волос.

Ходила она, топая ногами, не знала, куда деть большие красные, обмороженные руки, и прятала их за спину, и застенчиво, вопросительно смотрела на людей.

Она всегда была одета в одно и то же клетчатое платье. Материя попалась прочная, платье не снашивалось, оно только делалось коротко, и его приходилось надставлять. Внизу были пришиты две широкие полосы другого цвета.

Девочку звали Валей. Мать она потеряла в детстве, а отец был геолог, разведчик нефти, постоянно в отъезде.

Валя росла одна. Никто не спрашивал у нее отчета ни в чем, никто ничего от нее не требовал. Отец иногда с тоской смотрел на дочь и думал: «Как ты растешь, чем тебе помочь? Плохо тебе без матери!» И отец думал себе в утешение, что в конце концов все вырастают и становятся людьми.

Видя тройки в ее дневнике, отец стыдился ругать Валю, только спрашивал:

— Ну что же это ты, как же так?

Валя никогда не оправдывалась, не говорила, что учительница виновата.

— Это ничего, папа, — говорила Валя, — я могу исправить.

Но не исправляла: это было неважно ни для дочери, ни для отца.

— Лучше расскажи: как у тебя дела? — спрашивала Валя отца.

Отец Вали тоже был высокий, с торчащими седеющими волосами, губастый, широкоскулый, с такою же удивленной улыбкой. И так же, как Валя, сутулился из-за своего высокого роста.

Отец начинал рассказывать про новое, недавно открытое месторождение нефти. Богато нефти, говорил он, но трудно будет первую зиму с жильем, в деревнях теперь на квартиру пускают неохотно: в деньгах не заинтересованы.

— А где дальше бурить будете? — спрашивала Валя.

Отец показывал по карте.

Вечером к отцу приходили товарищи, и Валя, засыпая на кровати за ширмой, слышала их голоса:

— ...Так, конечно, дикой кошкой мы вышку ставить не будем!

— ...Ты одного токарька приладь, он тебе потихонечку твои трубы и нарежет.

— ...Тогда начнем вызывать нефть...

Валя улыбалась. В детстве казалось странным, как это вызывать нефть: «Нефть, нефть, иди сюда»? Теперь она знала, как вызывают нефть, как бурят, знала все, о чем говорили отец и его товарищи.

Уезжая, отец просил соседок Анну Сидоровну и Цветкову, молодую женщину, которая недавно появилась в квартире:

— Присмотрите за дочкой, пожалуйста, опять, понимаешь, уезжаю.

— Приглядим, — весело отвечала Анна Сидоровна, — цела будет.

Цветкова говорила вслед Валиному отцу:

— Других забот у нас нет. Интересно это как!

И высоко вскидывала узкие плечи.

У Цветковой был муж — слесарь, работящий и молчаливый, и двое детей, мальчик и девочка, погодки. Цветкова сразу начала беспощадную войну с Анной Сидоровной, требуя, чтобы ее дети играли на кухне. Анна Сидоровна не разрешала.

Цветкова шумела:

— Детям на кухне даже поиграть нельзя! Ну, первый раз встречаюсь с таким случаем!

— Кухня — это кухня, — отвечала Анна Сидоровна.

— Вам разве не все равно? — спрашивала Цветкова и упиралась руками в крутые бедра.

— Кухня — это кухня, — тихо, с бешенством повторяла Анна Сидоровна, — я вам сказала ясно и прекрасно.

— Интересные вы какие! Ну-у, нет! Ну-у, нет!

Анна Сидоровна уходила, а Цветкова, в ярко-красном газовом платье, в клетчатой косынке на вьющихся пепельных волосах, оставалась на незавоеванной кухне.

— Девять лет скиталась по квартирам, получила свой угол — и, пожалуйста, детям на кухне даже поиграть нельзя! Пускай тогда дают другую квартиру. Начальники!.. Больно начальники самонравные. Этих начальничков нужно немножко на другую работу поставить!

Цветкова подолгу говорила про начальников что-то непонятное, и Вале все хотелось у нее спросить, что это за начальники.

Валя предложила Цветковой:

— Пускай ваши ребята у меня в комнате играют. Комната большая.

Цветкова залилась краской.

— Ну-у, нет! Из принципа.

Потом сердито согласилась, и дети стали играть в Валиной комнате.

Валя мало бывала дома: на улице ей было лучше.

Она была связана с жизнью города и так же, как город, была связана с нефтью.

В детстве она разбивала синеватые маслянистые пленки во всех лужах и водоемах: искала нефть. И повторяла ребятам слова отца:

— «Если где-нибудь плавает пленка, ее надо разбить. Нефтяная на круглые куски разобьется, а у железистой будут кусочки с острыми краями».

Вместе с мальчишками со своей улицы она бегала смотреть, когда пускали электрообессоливающую установку, называемую звучным словом «элоу». Она ходила на первый промысел — помогала сажать сад, на третьем промысле смотрела, как строят ремонтную мастерскую своими силами. Она слышала, что начальник треста сердится за эту станцию и говорит: «Втянули вы меня в авантюру», — и ей нравилось, что он так говорит. Она знала, где рабочим привозят родниковую воду, а где в бачках налита промышленная вода.

Она употребляла «нефтяные» словечки, говорила о нефти и думала про нефть.

Валя бегала по городу из конца в конец, ездила на попутных машинах на промыслы к знакомым операторам, возвращалась домой, измазанная мазутом, в пыли. Отец никогда не ругал ее за то, что она бегает по промыслам.

Однажды, когда Валя приехала от отца с разведывательного бурения, обгоревшая на солнце, в штанах и застиранной куртке, соседка Анна Сидоровна сказала ей:

— Не годится так ходить. Стыдно. Возьми у отца денег, дашь мне, я штапеля на платье тебе наберу и сошью или модистке отдам. И так-то ты нескладная, и одета еще, как нищая. Никто тебя замуж не возьмет, сироту.

— Я замуж не собираюсь. И я не сирота.

Валя ушла к себе в комнату и заплакала.

Анна Сидоровна бросилась за ней.

— Валюша, не плачь, я не со злом сказала. Надо тебе платье новое справить.

В кухне появилась Цветкова, подбоченилась.

— А она сама знает, что некрасивая. А с лица не воду пить...

Вышел муж Цветковой в белой шелковой рубашке с розовой штопкой около «молнии», с татуировкой на обеих руках, сказал жене:

— Иди в комнату! Думай, что говоришь!

— Вы на самолюбии у меня не играйте! — завела Цветкова привычным скандальным голосом, даже не взглянув в сторону мужа. — Я такое же участие в сироте принимаю. Меня ее отец просил за ней смотреть.

— Иди в комнату! — повторил муж.

Валя выбежала на кухню, крикнула:

— Никто пусть за мной не смотрит, не надо мне!

И ушла до ночи на улицу, чтобы не видеть никого.

— Настолько все тупые, настолько самомнительные, — продолжала Цветкова, — что удивляюсь!

— Тьфу! — сказал муж, повернулся и ушел.

Анна Сидоровна тоже заперлась у себя, расстроенная до слез. А дети Цветковой вприпрыжку поскакали в Валину комнату и стали там играть на полу кусками керна, тяжелыми плашками выбуренных пород, которые привозил отец и собирала Валя.

Валя окончила девятый класс. Летом она обычно уезжала к отцу, и кочевала вместе с ним от буровой к буровой, и выполняла несложные и скромные просьбы разведчиков, оторванных от семей: привозила бумагу, конверты, нитки, папиросы. Она стремилась туда, потому что там была настоящая жизнь.

— «Разведчики-нефтяники, как моряки в далеком море, не видят земли», — повторяла она слова отца.

Ей казалось, что она что-то значит для буровиков, которые называли ее Валюшей и среди которых были разные люди: и молодые от-

чаянные ребята, и старые мастера, люди огромной физической силы и таинственного «чутья нефти», и просто временные, случайные нефтяники, привлеченные заработком. Своих нефть никогда не отпускала, а временные скоро уходили: не выдерживали.

Вале нравились настоящие нефтяники, вольные люди, не привязанные ни к чему, кроме скважины, которую они сейчас бурили, кроме этой дырки в земле, которую они сверлили с таким упорством, трудом и риском. Нефти могло не оказаться. Это была разведка.

— Керн взяли? — интересовалась Валя. Она любила разглядывать круглые, аккуратно вырезанные куски породы, выхваченные, вырванные глубоко под землею. Керн выдавал тайны недр, по нему судили, что находится там, где сейчас идет бурение. Валя понимала эти каменные знаки.

Разведчики ставили свои вышки то в поле, то на холме, то на лугу среди ярко-лиловых, больших, как чашки, колокольчиков. Устав за вахту, бурильщики бросались тут же на траву и спали под неровный рокот мотора и просыпались, когда мотор замолкал.

А в траве росла душистая земляника. Валя собирала ее и стеснялась угостить бурильщиков, уж очень они были грубые и голосистые парни, а они собирали землянику для Вали и отдавали всю ей, а сами не ели, не привыкшие ничем баловать себя. Главным для них было курево. Когда у всех кончались табачные запасы, они собирали окурки, сворачивали большую сигару, делали по две последних затяжки, и после этого на буровой воцарялась тишина, прекращались шутки и разговоры.

Тогда Валя собиралась в путь. Никто не просил ее, но Валя торопилась, повязывала голову платком и говорила: «Давайте деньги, ребята». Она шагала десять, пятнадцать километров, сколько было до ближайшей деревни, и для нее не могло быть важнее дела, чем принести папирос и табаку на буровую.

В это лето Валя изменилась, внезапно проступила в ее лице прелесть юности, и все, что раньше казалось нелепым и некрасивым, вдруг стало необычным и привлекательным: и широкий нос, и скулы, и азиатские горькие глаза. Даже волосы перестали торчать, как склеенные, но этому было вполне реальное объяснение. Городская вода была очень жесткая, все жители страдали из-за воды. Валя знала и объясняла Цветковой, что жесткость воды сорок процентов — предел нормы. Но упрямая Цветкова считала, что в воду добавляют хлор, и кричала свое:

— В воде флорка. Из-за флорки ее пить невозможно! — И ругала начальников.

Валя купалась в речках, как купаются беспризорные дети, пока не посинеет и не начнет дрожать. Тогда она вылезала и начинала бегать, чтобы согреться.

Отец и Валя ездили на крытом брезентом зеленом «газике», и все за нефтью, в поисках нефти.

Валя говорила отцу:

— Нефти у нас здесь море. Слить ее — и море будет.

А отец отвечал:

— Я и раньше знал, что на Власьевской нефть есть. Как туда двинули разведочку, ну и нашли нефть!

— Ты всегда говорил. Я помню. — Валя гордилась, что у отца было «чутье нефти».

Отец рассказывал:

— Зимой пурга воет, как волки. Такой вой страшный! Машина застревает в снегу. Толкаешь ее, толкаешь, и кажется, что сил уже нет. Конец. И вдруг трактор шумит.

И Валя представляла себе, как живет отец и другие разведчики зимою в пургу и заносы, когда она сидит у себя в теплой комнате на диване, читает книгу и смотрит на свое окно, занавешенное мохнатым ярким китайским полотенцем.

— А мы сейчас опять настроили вышек. Опять зимой бурить будем. Придется платить разрывные с семьями.

Отец и Валя вылезали из машины и шли пешком. Шофер оставался дремать на холодке.

— «Спит без отрыва от производства», — повторила Валя чужую остроту.

— А тебе что, жалко стало? По каким дорогам человек ездит, ты подумала?

— Нет, нет, я просто так сказала, — оправдывалась Валя.

— В другой раз не говори просто так.

Между буровыми, на пыльных разбитых дорогах, среди разогретых перелесков и журчащих ледяных ключей, в оврагах, густо поросших татарником, проходило лето. С отцом и другими людьми, которые казались Вале особенными, не такими, какие жили в городе.

Лето кончилось, и Валя вернулась в город. Скучным выглядел город, скучной была квартира, и жизнь предстояла скучная. Цветкова с Анной Сидоровной по-прежнему воевали. Цветкова летом сходила к какому-то начальнику, жаловалась ему на Анну Сидоровну и сразу стала рассказывать об этом Вале. Вид у нее был, как всегда, возбужденный до крайности, косынка упала с пепельных волос.

— А он мне сказал, знаешь, так презрительно, мол, я вмешиваюсь только в чрезвычайных случаях. Какой ему еще нужен случай, интересно? Чтобы все друг друга поубивали?.. Тогда будет чрезвычайный случай. А детям никто не может запретить играть.

«Надо же, — подумала Валя, — к какому-то занятому человеку ходила, время отнимала. Кричала там без всякого стыда».

— А я еще пойду. Над тем начальником тоже начальники есть. Не беспокойтесь! Ну, а ты как время проводила?

— Гуляла, — ответила Валя и ушла в свою комнату.

Анна Сидоровна с намеком сообщила, что в соседнем новом доме поселилась модистка, которая знает все фасоны. Но Валя надела опять свое старое клетчатое платье с полосами на подоле и пошла в школу.

Однажды вечером Цветкова постучала в дверь к Вале и сказала с улыбочкой:

— К тебе гости.

В дверях стоял парень, которого Валя не сразу узнала. Прежде всего бросалась в глаза пряжка на его ремне, огромная, металлическая, с изображением кинжала и крыльев, а потом уже сам парень, худенький, белобрысенький.

Это был помбурильщика Федя. На буровой он работал в одних только рваных, промасленных холщовых брюках, а сейчас на нем была чистая рубашка, начищенные ботинки. Увидев, как Валя разглядывает его пряжку, он прикрыл ее кепкой.

— А мне ребята сказали: «Найди Валюшу, посмотри, как она поживает», — говорил Федя.

Валя обрадовалась, подумала: «Не забыли меня». Усадила Федю, стала расспрашивать, как идут дела.

— Одно слово — нефтяная целина, — отвечал Федя.

— А трудно?

— Идти с буровой, когда ветер в зад, легко, — смеялся Федя.

«Буровики не жалуются», — думала Валя.

Ночевать, как выяснилось, Феде было негде. Валя предложила ему ночлег, а сама пошла на кухню, поставила утюг, чтобы погладить наволочку.

Вошла Анна Сидоровна. Федя встал, вежливо сказал:

— Садитесь, мамуся.

— Нынче зима рано легла, — молвила Анна Сидоровна и, оглядев Федю, удалилась.

А на кухне сказала Вале:

— Рано тебе еще кавалеров ночевать оставлять.

— Зачем так говорить, Анна Сидоровна? А если ему ночевать негде? — ответила Валя. — Можно я ему на кухне раскладушку поставлю?

— Не твоя это забота.

— Была бы мать, она бы тебе показала, — вмешалась немедленно Цветкова.

— Оставьте меня в покое, — сказала Валя, — вы ничего не понимаете.

Она подумала: может быть, попробовать объяснить, что ничего плохого она не делает, но, взглянув на толстую глупую Анну Сидоровну и злую, красную Цветкову, ничего объяснять не стала. Пусть думают, что хотят.

— Грубиянка! — несся ей вслед голос Цветковой. И кудахтала Анна Сидоровна, что кухня — это кухня, а не гостиница.

А парни с буровых стали навещать Валю. Теперь Валя видела, что она и в городе что-то для них значит. Она опять помогала им, чем могла, и была счастлива. Покупала, что они просили и сами купить не могли, разыскивала их родню, передавала поклоны, выручала с ночлегом. Один раз даже пошла в трест и неожиданно уладила дело с увольнением.

Цветкова и Анна Сидоровна забыли старую вражду: их объединяло теперь общее негодование против Вали.

— Матери-то нет, и на базаре не купишь, —

говорила жестокая Цветкова Вале, — а без контроля дело быстро пойдет.

— Нехорошо, нехорошо, — поддакивала Анна Сидоровна.

«Что плохого? — хотелось спросить Вале. — Что я делаю? Что с ребятами дружу, помогаю? Что хожу с ними в кино, разговариваю?.. »

Цветкова теперь, кроме Вали и начальников, повадилась ругать еще и нефть.

— Все нефть здесь портит. Нефть всю влагу высасывает. Все реки посушились из-за нефти. Я эту нефть давно в мыслях содержу.

«Что она плетет, ну что плетет?» — думала Валя.

Несколько раз за зиму приезжал Федя.

— Из шланга паром картошку варили, пятнадцать минут — и картошка готова, — рассказывал он. — Пять дней к буровой подходу не было.

«На буровые женщин не берут, — размышляла Валя, — а к геологам меня возьмут. Сперва разнорабочей: буду делать что придется, а потом лаборанткой стану».

Однажды Федя появился, и от него пахло водкой. Валя испуганно спросила:

— Ты что, выпил?

— Бражки выпил, я тебе точно говорю. Один

ХОРОШО ЛИ ВАС ОБСЛУЖИВАЮТ?

Недавно в Москве, на улице Горького, открылся магазин «Синтетические товары». Само название говорит о том, чем тут торгуют. Мы пошли в этот новый магазин.

Витрина увлекала воображение в мир прозрачных, мерцающих тканей... Мы с трудом протиснулись к прилавкам, потому что помещение магазина тесноватое. Что же можно здесь купить? Вот он, приблизительный перечень: платья, блузки, шарфики, чулки, носки, белье, перчатки, сумки, летние дамские шляпы, изделия для домашнего обихода: масленки, сахарницы, розетки, щетки...

У одного из прилавков много народу.

— Что здесь продают?

Этот стандартный вопрос мы задали полной высокой женщине в теплой шали.

— Манишки,— отвечала она.

Прозрачные вышитые манишки сделают нарядным любой туалет. И естественно, что они не залеживаются на полках.

Много народу и у другого прилавка: здесь хотят купить летние перчатки. Перчатки, сумка, туфли одинакового цвета; даже в простеньком ситцевом платье женщина будет выглядеть нарядной.

Перчатки делает фабрика «Красный Восток». Но выпускает чаще всего двух цветов — черные и белые.

Зато в отделе готового платья большинство не покупает, а смотрит. На стендах висят пышные платья. Розовый и голубой в маленькие цветочки прозрачный капрон на шелковом чехле. Но к чему такая роскошь? Летом в таких платьях жарко: ведь они имеют плотный чехол. Для зимы они чересчур прозрачны. Не могут они стать и вечерними, хотя рассчитаны именно на это: вряд ли какая-нибудь женщина, истратив большие деньги, захочет видеть в театре, в концерте или на балу своих бесконечных двойников: фасон и расцветка этих платьев абсолютно одинаковы.

Платья явно не имеют успеха: даже в день открытия магазина их купили всего четыре штуки. Адрес «исполнителей»: московские 38-я и частично 11-я швейные фабрики.

А вот блузки пользуются большим спросом; в продаже они бывают, и разных фасонов. Цены на них вполне доступные, их быстро раскупают.

Но жаль, что почти все кофточки сшиты из прозрачной ткани: это уже начинает выходить из моды, да и не всегда удобно быть в таком прозрачном облачении. Ведь можно шить блузки и из плотных тканей. В них выйдешь на улицу, наденешь, как говорят, «и в пир, и в мир, и в добрые люди».

Чулок в магазине сколько угодно. Самых разных цветов и оттенков, толстых и тонких, со швом и без шва. Правда, мы отнюдь не уверены, что чулки можно будет надеть, скажем, десять раз подряд — скорей всего в самый неподходящий момент спустится петля и поползет «ручеек». Чулки паутинки пока еще столь же красивы, сколь и непрочны.

Так или иначе, но чулок в продаже с избытком. И много таких, которые покупают очень мало: одни — потому что белесые, другие — блестят больше, чем следует, третьи — украшены безвкусными ажурными пятками, года четыре назад вышедшими из моды. А неплохо было бы вместо этих чулок из этой вот капроновой пряжи делать, например, блузки. Покупатели только поблагодарили бы.

...В магазине продаются модные сумки и дамские шляпки, но все красивое очень быстро раскупается. Посмотрите на полки: там остаются только грубые, устаревших фасонов или очень дорогие изделия.

Т. ТРОИЦКАЯ

Фото Р. Лихач.

СВЕТИТЬ ЛЮДЯМ...

Как-то ехал я из Ростова-Ярославского. Дорога все время шла высокими местами, откуда было далеко видно: убранные поля желтели на косогорах, зеленела отава в низинах, повсюду темнели перелески. Тучки ходили вокруг, и можно было наблюдать, как в одном месте, далеко от нас, льется дождь, тогда как в другом, пробившись сквозь тучу, холодно светит солнце.

В большом районном селе Ильинском-Хованском, позади строящегося трехэтажного дома, в чистом и тихом провинциальном цветничке, где запах цементного раствора мешался с запахом ноготков и настурций, я познакомился с основателем и директором музея Дмитрием Евгеньевичем Чернявским, невысоким, плотным стариком.

Директор сельского музея Д. Е. Чернявский.

Дмитрий Евгеньевич учительствовал в селе неподалеку от Ильинского. Двадцать пять лет назад начал он вместе с ребятами, а потом и их родителями собирать музей.

Совмещая это занятие с преподаванием в школе, Дмитрий Евгеньевич читал доклады о значении музея, толковал об этом же с каждым встречным, осматривал чердаки и чуланы чуть ли не всех поселений Ильинского района, да и соседних отчасти, поскольку они входили некогда в один Ростовский уезд. Учителя интересовали и овраги и берега речек, откуда он брал экспонаты для геологической коллекции. Огороды и колхозные пашни дарили его археологическими находками. Музею стало тесно в школьных стенах, и его перевели в районный центр, а Дмитрия Евгеньевича Чернявского назначили директором. Тут уж буквально весь район стал комплектовать музей.

Какая-нибудь тетка, прослышав, что Дмитрий Евгеньевич нашел у соседки на чердаке старый самовар и выставил его в музее, любопытства ради пойдет поглядеть. Попутно увидит она старинную пушку и скажет, что у нее такая есть, только маленькая, употребляемая ею в качестве гнета для капусты. Так появится в музее пушечка, из которой, должно быть, во времена Екатерины палили по праздникам в помещичьей усадьбе.

Само здание музея привлекает взор своими тяжеловатыми формами, несколько наивными линиями, выдающими старинную провинциальную постройку, по всей вероятности, творение зодчего-самоучки. В этом небольшом каменном домике, недавно побеленном, в свое время помещалось волостное правление, а вообще-то оно относится к восемнадцатому веку.

Экспонаты... Вот великолепное собрание так называемых фатьяновских каменных молотков, наконечников копий и стрел, кстати сказать, найденных в большинстве случаев колхозными пахарями. Вот нечто вроде медали или жетона с изображением бороды и надписью, свидетельствующей, что деньги уплачены. Это, в сущности, металлическая квитанция, принадлежавшая купцу петровских времен, выданная ему в знак уплаты налога на бороду. Вот «календарь пастуха»— шест, на котором зарубками отмечены дни, недели и дома, где его в эти дни кормят. А вот первые в районе радиоприемники: детекторный, ламповый.

В музее этом именно потому, что он создан в селе, из тех предметов, какие можно было здесь найти, запечатлены не великие исторические события, а будни народа, повседневность, и это особенно волнует.

Я смотрел на легко шагающего по комнате старого человека, который хотя и ушел на пенсию, но не может оставить любимое свое занятие; смотрел и вспоминал многих людей такого душевного облика, встречавшихся мне в поездах, по селам и маленьким нашим городам. Они всю свою жизнь светят людям.

Ефим ДОРОШ

стакан. Бражка сильный запах дает, — объяснил Федя. — В кино пойдешь?

— Дождик, как из сита сеет, — вмешалась Анна Сидоровна.— На дождик не стоило бы ходить, а главное дело — выпимши.

— Никто здесь не выпимши, — громко ответила Валя. — Идем, Федя.

Валя защищала своих буровиков.

— Слоняется, как слон, — пробурчала Анна Сидоровна, — двери только закрывай.

— Это ж грубияны. Хулиганье! Буровики! — крикнула Цветкова.

«Как странно, — думала Валя, — что она ругает и обзывает этих парней, которые в десять тысяч раз лучше, чем она».

— Как ты с ними живешь? — удивлялся Федя. — Даже жалко тебя. С такими, понимаешь, даже не знаю, как сказать...

— А я уйду. Школу окончу и уйду. В нефтеразведке работать буду. А они останутся.

И Валя засмеялась, представила себе, как она уйдет. А они останутся и всю жизнь будут так жить, как живут.

Иногда Цветкова с улыбочкой спрашивала кого-нибудь из Валиных знакомых:

— Почему это в нашем городе такая вода — сорок процентов жесткости? Из-за флорки или из-за нефти? Я думаю, из-за этой нефти скоро ничего ни пить, ни есть нельзя будет. Рыбу уж никто есть не может. Интересно, какую рыбу начальники едят?

Наконец пришел день, когда Валя окончила школу и собралась уезжать.

Валя взяла рюкзак, заперла комнату на ключ, прошла по квартире в последний раз. На кухне дети Цветковой играли все теми же темными кусками керна.

Валя подумала, постучала к Цветковой, протянула ей ключ:

— Возьмите. Пускай ваши ребята у меня в комнате играют. Я теперь не скоро вернусь.

И бегом спустилась по лестнице. Ей предстояло добираться попутными машинами.

АВТОМАТЫ И КРАСОТА

Георгий МАРЯГИН

Рисунки Л. и Ю. ЧЕРЕПАНОВЫХ.

Недавно в одном сборнике было опубликовано стихотворение — из тех, что претендуют на глубокое, образное осмысливание процессов труда и отношения к нему советских людей. Есть тут такие четверостишия:

Когда прозрачный, тонкий,
музыкальный
Стакан с водой я подношу
ко рту,
Я вижу девушку с завода
Гусь-Хрустальный,
Создавшую вот эту красоту.
Она вложила в солнечные грани
Все мастерство нелегкое свое,
И отражаются в простом стакане
Ее улыбка и душа ее.

Мы оставляем на совести поэта заключение по поводу музыкальности стаканов. Поэту можно простить домысел ради воплощения главной темы. Но нельзя простить поверхностного отношения к труду людей.

Можно быть уверенным, что если бы «ода стакану», в котором отразились «улыбка и душа» гранильщицы, писалась не после посещения одного из магазинов художественного стекла, а после длительного изучения процессов создания стакана, после душевной беседы с теми девушками, что наносят на них «алмазные грани», то, очевидно, поэт не поторопился бы с печатанием своих стихов. Скорее его раздумья были бы посвящены иному.

В наши дни в цехах уже действуют поточные линии, автоматы, и я наивно полагал, что давно вывелась профессия гутарей. Однако первый же цех Гусевского завода был цехом... гуты, тех способов, что существуют с незапамятных времен.

Гута оставалась гутой. На площадке возле стекловарной печи, режим которой управлялся с помощью контрольно-измерительных приборов, сновали стеклодувы — мастера ручной формовки стекла. Плавно, как бы скользя, подходили они к стекловарной печи, заполненной белым гудящим пламенем, железной трубкой зачерпывали жидкое, как керосин, стекло и, выждав, когда оно станет густеть и розоветь, начинали раздувать комочек стеклянной массы.

Здесь профессиональный опыт подсказывал все: когда начинать выдувку раскаленного комочка стекла, когда опускать заготовку в форму, когда извлекать ее из формы, чтобы получить вазу, фужер, графин... Это была работа на глазок, утомительная работа, доставшаяся по наследству от того времени, когда все делали руками.

Конвейер, подведенный к борту площадки стеклодувов, уносил вишнево-красные заготовки фужеров и бокалов, графинов и сахарниц, подавал их автоматически в термическую печь. И этот конвейер еще больше подчеркивал архаизм тех методов производства, что уцелели в цехе гуты.

— Разве нельзя это все формовать машинным способом? — спросил я совсем юного начальника смены.— Кажется, существуют автоматы для машинной формовки и выдувки изделий?

— И у нас есть! — живо ответил он.— Вы в цехе стаканного производства были? Это рядом. Там автоматы все делают. А у нас, говорят, нельзя: ассортимент сложный, банкетный...

За порогом гуты был другой, почти безлюдный цех. Прекрасна эта безлюдность автоматизированных цехов!

Вот стою я на площадке такого цеха. Два человека возле стекольного автомата: оператор и мастер ремонтного цеха. Стекловарную печь плотно окружили приборы. Какие-то приспособления зачерпывают из ванной печи стекло, расчетливо выжидают, когда оно загустеет. В металлических формах образуется заготовка стакана, форма постепенно движется к локтям приборов, автоматически размыкается, и на конвейер поступает готовый — правда, еще с приливом, похожим на крышку графина,— стакан. Он дышит теплом.

Оператор только следит за работой «автоматических стеклодувов».

Он молод, как видно, напорист, влюблен в свое дело. Он о чем-то советуется с мастером ремонтного цеха, потом на ходу регулирует «губы» стеклодувного приспособления.

— Хорошо работает автомат? — спрашиваю мастера.

— Дельная машина, таких бы нам больше... Эту нам чехи прислали. И нашим машиностроителям нужно живее поворачиваться. Не ждать, когда к ним придут с заказами, а самим предлагать.

Мастер рассказывает мне об операторе, окончившем техникум:

— Без среднетехнического образования у нас и людей на машинах мало. Нельзя человека с семью классами к такой машине «управляющим» ставить. Должен знать и механику, и сопротивление материалов, и в чертежах, как у себя дома, быть...

— Что же, и впрямь нельзя автоматизировать производство в соседнем цехе? — продолжаю я расспрашивать мастера.— Всех этих фужеров и графинов?

— Все можно! Теперь у техников все карты в руках: автоматика, физика, химия...— говорит он с осудительной ноткой.— Тут другое дело. Тормоз не техника, а торговля. Тут нередко «Стеклосбыт» всем командует: давай фужер только на такой манер! Или вот тот же стакан наш.

Мастер взглядом подозвал меня к конвейеру.

Шла в конец цехового зала бесконечная стальная лента, с нею шли стаканы с приливами. По пути алмазы сами срезали с них колпаки.

Мастер взял один из стаканов и поднял на уровень глаз. Цепкий взор его что-то выискивал на прозрачной и чистой поверхности изделия.

— Хорош! Как из ключевой воды отлит. И форма прекрасна. К тому же эти формы можно разнообразить, комбинируя всевозможные геометрические тела. Стакан ведь по прозрачности и по форме ценится... А мы на него — «алмазную грань»! А то еще хуже: всякую дрянь масляными красками наносим — разные фестончики, лимончики, розанчики да одуванчики... А красоты в них никакой. Вот и держим целый цех обработки. Скажите: прав я или нет?..

Я не мог понять, рассматривая переданный мне мастером стакан, что нужно было еще обрабатывать.

— Термическая обработка?..— попытался догадаться я.

— Это дело полезное. После нее стакан два века служит... Да вот в цехе обработки «алмазную грань» наносят, разные каемочки да бордюрчики... Красоту придумывают...

Цех обработки примыкал к автоматическому.

Высокий, светлый, почти в четверть километра длиной, он походил на лабораторию — несколько рядов столиков с горками стаканов у каждого. Над столиками склонились женские головы.

Я простоял несколько минут у входа и не видел, чтоб кто-нибудь поднялся или привстал. Не нужно много наблюдать работу гранильщицы, чтобы понять, как утомителен ее труд. Тысячи однообразных движений в день.

Из-за чего? Из-за этой кем-то «придуманной красоты», как метко сказал мастер. Из-за этих фестончиков, стебельков, снежных узоров на бордюре стакана.

Таков же процесс гранения фужеров, графинов...

Да нужен ли он?

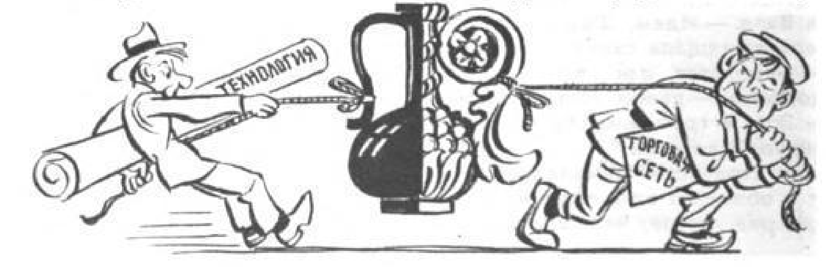
Я не против подлинной красоты стакана или фужера, я против красивостей, на которые к тому же затрачивается тяжелый ручной труд работниц.

В цехе образцов Гусевского завода я видел хорошие изделия из стекла машинной выработки, с разными узорами. Я видел недорогие вазы для цветов из стекла, безукоризненно имитирующего малахит. Это стекло было вылито в формы. Оно было произведено на участке, полностью механизированном. И, тем не менее, все сделанное здесь было красиво, просто, но красиво без вычурностей, без «алмазных граней» и фестончиков. Значит, можно применить машины, автоматы без ущерба для красивой формы стакана, графина или вазы — предметов широкого потребления.

Но кто же продиктовал изготовление всех изделий с «алмазной гранью»?

Я долго бродил по закоулкам

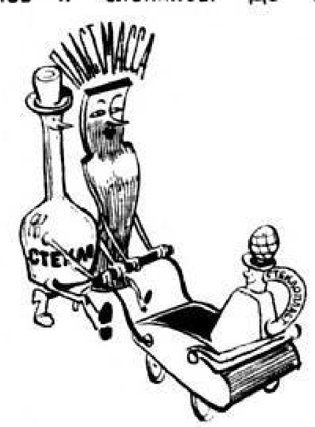
истории нашего и зарубежного стекла, пока меня не вывел на прямую дорогу ученый и поэт, неутомимый пропагандист стекла, член-корреспондент Академии наук СССР Николай Николаевич Качалов.

— Все эти фестончики и розанчики — наследие эстетики прошлого,— говорил Николай Николаевич.— У нас подражательства много — это от безвкусицы сбытовиков. Хорошему подражать нужно, даже грешно не подражать. Но в нашем стекольном производстве еще от старинки многое осталось. Конечно, нужно механически выдувать стекло. У литья большие перспективы. Видели колонны, литые из стекла, на станции «Автово» Ленинградского метро? Какой рисунок на них!.. Стоят, не окисляются, не ржавеют. Соревнуются с металлом, с мрамором. Нужно стекло с пластмассами породнить, тогда технология выпуска всех стекольных изделий в корне изменится. И сие не за горами. Будем штамповать изделия из стеклопластов... Ну, конечно, конечно, без розанчиков и каемочек, под «прошву»...

После всех бесед и экскурсов в историю промышленности художественного и бытового стекла стало ясно, что у правящих классов дореволюционной России в основе эстетики, как правило, было преклонение перед всем заграничным. И понятие о прекрасном было тождественно понятию об изощренном, уникальном. Какое дело было Мальцевым, владевшим стекольными заводами, до здоровья и условий труда той работницы, что наносила «алмазную грань»? Привозили из-за рубежа титулованные и нетитулованные присвоители народного труда какой-то вычурный фужер, который и ценился потому, что был вычурным и делали его сотни дней, если не годы. На фабриках начинали его копировать, лишь бы выбить побольше дохода.

Я прохожу мысленно по цехам, отделам, мастерским наших фабрик и заводов, в которых производятся вещи быта — мебель, посуда, платье, ткани, платки, головные уборы. Сколько здесь еще от хлама прошлого, какое множество рисунков, узоров, моделей, образцов, продиктованных только желанием потрафить заказчику, тому давно ушедшему в небытие, для которого критерием прекрасного было «роскошное», «самое дорогое», «самое редкое»!

Я вижу, как на фарфоровых заводах вручную разрисовывают на чашках и блюдцах уродливых попугайчиков, розочки, фиалки, как золотят ободки изделий. Передо мной проходят цехи гранильных фабрик, где высекают уродливых львов, разных церберов и амулеты мещанского благополучия — слонов и слоников. Да ведь

даже если бы действительно красивы были все эти изделия, если бы они доставляли радость, то и тогда давно уже нужно было призадуматься над изменением технологии их производства!

Одна за другой возникают в памяти картины производства бытовых вещей. Вот с огромным трудом формуют люстры из меди, добиваясь пластичности гирлянд, трилистников, падучих лоз и плакучих ветвей. Эти безвкусные, громоздкие светильники, скопированные с образцов из купеческих и адвокатских гостиных, будут поражать потом своей безвкусицей посетителей Дворцов культуры, театров, санаториев. Когда-то такие светильники заказывались Тит Титычами; для них красота была на последнем плане: важно, чтоб было богато, пышно.

И наша промышленность нередко продолжает копировать разные тяжеловесные бра из бронзы, разные настенные орнаменты из металла, пренебрегая теми возможностями для выпуска действительно прекрасных изделий из стекла, которые открыло машинное литье! Давно пора трубку стеклодува отправить в музей, оставив ее лишь для подлинно уникальных произведений искусства.

Конечно, есть и будут художественные изделия из стекла, как и из любых других материалов, которые требуют искусных рук мастера-творца. Их не заменят и не превзойдут машины. И мы будем почитать таких мастеров, ибо созданные ими вещи красивы, они войдут в наш быт. Но когда речь идет о предметах широкого потребления, нельзя не сказать во весь голос: шире дорогу совершенным автоматам, машинам, способным создавать дешевые, но обязательно красивые стаканы, фужеры, графины...

Стекло уже вступило в прочный союз с пластмассами; гибрид этих двух материалов — стеклопласт — необычайно пластичен, поразительно вынослив. Он прекрасно штампуется, он прочнее стали, он позволяет изжить всюду в технологии ручной труд.

Текстуре суждено произвести техническую революцию в мебельной и других отраслях промышленности. С внедрением текстуры не нужна фанера, отпадает необходимость полировать изделия. В Рижском совнархозе мне показывали футляры для радиоприемников, изготовленные из текстуры. Их нельзя было отличить от приемников, поделанных из полированного дерева. Текстуру просто печатают, так же, как печатают книги. Производный материал для нее — обычный картон. Она долговечнее любых полированных древесных пород. С внедрением текстуры открываются неограниченные возможности потока в мебельном производстве, устраняются трудоемкие операции — шлифовка, полировка, ручное аппретирование.

Но почему же так робко внед-

ряются эти новинки, почему еще нет цехов посуды из стеклопластов, фабрик текстурной мебели? Почему только сейчас первые образцы мебели из пластмасс москвичи увидели на выставке в Юго-Западном районе?

Замечательные мастера изобразительного искусства С. Коненков, Кукрыниксы, Ю. Пименов, Н. Томский, Д. Шмаринов дали недавно четкий ответ на этот вопрос. В своем открытом письме они верно утверждают, что погоня за рублем, которой руководятся иные торговые работники, закрыла перед настоящими художниками вход на предприятия мебельной, фарфоровой, стекольной и других отраслей промышленности.

Оказывается, стаканы без обработки «Стеклосбыт» не принимает только потому, что стаканы с лепестками вдвое или втрое дороже, а это облегчает выполнение плана. «Мы не можем рисковать рублем» — вот единственный аргумент таких людей.

Наши технологи давно ищут творческого общения с художниками, с мастерами изобразительного искусства. У совнархозов все права и средства установить это постоянное их сообщество... Наша эстетика от этого только выиграет — безвкусице прошлого, уродливым вещам, вещам трудоемким будет поставлен заслон. Они не будут портить вкусов, не будут обеднять наш быт.

После выступления «ОГОНЬКА»

«ПРО ЗАЖИГАЛКУ»

И. Малинкин — против. Ему не хочется, чтобы в правом наружном кармане мужских пиджаков делали маленький кармашек для зажигалки. Когда вопрос этот возник в Комитете стандартов, мер и измерительных приборов, начальник отдела товаров широкого потребления И. Малинкин разъяснил: так называемыми техническими условиями на швейные изделия занимаются республиканские плановые организации. И тут же написал: «Со своей стороны отдел считает нецелесообразным предусматривать у пиджаков специальный карман для зажигалки». А почему? Последовал устный ответ:

— Будут делать один кармашек, окажется, что нужен и другой, для ногтечистки, например. Конца этому не будет...

Эта вызывающая улыбку «кармашкобоязнь» — одна из нелепостей, которые стали выявляться вскоре после того, как в «Огоньке» № 5 за 1958 год был опубликован репортаж «Про зажигалку». Речь шла о том, что полезно наладить массовый выпуск карманных и бытовых зажигалок: для многих потребителей они удобнее спичек и к тому же помогут сэкономить значительное количество леса. Читатели в многочисленных письмах одобрили выступление журнала. Откликнулись также исполкомы горсоветов и руководители ряда предприятий: за реализацию предложения взялись в Москве, Ленинграде, Баку, Тбилиси, Харькове, Львове.

Но зажигалок все еще мало. Мосгорисполком постановил выпустить в 1958 году 110 тысяч зажигалок, а фактически в продажу поступило лишь несколько тысяч. И сейчас еще неизвестно, когда производство достигнет уровня, намеченного на 1958 год. Не все ладно также в Ленинграде, где промкомбинат Октябрьского района может делать до 250 тысяч зажигалок в год. Выпуск их освоил и Ленинградский совнархоз. Однако годовой план здесь определен в 10 тысяч штук: как говорится, гора родила мышь, притом «мышь» весьма дорогую.

Больше всего мешает недостаток кремней. Например, Первая штамповочно-механическая артель Мосгорпромсовета изготовила три сотни сравнительно недорогих зажигалок и вскоре свернула производство: нет кремней. Почти то же происходит в Баку, Тбилиси, Львове. Не прекращается поток писем о том, что из-за отсутствия в продаже кремней нельзя пользоваться зажигалками. В свое время мы обратили на это внимание Министерства торговли СССР.

Незадолго до ликвидации этого министерства заместитель начальника Главхозторга Н. Следников в письме заверил нас, будто производство кремней организовано в Москве, Ленинграде, Свердловске, Омске и в городах УССР: «Кремни эти поступают в торговую сеть для продажи населению, а также на предприятия, изготовляющие зажигалки,— для комплектации». Как выяснила потом редакция, приведенное сообщение было от начала до конца плодом недоразумения или вымысла. Редакция обратилась в Госплан СССР с просьбой помочь решению «кремневой проблемы». Сейчас промкооперации выделены фонды полуфабриката для производства кремней, достаточные, чтобы полностью удовлетворить спрос. Надо ожидать, что промкооперация быстро использует предоставленные ей возможности.

Бензин для зажигалок и прочих бытовых надобностей продается далеко не всюду. В чем причина? На наш запрос заместитель управляющего Росхозторгом Д. Есаков ответил, что местные организации отказываются расфасовывать бензин «из-за отсутствия необходимых противопожарных условий». Этот ответ напомнил нам «кармашкобоязнь». В самом деле, ведь в Ленинграде, например, нет никаких особенно благоприятных «противопожарных условий», а бензина там сколько угодно во всех магазинах, торгующих хозяйственными товарами, химикалиями. В столице же расфасовку бензина прекратили лишь из-за одного «условия» — из-за нерадивости Мосгорпромсовета.

Очевидно, торгующим организациям и промкооперации необходимо в ближайшие недели устранить этот недостаток. Кстати, пора продавать бензин не только в бутылках, но и в более удобном для потребителей виде — в ампулах, миниатюрных канистрах и так далее. Пора заняться и производством горючей пасты, заменяющей в зажигалках бензин.

Рипл-Рокк взорван

Я читала о страшной подводной скале в Тихом океане — Рипл-Рокке, — причине гибели многих кораблей. Неужели ее нельзя взорвать?

Г. Кузьменко (Вильнюс).

В Тихом океане 5 апреля в девять часов тридцать одну минуту утра взлетел на воздух знаменитый Рипл-Рокк. Рипл-Рокк — подводная скала — причина гибели кораблей со времен первых исследователей этой части тихоокеанского побережья.

Благодаря своему расположению в наиболее узком участке прохода Сеймура—важного морского пути Северной Америки — Рипл-Рокк даже в наши дни представлял очень серьезную преграду для движения судов. В 1943 и 1945 годах были предприняты две не увенчавшиеся успехом попытки уничтожения Рипл-Рокка. В конце концов в 1953 году в составе Национального научно-исследовательского совета Канады была образована специальная группа по изучению возможных проектов разрушения опасного рифа. Было решено из шахты, специально подготовленной на острове Маду (пролив Сеймура) под дном океана, прорыть туннель в 700 метров длиной и 2 метра диаметром. Под Рипл-Рокк было заложено около 1,2 миллиона килограммов взрывчатого вещества. Уничтожение Рипл-Рокка оказало неоценимую помощь развитию судоходства в этой части Тихого океана и вместе с тем предоставило много интересных данных в области изучения коры земного шара.

Л. КАРПОВ,
географ

На снимке слева взрыв Рипл-Рокка.

Солнце-лекарь

Последнее время часто приходится слышать о лечении концентрированными солнечными лучами. Как внедряется этот метод?

С. Артемьев (Москва).

Источником жизни и энергии на земле является солнце. От недостатка солнца возникают рахит, авитаминозы и другие заболевания. Недаром говорят: «Куда редко заглядывает солнце, туда часто заходит врач».

Бегло сравнивая природу, мы видим, что могучая, яркая растительность юга сменяется на Дальнем Севере чахлыми, низкорослыми деревьями, кустарниками, а еще севернее растут лишь мхи да лишайники.

Хотелось бы собрать рассеянные лучи солнца и дать их людям, чтобы превратить энергию солнца в жизнерадостность и здоровье человека. Летом на Крайнем Севере солнце не заходит месяцами, однако пользы от него не много из-за малой интенсивности радиации.

Для концентрации лучей еще в 1927 году гелиотехник В. Н. Бухман сконструировал мощный зеркальный рефлектор. Он дает возможность концентрировать световой поток, усиливая его в 30—50 раз. Этим самым повышается целебное действие солнечных лучей.

Для искусственного получения такого же светового потока понадобилось бы одновременно направить на больного 50 инфраружей и столько же соллюксов и кварцевых ламп. И все же искусственные лучи не могут заменить естественных. Простота рефлектора Бухмана, который не требует электроэнергии, позволяет использовать его в сельской местности, на отдаленных здравпунктах, в детских учреждениях.

С лета 1955 года лечение концентрированным солнечным светом успешно проводится при клинической больнице Сталинского района Киева. Здесь облучалось более четырехсот человек, страдающих от бронхиальной астмы, радикулита, фурункулеза и других заболеваний.

Родиной же солнечного лечения является Алма-Ата, где с 1935 года работает ряд солнечных рефлекторов и открыт небольшой лечебный стационар при специальном научно-медицинском учреждении — кабинете концентрированного солнечного света. Кандидат медицинских наук Г. И. Попов с успехом лечил там различные кожные болезни.

На счету у самого В. Н. Бухмана более 3 тысяч больных, получивших полное излечение или значительное улучшение.

Воин Советской Армии М. П. Богачук сильно страдал из-за болезни позвоночника после ранения и контузий, полученных на фронте во время Отечественной войны. Много лет лечился в различных медицинских учреждениях, на курортах и дома, но облегчения не наступало.

Он прошел курс облучения солнечным рефлектором в Алма-Ате и, по его собственным словам, «стал человеком». Сейчас М. П. Богачук сам строит солнечные рефлекторы.

Замечательную инициативу проявил колхоз имени Петровского (Хмельницкая область, УССР). Здесь впервые в стране создан солнечный лечебный комплекс. На колхозном медпункте есть рефлектор для облучения, специальная застекленная веранда с койками для отдыха больных после облучения и солнечная душевая на 4 кабины.

Практика показала эффективность такого комплексного лечения — свет, сон, душ.

Ежегодно около 200 человек из-за инвалидности не могли работать в колхозе. Солнечный лечебный рефлектор сделал их здоровыми и работоспособными.

Ныне колхоз расширяет свою гелиолечебницу, устанавливая второй рефлектор.

Как и во всяком новом деле, в лечении концентрированными лучами солнца есть еще свои неясности.

В настоящее время врачевание солнечным светом проводится в Киеве, Одессе, Ростове, Гурзуфе, Сухуми, Ленинабаде, Самарканде, в Москве, во Второй градской больнице.

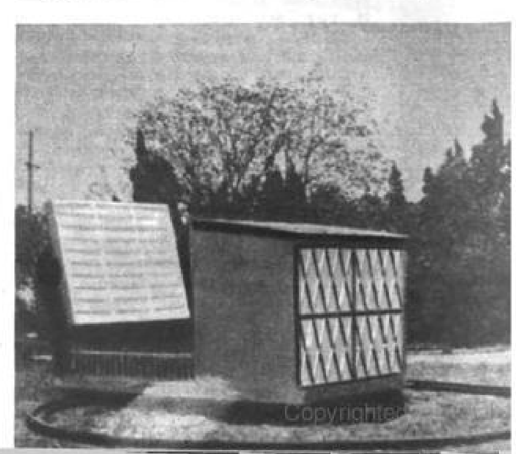
Китайские друзья, узнав о применяемом нами новом методе лечения, построили солнечный лечебный рефлектор и проводят на нем исследования.

Однако рефлектор Бухмана пока что распространяется преимущественно на юг, в то время как он более нужен на севере. Чем дальше к северу, тем резче стоит вопрос об ультрафиолетовом голодании. Для таких мест, как Магадан, где также начинается сооружение солнечных лечебных рефлекторов, профилактическое облучение горняков и детей особенно важно.

Хотелось бы активней и шире привлечь неисчерпаемые ресурсы солнца на пользу людям.

Ф. СИНИЦЫНА, кандидат медицинских наук,
Б. ПЕТУХОВ, кандидат технических наук

Шанхайский солнечный рефлектор.

Брюсов календарь

Недавно я узнала, что первый гражданский календарь в России назывался Брюсовым. Что это был за календарь?

М. Боровкова (Москва).

Брюсов календарь начал выходить 250 лет назад, в мае 1709 года. Он так называется по имени Якова Брюса, известного сподвижника Петра I, шотландца по происхождению. Но Брюс только наблюдал за изданием, а действительным составителем календаря был Василий Анофриевич Киприянов, посадский московской Кадашевской слободы. В. А. Киприянов прославился как книгоиздатель, типограф, библиотекарь, популяризатор естественнонаучных знаний в России. Еще в 1701—1703 годах он принял участие в издании «Арифметики» Леонтия Магницкого, в 1705 году основал в Москве первую русскую гражданскую типографию, издавал учебные пособия для учрежденных Петром I школ. Он печатал «Таблицы синусов, тангенсов», географические карты полушарий и Московской губернии, карты четырех частей света и морские учебные карты. Издательская деятельность В. А. Киприянова встретила поддержку у Петра I, присвоившего ему звание «библиотекаря».

Киприянов составил и издал и Брюсов календарь. Это был настенный календарь на шести отдельных таблицах.

В календаре В. А. Киприянова было много интересных сведений о времени восхода и захода Солнца и Луны, о солнечных и лунных затмениях, о движении планет, таблицы географических координат различных пунктов земного шара.

Однако, применяясь к вкусам эпохи, В. А. Киприянов перевел с латинского и немецкого языков и включил в свой календарь различные сведения астрологического характера, так называемый «прогностик» — предсказания по положению небесных светил и знакам зодиака погоды, урожаев, войн, болезней. Это была только уступка вкусам, так как в самом календаре говорится: «Войну и мир собственно из звездочтения провещати невозможное дело».

А. УРАНОСОВ,
кандидат исторических наук

Титульный лист Брюсова календаря.

Меняется ли продолжительность года?

Меня интересует, изменяется ли продолжительность года вследствие постоянного увеличения веса Земли. Ведь на нее все время падают метеориты.

Художник Г. Аюян (Сталинабад).

Последние исследования ученых, в том числе данные наблюдений на советских искусственных спутниках Земли, показали, что ежесуточно наша планета получает в результате падений на ее поверхность метеоритов добавочную массу до 20 тысяч тонн. На первый взгляд кажется, что это чрезвычайно много и что Земля должна «толстеть» буквально не по дням, а по часам. Но точные расчеты показывают, что если бы покрыть всю Землю равномерным слоем метеоритов, выпавших на нее за несколько тысяч лет, то толщина этого слоя не превысила бы и одного сантиметра. Объясняется это тем, что очень велика масса Земли — 6 секстильонов тонн — и очень велика площадь ее поверхности. Значит, практически метеориты не могут сколько-нибудь заметно изменить массу нашей планеты.

Из законов небесной механики известно, что период обращения планеты вокруг Солнца (то есть год данной планеты) зависит не только от массы этой планеты, но также и от ее расстояния до Солнца и массы самого Солнца. Солнце — это гигантский раскаленный газовый шар. Как и масса Земли, масса Солнца не остается постоянной: ведь Солнце все время излучает вокруг себя на колоссальное расстояние свет и тепло.

Каждую секунду Солнце «худеет» примерно на 4 миллиона тонн! Однако это чудовищное число ничто по сравнению с общей массой Солнца — 2 октильона тонн. Таким образом, благодаря тому, что Земля немного прибавляет свой вес, а Солнце, наоборот, теряет его, тяготение между ними и, следовательно, период обращения планеты практически остаются неизменными. Измерения показали, что за последнюю тысячу лет год Земли, равный 365 дням 5 часам 48 минутам 46,045 секунды, изменился всего лишь на 5,3 секунды...

Что же касается длины суток, то, по самым последним данным, их продолжительность возрастает на 0,00043 секунды в год.

В. ЛУЦКИЙ,
научный сотрудник Московского планетария

Земля: «Тысячелетия собираю небесные камни, а на кольчугу все не хватает».

ПАМЯТНИК ПОЛОВЦЕВ

В колхозе «Красный Октябрь» во время вспашки зяби задели лемехом что-то тяжелое. Из земли колхозники извлекли каменную статую выше человеческого роста. К сожалению, голова оказалась поврежденной лемехом. Теперь статуя находится в начальной школе. Интересно было бы узнать ее происхождение.

Г. Слюсарь (станица Кореновская, Краснодарский край).

— Подобные каменные статуи,— рассказывает научный сотрудник Института истории материальной культуры Академии наук СССР кандидат исторических наук Л. П. ЗЯБЛИН,— ставили в XI—XII веках половцы для почитания своих предков. Эти памятники встречаются в степных районах, где, по летописным сведениям, жили половцы.

Статуя изображает сидящую женщину. В руках у нее сосуд, в который клали приношения. На шее видны очертания ожерелья из бус и гривны из витой проволоки. На левой поле кафтана вырисовываются подвешенные на ремешке к поясу зеркало и гребень.

Такие памятники представляют собой музейную ценность.

Сын старше отца

Говорят, что для пассажиров межзвездного корабля, мчащегося с колоссальной скоростью, время будет течь иначе, чем для людей, оставшихся на Земле. Как это понимать?

Исаев (Баку).

Отец уезжал. Уезжал очень далеко. Его шестилетнему сынишке показали яркую звезду на небе. «Это звезда Вега в созвездии Лиры,— сказали ему.— К этой звезде и летит твой папа». А потом мальчик увидел совсем маленькую звездочку. Она все дальше и дальше удалялась от Земли. «Это межзвездный корабль твоего отца»,— объяснили ему.

Если бы сын мог сейчас своими «земными» глазами взглянуть на отца, он бы весело рассмеялся. Отец выглядел совсем таким же, как в одном из зеркал аллеи смеха в парке. Он съежился, казался расплющенным и стал таким тяжелым, что наверняка проломил бы пол в их квартире и провалился на первый этаж. А сиди сын вместе с отцом, он видел бы его таким же, как всегда. Если бы ракета внезапно оказалась на Земле и остановилась, сын бы вскрикнул от ужаса; отец исчез...

...Шло время. Для отца оно исчислялось годами, для сына — десятилетиями. Однажды с Земли увидели мчащуюся с огромной скоростью звездочку. Вдруг впереди нее вспыхнул светящийся луч,— казалось, прожектор осветил ей дорогу. Это стратонавт включил фотонный двигатель для торможения корабля... И вот наконец сын и отец обнялись. Но теперь сын стал на 20 лет старше отца.

— Может ли так случиться?

С этим вопросом обратился наш корреспондент к доктору технических наук, профессору К. П. СТАНЮКОВИЧУ.

— Масса, время, движение, пространство — эти понятия неразрывно связаны между собой,— ответил профессор.— Гениальный физик Альберт Эйнштейн, создавший теорию относительности, теоретически обосновал, что с чем большим ускорением движется тело, тем медленнее относительно Земли течет там время. Этот «парадокс времени» сейчас не только доказан теоретически, но и проверен практически. В космических лучах находятся мельчайшие частицы — пи-мезоны и мю-мезоны. Они живут только миллионные и стомиллионные доли секунды, а потом распадаются. Точными физическими приборами можно измерить продолжительность жизни этих космических частиц. Доказано, что время жизни этих частиц зависит от их ускорения. Чем с большим ускорением относительно Земли они движутся, тем медленнее течет там, в них, время.

Помогут нам узнать изменение хода времени и искусственные спутники, запущенные по вытянутым эллиптическим орбитам. На них могут быть установлены ядерные часы, фиксирующие замедление времени на спутнике. Сейчас уже есть атомные часы, которые измеряют время с точностью до миллионных долей секунды.

— Будет ли человек подчиняться тем же законам, что и мельчайшие частицы?

— Будет, ведь человек состоит из тех же элементарных частиц материи,— продолжает рассказывать Станюкович.— Масса тела зависит от скорости его движения. Поэтому сыну, находящемуся на Земле, отец, летящий на космическом корабле, показался таким непомерно тяжелым. А если ракета мгновенно остановится, то и корабль и человек рассыплются на мельчайшие частицы, исчезнут, превратятся в поток жесткого излучения. Масса тела как бы «исчезнет»: она перейдет в энергию — другую форму существования материи. Трудно судить, как будет чувствовать себя человек в таком дальнем путешествии. Это надо еще изучать и изучать. Рождается новая наука — астромедицина.

— На каком виде «космического транспорта» отправятся в полет первые стратонавты?

— Об этом пока можно лишь гадать. Вероятно, первую колею на космической целине, если можно так сказать, проложит ракета на жидком топливе. Многоступенчатая ракета может долететь, скажем, до Марса и вернется обратно. Кибернетические приборы запишут интереснейшие наблюдения и передадут их на Землю. Это будет глубокой разведкой. Но скорости в сотни и тысячи километров для жидкостной ракеты невозможны. Ее бы пришлось делать равной Луне, чтобы до ближайшей звезды долетела хотя бы крупинка.

Расчеты показали, что необходимой космической скорости можно достигнуть, если материю превратить в световую энергию, в поток световых частиц — фотонов.

За последние годы физики открыли существование антиматерии, то есть материи, частицы которой заряжены зарядами, противоположными заряду обычных частиц той же массы. Например, протон имеет положительный заряд, а антипротон — отрицательный. Античастицы и частицы «ненавидят» друг друга и борются «насмерть». Сталкиваясь, они мгновенно взрываются. При взрыве выделяется колоссальное количество энергии, в сотню раз больше, чем при термоядерной реакции. Если заставить энергию выделяться постепенно и непрерывно, то фотоны, мезоны и другие элементарные частицы, образующиеся при столкновении вещества и антивещества, будут выбрасываться из камеры сгорания ракеты в одном направлении, как газы из реактивного двигателя. На этом и основан принцип фотонной ракеты.

— Как будет происходить полет к звездам?

— Вернее всего, мы полетим к звездам с «пересадками». Сейчас учеными-астронавтами разных стран выдвинуто много проектов создания внеземных «ракетодромов» — искусственных спутников.

Старт с Земли может быть взят «обычной» жидкостной ракетой, уже за пределами земной атмосферы будет «включена» атомная, а потом, за десятки тысяч километров от Земли,— фотонная, мчащаяся почти со скоростью света. Но такая «комбинированная» ракета будет очень велика — в сотни километров. Поэтому вероятней, что вместо космического корабля можно будет использовать один из спутников Сатурна или Юпитера или какой-либо астероид. Заранее на них доставят антивещество, сконструируют двигатель. Небесное тело покинет свой пост и полетит, повинуясь воле сына Земли.

Уехал...

Приехал...

Анатолий Одинцов на занятиях с Вартаном Осиповичем Даведяном.

Музыкальная вечерняя

Ф. ПЕЩАНСКАЯ

Фото А. Узляна.

Кузов пятитонки превращен в эстраду, пол ее устлан белой бумагой. Аккомпаниатор занял место у рояля, артисты в сборе. Концерт можно начинать.

Наскоро пообедав, зрители устремляются в сборочный цех. Кто помоложе, половчей, лезет на верхушки комбайнов, в будку крановщика, протискивается к самому грузовику. В огромном цехе комбайнового завода народу видимо-невидимо.

— Выступают учащиеся Таганрогской музыкальной вечерней школы имени Чайковского!

Один за другим по лесенке взбираются на «эстраду» исполнители. Певца Эдуарда Окатова сменяет баянист Владимир Камнев. Смело вышел со скрипкой Анатолий Одинцов, правда, от волнения он забыл снять калоши; зрители так и не увидели его старательно начищенных ботинок.

Сольфеджио не так уж трудно петь, особенно если поют все вместе. Так думает и Владимир Камнев и Виталий Чернов.

Всех встречали тепло, но бо́льшая доля аплодисментов досталась Нине Здоровцевой: «Наша, с комбайнового, из двадцатого цеха!.. Как поет!..»

Окончен концерт. Зрители, обмениваясь впечатлениями, занимают рабочие места. И участники концерта спешат вернуться к своим основным делам. Окатов торопится на завод «Красный котельщик»; Владимир Камнев перед сменой — домой, пообедать; у Нины Здоровцевой начинаются уроки в школе...

Таганрогская вечерняя музыкальная школа имени П. И. Чайковского помещается в старинном большом купеческом доме. Занятия идут во всех комнатах: учащихся много. В концертном зале урок пения.

— Окатов, идите вы,— приглашает учительница.— Споем вокализ.

Юноша начинает упражнение робко, вполголоса, но чувствуется, что голосом он владеет. Действительно, Окатов поет давно: пристрастился к музыке еще в десятилетке. А когда, окончив ее, поступил на завод, с успехом стал выступать в концертах самодеятельности. Потом пошел учиться в вечернюю музыкальную школу.

Нина Здоровцева и Галя Терехова мечтают стать певицами. Легко ли им после смены на заводе, проехав через весь город, поспевать на уроки музыки! А ведь к занятиям надо еще и подготовиться... Да и комсомольские обязанности, участие в концертах, теоретические предметы требуют времени. Хочется и повеселиться, потанцевать: на улице лето!

Воскресное утро. Солнце заливает высокие окна.

Аккуратный Володя Мотев уже достал из футляра кларнет, приладил ноты и готов начать репетицию. Он очень хочет стать музыкантом, а пока работает киномехаником. Приверженность к музыке у Володи «наследственная»: отец, Петр Степанович, играет на скрипке, сестренка занимается по классу рояля в этой же школе, а мать, Надежда Яковлевна, готова без устали слушать музыку, особенно когда играют ее дети.

У Толи Одинцова привязанность к скрипке давняя. С детства мечтал о ней и на первую же получку купил скрипку. Каждый день после работы — независимо от расписания — он приходит в школу, забирается в свободный класс и играет до ночи. Каким событием было для него вступление в школьный оркестр!

Репетицию симфонического школьного оркестра ведет Павел Александрович Носков — директор школы. Терпеливо добивается дирижер слаженного звучания оркестра. Играют Глинку, Чайковского, Рубинштейна, Грига, советских композиторов...

Баянисты — самый многочисленный в школе класс. Им наскучило играть по слуху, «как бог на душу положит». Все хотят учиться. В этом году на два свободных места было семьдесят претендентов.

Огромная любовь к искусству помогает взрослым людям терпеливо овладевать знаниями. По вечерам они приходят в классы, слушают музыку и рассказы о жизни великих музыкантов, садятся за парты, записывают ноты, поют хором, играют гаммы...

Далеко от центра города живет Владимир Камнев. Знакомимся с хозяином. Он рассказывает нам:

— Я слесарь, мне двадцать восемь лет, из них четырнадцать работаю. Учиться в детстве не пришлось: война. Теперь нагоняю: хожу в седьмой класс общеобразовательной школы и третий год занимаюсь музыкой.

— Как же вы все совмещаете?

— Распорядок дня соблюдаю, как положено школьнику,— смеется Владимир.

...Мы сидим с Анной Тимофеевной Куликовой в опустевшей учительской. Тихо. Занятия окончились. Она показывает мне толстую пачку писем — от учеников. Пятнадцатый год преподает она здесь...

«...Не знаю, буду ли я петь на сцене когда-либо, но Вам буду всегда благодарен от всего сердца»,— пишет из армии юноша, воспитанник Куликовой.

А вот другое письмо: «...Я уже студентка консерватории Свердловска. Моя заветная мечта исполнилась. Работаю на заводе мастером, а вечерами учусь в консерватории. На экзамене все спрашивали, где и сколько времени я училась петь. С гордостью отвечала, что в Таганроге, в вечерней школе, у вас».

«...Вкусившие искусства, мы как зачарованные к нему тянемся»,— заканчивается письмо, присланное из далекого пограничного городка.

И. И. Левитан.
ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР. 1900 год.

Государственная
Третьяковская галерея.

И. И. Шишкин (1832—1898). ЛЕС В МОРДВИНОВЕ. 1891 год.

Тульский областной художественный музей.

И. И. Шишкин. СОСНЫ, ОСВЕЩЕННЫЕ СОЛНЦЕМ 1886 год. Государственная Третьяковская галерея.

Тема — современность

В годы войны в редакцию областной газеты «Горьковская коммуна» пришло письмо:

«Я, инвалид Отечественной войны, младший лейтенант Сухотин Алексей Иванович, проездом через Горький пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить горьковского врача Волянскую и медсестру Лену Прыгунову, которые работали на санпароходе «Композитор Бородин». Как я слышал, пароход этот погиб, а команда, которая спаслась, поехала в Горький. Если Волянская и Прыгунова живы, то посылаю им красноармейское спасибо, а если нет, то их родителям. В ту ночь, когда над санитарным пароходом кружились гитлеровские стервятники, бросали бомбы и строчили из пулеметов, перед лицом смертельной опасности тов. Волянская дала свой спасательный пояс раненым, хотя сама плавать не может. И когда все сошли на берег и попрятались в кустах, нас, четверых тяжелораненых, нести было нельзя, и мы остались на пароходе; тов. Волянская и Прыгунова Лена нас бросить отказались, хотя мы их и отсылали. Они всю ночь были с нами на пароходе, в опасности успокаивали нас, давали лекарства, от которых боли прошли и ударило нас в дремоту. В ту ночь мы, четверо тяжелораненых, лежали на пароходе, с которого все ушли. По нас стреляли, бросали бомбы, а врач и сестра добровольно остались с нами. Я никогда не забуду этого и на трудовом фронте буду так же биться, как бился под Сталинградом. А тов. Волянской и Прыгуновой прошу передать красноармейское спасибо! Младший лейтенант А. Сухотин. 16 октября 1942 года».

И мне вспомнился рассказ Галины Николаевой «Гибель командарма» — об одном из эпизодов войны. Что-то очень знакомое, схожее было в том рассказе и в письме лейтенанта Сухотина. Галина Евгеньевна Волянская (Галина Николаева — ее литературный псевдоним) во время войны работала военным врачом на госпитальном судне Волжской флотилии, вывозившем раненых бойцов из горящего Сталинграда. Не только Алексей Иванович Сухотин мог бы, наверное, рассказать о самоотверженности врачей и медицинских сестер плавучего госпиталя, среди которых была и будущая писательница. Сотни раненых защитников Сталинграда были спасены их умелыми и заботливыми руками. Снова и снова возвращался на передовую линию фронта «Композитор Бородин», пополнив запас медикаментов в Казани или в Горьком. Мирное судно с большими красными крестами на палубных надстройках было потоплено фашистскими летчиками. Врач Волянская вместе с другими была спасена и, несмотря на контузию, осталась с ранеными.

Войну она закончила, работая в госпиталях на Северном Кавказе, в Нальчике. Здесь впервые и прозвучало имя Галины Николаевой.

Еще до войны, в годы учебы, а затем работы в Горьковском медицинском институте, ею были написаны первые стихи. На фронте молодой врач в редкие свободные минуты записывал горячие поэтические строчки. Так родилась книга стихов, выпущенная в Нальчике в 1945 году.

Величайшее народное бедствие, подвиги советских людей — все это пронизало чувства и думы автора первой книги. Вспоминается одно короткое стихотворение, которое в скупом поэтическом образе раскрывает очень многое:

Друг, прости этих строк
торопливых тоску:
Я иначе писать не могу.
Это хриплым и трудным
дыханьем войны
Были песни мои рождены.
Это радость и боль через
край пролились;
И слова, не догнавшие
мысль,
Опустев, позабыты на
смятом листке,
Словно гильзы на
взрытом песке.

В 1946 году в Москве вышел второй сборник стихов Николаевой, «Сквозь огонь». Николай Тихонов писал тогда молодому автору: «В ваших стихах живет та поэзия, которая так нужна сейчас, поэзия, откровенно говорящая о главном, о чувствах, которым свойственна высокая человечность, предельная искренность и страсть».

После войны имя Галины Николаевой часто появляется на страницах газет и журналов. Это были очерки, статьи с Харьковщины и со Сталинградского тракторного, из глубинных колхозов Кировской области и Кубани. О чем бы ни писала она, во всем чувствовался накал нашей стремительной жизни, знание людей и дела, о котором рассказывали очерки. Писательница подолгу жила в колхозах Горьковской, Кировской областей, на Кубани, Алтае. Тогда-то, в поездках по стране, родился замысел первого романа.

Но вот появился роман «Жатва», и стало ясно, что в советскую литературу вошел новый писатель, со своими героями, близкими и понятными миллионам читателей.

А вслед за «Жатвой» — снова поездки, очерки, выступления по самым острым проблемам сельского хозяйства и промышленности. И как результат — рождение нового большого произведения «Битва в пути».

Недавно я побывал у Галины Николаевой.

Прежде всего поражает обилие почты на столе у писательницы. За последние два месяца Николаева получила более трех тысяч писем, а они все идут и идут со всех концов страны.

— Я получаю столько писем,— говорит Галина Евгеньевна,— что физически не успеваю ответить на все. Я буду рада, если «Огонек» даст мне возможность поблагодарить за них читателей — моих заочных друзей. Живой читательский отклик — это самая большая радость и самая высокая награда за нелегкий писательский труд. Иногда читатели в своих письмах задают мне вопросы, высказывают пожелания. Так и в сегодняшней почте вы видите горячее, взволнованное письмо от томской студентки Белимовой. Она пишет о Тине, героине романа «Битва в пути»: «Разве можно, чтобы такая замечательная женщина не имела права на счастье?»

Я бы могла привести много читательских писем, которые отвечают лучше, чем может ответить автор романа, так как их словами отвечает жизнь. Я могу лишь по-писательски объяснить те явления, с которыми многократно сталкиваюсь в жизни. Создавая коммунизм, люди одновременно создают и новый духовный мир. На наших глазах происходит формирование новой семьи. Советские люди все глубже ощущают потребность в такой семье, в которой любовь неразрывна с идейной и творческой близостью, в таком семейном союзе, высоким образцом которого является союз Ленина и Крупской. И чем богаче становится духовный мир человека, чем напряженнее его творческая жизнь, тем острее его потребность в такой семье.

...Мы говорили о планах писательницы. Впереди работа над новым романом. Он будет посвящен партийным работникам, труженикам нашей промышленности.

— Это будет,— говорит Галина Евгеньевна,— произведение о таких людях, как Курганов-«бударь», Чубасов, о рядовых коммунистах. Тема «бударя», настоящего коммуниста, станет основной темой произведения, а разговор пойдет о том, как эти люди будят в народе самые лучшие чувства. В этом отношении роман «Битва в пути» является как бы подступом к новому произведению. В нем я снова буду говорить о семье, о новых взаимоотношениях в социалистическом обществе, основанных на творческой близости.

Уже давно задуман цикл новелл о любви, над которыми писательница будет работать в ближайший год. И, конечно, новые поездки по стране, очеркистская работа. В дни, когда в Москве проходил XXI съезд партии, Г. Николаева встретила в гостинице «Москва» своего давнишнего друга, председателя колхоза из Кировской области Прозорова. Он приглашал ее к себе в колхоз. Галина Евгеньевна говорит, что очень хотела бы снова побывать в тех краях. Мне опять вспомнились первые послевоенные годы, очерки на страницах «Правды» и других газет, написанные Галиной Николаевой, неутомимым и неугомонным человеком.

Г. ЕРЕТНОВ

В ОДНОМ СТРОЮ

Думается, что роман о сегодняшнем дне не должен завершаться вместе со словом «конец». Книга окончена — как всякая книга, она не может быть бесконечной,— а жизнь продолжается. И читатель идет по жизни об руку со своими новыми друзьями, потому что это не просто выдуманные автором герои романа, а его, читателя, современники, узнанные им, принятые в спутники и товарищи.

Если в художественном произведении события и взаимоотношения людей оправданы всем историческим ходом развития нашего общества, если в характере героев явственно проступают национальные черты, присущие именно и только советскому человеку, если произведение по существу своему партийно, тогда это и есть, по-моему, книга о нашей современности, кипучей, деятельной, устремленной в будущее.

Роман Мирзы Ибрагимова «Слияние вод» в таком понимании мне кажется одним из лучших не только в азербайджанской, но и во всей советской литературе последних лет.

Несомненно, творческой победой автора является органичное, без какой-либо натяжки сочетание личного и общественного в жизни и деятельности героев романа.

Любовь, дружба, отношения в семье, именно в азербайджанской семье с ее национальными особенностями, дела колхозные, борьба молодого поколения с пережитками старого, и еще множество частных вопросов и глубоких общественных проблем — все это в романе неразрывно и нериторично, все продиктовано самой жизнью.

Не знаю, что читается с бóльшим волнением: те ли страницы, которые посвящены делам колхозным, те ли, где говорится о делах семейных и личных. Не могу сказать, так как, повторяю, в романе все волнует.

«Слияние вод» — роман большой; на его обширной литературной жилплощади живут и действуют семья председателя колхоза Рустама-киши, руководство из района и МТС, колхозники двух артелей. Но самое главное, при чтении романа чувствуешь присутствие народа, дыхание народа, волю народа. Каждый образ романа психологически индивидуален и одновременно обобщает в себе еще и еще многих.

Чтобы не быть голословной, остановлюсь на некоторых. Председатель колхоза Рустам-киши — центральная фигура романа. Совсем молодым Рустам принимал горячее участие в строительстве Советской власти в Азербайджане. Рустам умел работать, умел руководить колхозом. Еще в довоенные годы вывел он свой колхоз из захудалого в зажиточные. Пострадал колхоз за военные годы, и снова поднял его из разрухи не кто иной, как Рустам. По праву есть чем гордиться Рустаму. Но не всякий умеет сохранить в чистоте эту высокую гордость за результаты своего труда. Не сумел и Рустам. Советский человек и коммунист, он не смог преодолеть тяжелого груза обычаев дедов и отцов: старшему никто не смеет перечить. Заглушили голос совести подхалимы Ярмамед и Салман.

Образ Рустама-киши глубоко человечен. Это не пресловутый положительный герой, наделенный для остроты эдакой червоточиной. Это не отрицательный герой, сдобренный волею автора положительным прошлым и впоследствии испортившийся. Это живой человек и, конечно, советский человек. В нем новое борется с проклятыми предрассудками прошлого. И, несмотря на ошибки Рустама, я уверена, что читатель назовет его положительным героем.

Сакина, жена Рустама, воплотила в себе национальные черты старой азербайджанской женщины, умеющей жить, работать и думать по-новому. И все же она, женщина азербайджанского села, не может властно и твердо пойти наперекор мужу. Она осуждает поступки Рустама, говорит ему честно и откровенно, но не резко, как сказала бы, может быть, русская женщина, а мягко, с присущим только восточной женщине тактом, схожим с преклонением перед мужем, главой семьи.

Мне очень понравилось, как показан в романе секретарь райкома партии. Пожалуй, не ошибусь, если скажу, что в трактовке этого образа Ибрагимов нашел нечто новое. Секретарь райкома у Ибрагимова приехал в район недавно, он интеллигент, пришел из кабинета, от научной работы. Сам он не совершает грубых ошибок от «незнания жизни», не поучает всех и вся. И вот оказывается, что кабинет научно - исследовательского института отнюдь не превращает человека в бумажного червя, оторванного от жизни, и что наука помогает ему, а не мешает глубже понять новое там, куда его направила партия. А чтобы не ошибиться, надо быть просто коммунистом. Именно таков у Ибрагимова секретарь райкома.

Роман «Слияние вод» глубоко партийный. Молодой бригадир, секретарь партийной организации колхоза Ширзад говорит: «...Когда впереди заветная цель, то старики молодеют, а молодые мужают». В этой молодости стариков, в мужании молодых, идущих к заветной цели — светлому завтра, в непримиримости ко всему, что мешает нашему поступательному движению вперед, и выражено партийное звучание романа.

Я прочла роман Ибрагимова и сердечно порадовалась творческой и гражданской победе автора. Герои романа — хлопкоробы из далекого Азербайджана, где мне пока не приходилось бывать; я солдат и литератор, но путь у нас один, цель одна: впереди годы семилетки, а там светлые дали коммунизма. Хорошо идти с такими людьми вместе, в одном строю.

Ирина ЛЕВЧЕНКО

Мирза Ибрагимов. Слияние вод. Роман. Изд-во «Советский писатель». Москва, 1959, 459 стр. Баку, 1958. 478 стр.

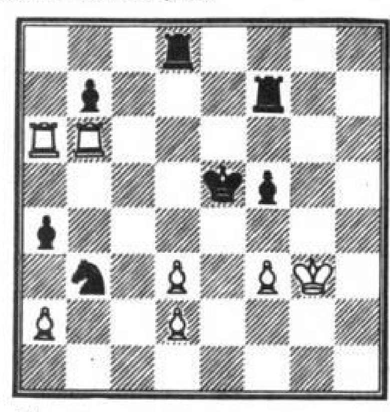
Под редакцией гроссмейстера Сало ФЛОРА

Этюд награжден золотой медалью

Недавно были опубликованы результаты первого международного конкурса ФИДЕ. Первый приз (золотая медаль) присужден этюду советских композиторов В. А. Королькова и Л. А. Митрофанова (Ленинград).

Приводим это замечательное произведение с примечаниями композитора В. А. Королькова.

В. А. Корольков и Л. А. Митрофанов (Ленинград).

Белые начинают и делают ничью.

1. Лb6 — b5 + (У белых не хватает фигуры, но брать атакованного коня нельзя, так как под ударом пешки b7 находится ладья а6. Если же 1. Л : а4, то 1... f4 + 2. Крf2 Кс5 3. Ла5 Лd5 4. d4 + Кр : d4 5. Лb4 + Крd3 6. Ла3 + Кр : d2 7. Лb2 Крс1 8. Ле2 Кd3 +; не спасает и 1. Ле6 + Крd5 2. Лf6 Л : f6 3. Л : f6 Кd4 или 1. f4 + Крd5 2. Лb5 + Кс5 3. Лаа5 Лg8 + 4. Крf3 Лс7 5. d4 Кр : d4 6. Лb4 + Крd3, а если 1. d4 +, то 1... Крd5 2. Лb5 + Крс4 3. Лаb6 К : d4 4. Лb4 + Крd3 5. Л : b7 f4 + 6. Крf2 Л : b7 7. Л : b7 Кр : d2.)
1... Кb3 — с5 (Черный конь обречен на гибель — если 1... Крd4, то 2. Л : а4 + Кр : d3 3. Л : b3 +; жертва «обреченного» коня заставляет белую ладью приблизиться к черному королю. На 1... Лd5 последует 2. f4 + Крd4 3. Л : а4 +.)
2. Лb5 : с5 + (Взять коня необходимо, потому что плохо 2. Лаа5 f4 + 3. Крf2 b6 4. Л : b6 Лd5 5. d4 + Кр : d4 6. Лb4 + Крd3 7. Лbb5 Крс4 8. Кре2 Ле7 + 9. Крd1 Кd3 10. Л : d5 Ле1 + 11. Крс2 Лс1х.) 2... Кре5 — d4 (Пожертвовав коня, черные получили возможность напасть королем на ладью, попавшую на поле с5,— в результате у белых оказались под ударом обе ладьи.) 3. Ла6 — а5 (Уводя одну ладью из-под удара пешки и защищая ею другую, атакованную королем,— итак, обе ладьи с шестой горизонтали перешли на пятую. Сильным, тематически ложным следом является продолжение 3. Лс4 +, преследующее цель после 3... Кр : d3 4. Ла : а4 возможно дальше отвести ладьи от опасной пешки b7. Но эта пешка делает двойной ход и все равно создает вилку: после 4... b5 5. Лс3 + Кр : d2 6. Лаа3 b4, одна из ладей неизбежно теряется. Вот почему белые ладьи должны предотвратить стремительное продвижение пешки b7 и вынудить ее сперва пойти на поле b6 и лишь затем на b5.) 3... Лf7 — g7 + (Ладья с шахом переходит на вертикаль «g», где она не может быть атакована ладьей с5. Поспешное 3... b6 позволит белым воспользоваться промежуточным нападением на незащищенную ладью f7 для того, чтобы увести из-под удара обе свои ладьи. Например: 4. Л : f5 Лg7 + 5. Лg5 Л : g5 + 6. Л : g5 Кр : d3 7. Лb5 Лb8 8. Лb2 b5 9. f4 b4 10. f5 Кре4 11. f6 Кре5 12. Крf3 Кр : f6 13. Кре4 Кре6 14. Крd4 Крd6 15. Крс4 или 5... Лdg8 6. Лd5х; после 3... f4 + 4. Крg4 бесполезно играть 4... Лg7 + из-за 5. Лg5, а если 4... b6, то 5. Лf5 Л : f5 6. Л : f5 Кр : d3 7. Лb5 Лb8 8. Лb2 b5 9. Кр : f4 b4 10. Кре5 b3 11. ab Л : b3 12. Ла2 а3 13. f4 Крс4 14. f5 Лb5 + 15. Кре6 Крb3 16. Л : а3 + Кр : а3 17. f6.) 4. Крg3 — f4 (Белый король проникает на поле f4.) 4... b7—b6 (После того, как ладья f7 спряталась за пешку f5, можно сделать вилку обеим ладьям противника.) 5. Лс5 — с4 + (Одна из ладей с шахом уходит из-под удара пешки.) 5... Крd4 : d3 (После уничтожения пешки, защищающей ладью, у белых снова оказываются под ударом обе ладьи.) 6. Ла5 : а4 (Вторично ладья, атакованная пешкой, уходит из-под удара и защищает другую ладью; в результате обе ладьи с пятой горизонтали перешли на четвертую.) 6... b6 — b5 (Пешка все-таки настигла обе ладьи, хотя и попала на поле b5 не в один, а в два хода.) 7. Лс4 — с3 + (Систематическое движение продолжается: опять ладья уходит с шахом из-под удара черной пешки.) 7... Крd3 : d2 (Та же игра: король, как и прежде, уничтожает пешку, защищающую ладью, после чего обе ладьи опять оказываются атакованными.) 8. Ла4 — а3 (Еще раз ладья спасается от пешки и защищает вторую ладью; после этого ладьи оказываются уже на третьей горизонтали.) 8... b5 — b4 (Пешка настойчиво преследует ладьи противника.) 9. Лс3 — с5 (Вот в чем дело: одна из ладей все-таки уходит с атакованного поля.) 9... b4 : а3 (Недостаточно для победы 9... Лd4 + 10. Кре5 bа 11. Кр : d4. Поэтому пешка должна взять ладью, однако тем самым она запатовывает белую пешку а2...) 10. Лс5 — d5 + Лd8 : d5 — белым пат в центре доски!

В отличие от других произведений, где «система» движения заканчивается при приближении фигур к краю доски, ограничивающему их подвижность, здесь систематическое движение двух белых ладей, а также пешки и короля черных использовано для определенной цели — запатования белого короля и пешки а2.

ИНТЕРЕСНЫЕ ВСТРЕЧИ

До недавних пор Марк Тайманов был известен, как «слуга двух господ»: как талантливый гроссмейстер и отличный пианист. Но вот он предстал перед нами в новой роли — автора книги путевых заметок. И надо сказать, что, выступив в необычном амплуа, Тайманов вновь порадовал почитателей своего разностороннего дарования.

«Зарубежные встречи» — это своеобразная книга, в которой беглые путевые наблюдения, сцены зарубежной жизни перемежаются чисто шахматным материалом — комментариями отдельных партий Тайманова, а также его советских и иностранных коллег. Что здесь считать главным, а что второстепенным — партии или путевые заметки,— это уже зависит от вкуса читателя. Во всяком случае, и знатоки шахмат и просто любознательные люди, которым небезразличны подвиги нашей гроссмейстерской гвардии, прочтут книгу Тайманова с интересом.

За последние годы Тайманов немало поездил по белу свету. «Служенье муз не терпит суеты»,— утверждал поэт. Увы, у богини шахмат Каиссы своенравный характер, и гроссмейстеры — ее верховные жрецы — вынуждены летать с одного континента на другой. Буэнос-Айрес и Нью-Йорк, Париж и Лондон, Гастингс и Рейкьявик — диапазон странствий довольно велик, не правда ли?..

У Тайманова пытливая натура, острый, наблюдательный глаз. Обо всем увиденном он рассказывает живо, безыскусственно и с большой дозой юмора.

...Таможенный чиновник вклеил в паспорта советских шахматистов «правила» их «поведения» в США. Второй пункт разрешал гроссмейстерам передвигаться не далее чем на 25 миль от городской черты Нью-Йорка.

«— Скажите, при таком условии статую Свободы мы сможем увидеть? — спросили его на прощание.

— Да, конечно,— не поняв иронии, ответил чиновник...»

...Знаменитое парижское шахматное кафе «Ля Режанс». Здесь сражались прославленные мастера трех столетий, среди них Морфи, Стейниц, Капабланка, Алехин. Играл здесь и Наполеон.

«С волнением входили мы в этот своеобразный шахматный музей Франции,— пишет Тайманов.— И как велико было разочарование!.. От старого «Ля Режанс» остались лишь воспоминания. Шахматные столики вынесены... Столик Наполеона с беспорядочно разбросанными резными фигурками приткнут в угол прихожей. Шахматная слава распродана с торгов...

— Коммерция! — объяснил новый хозяин кафе.— Шахматисты — невыгодные гости. Закажут чашку кофе и играют несколько часов подряд. Пришлось выбирать между шахматами и доходами.

Самодовольный вид владельца кафе говорил, что этот выбор не стоил ему усилий...»

...Во время матча СССР — Англия советские шахматисты были приглашены в английский парламент, где Бронштейн и Керес дали сеанс на двадцати досках. «Во время сеанса,— рассказывает Тайманов,— произошел эпизод, давший повод к забавной шутке. Бронштейн предложил своим партнерам выбрать любой цвет фигур. Словно сговорившись, все как один повернули к себе белые. «Редкий случай единогласия в английском парламенте,— заметил один из лейбористов». «Да еще по предложению советского представителя»,— смеясь, поддержал его другой»...

С особенной теплотой пишет Тайманов о наших зарубежных друзьях, имя которым—легион. Сердечная поддержка друзей всегда помогает советским шахматистам во время заграничных выступлений.

Выезжая за рубеж, наши шахматисты чувствуют себя посланцами доброй воли советских людей. Ощущение этого звучит лейтмотивом небольшой, но очень емкой книги Тайманова. И потому таким естественным и логичным воспринимается заключительный аккорд «Мы за дружбу!»

Вик. ВАСИЛЬЕВ

М. ТАЛЬ ИЛИ Б. ФИШЕР?

От специального корреспондента «Огонька»

В эти дни внимание всего мира приковано к Женеве. У шахматистов есть еще дополнительная нагрузка: они следят за крупным шахматным событием в Цюрихе, расположенном примерно в четырех часах езды от Женевы.

Местному шахматному клубу исполнилось 150 лет. Он является старейшим не только в Европе, но и во всем мире. Как же не отметить этот праздник?

Из шахматистов, которые в 1934 году участвовали в турнире по случаю 125-летнего юбилея клуба, многих, в том числе и его победителя А. Алехина, уже нет.

Я занимаю место в кресле для почетных гостей и смотрю на смену. В таком же кресле сидит семидесятилетний Г. Ионер — неоднократный чемпион Швейцарии. Его сын Фриц Ионер выполняет функции главного судьи. Он по профессии священник.

Известно, что знаменитые теннисисты начинали свою карьеру с того, что подбирали мячи на корте. На шахматных турнирах молодые люди часто выступают в качестве демонстраторов. В Цюрихе сейчас не так. Здесь этим занимаются опытные шахматисты. Любопытно, что один из демонстраторов, В. Геннебергер, — участник турнира в 1934 году. Тогда он в блестящей партии разгромил Нимцовича. Геннебергеру сейчас 76 лет. С трогательной педантичностью он каждый вечер выполняет свои функции у демонстрационной доски.

Из газет уже известно, что турнир в Цюрихе начался с большой сенсации: в первом туре Михаил Таль проиграл Э. Бенду. Конкуренты Таля радовались, многочисленные поклонники огорчались. Некоторые шутили: «В Цюрихе, как раз в трех минутах около Конгрессхауза (где происходит турнир), есть улица Таля. Придется ее переименовать».

Но нет, не придется. Таль не растерялся. До 10-го тура он одержал серию побед и позволил лишь Паулю Кересу отнять у него пол-очка. Восемь с половиной очков из десяти — великолепный результат в таком турнире.

«Оппонентом» Таля в этом турнире считается Боб Фишер — чемпион США. Эти две шахматные «звезды», как магнит, притягивают зрителей.

— Таль и Фишер делают нам сбор,— заявляют организаторы турнира.

Интересно, что в результате жеребьевки молодые гроссмейстеры встречаются в самом последнем туре. Уже теперь многие приобретают билеты на этот своеобразный шахматный финал.

В 1953 году в Цюрихе состоялся турнир претендентов. Б. Фишер, вероятно, узнал, что тогда президент клуба А. Наглер заявил: «Пока я жив, Решевский в Швейцарии играть не будет!»

Своим поведением американский гроссмейстер довел Наглера — блестящего организатора—чуть ли не до инфаркта. Б. Фишер поэтому выступает в Цюрихе скромно и осторожно, хотя и любит почудачить: за вечер он меняет несколько рубашек, а заканчивает партию в ковбойке... Меняет он не только рубашки, но и комнаты в гостинице. Все ему не нравится. В интервью для газет шестнадцатилетний юноша высокомерно говорит: «Швейцария — неплохая страна».

Боби — шахматный фанатик. Он любит шахматы и не любит школы. Когда его спрашивают о профессии отца, он отвечает:

— Инженер или что-то в этом роде.

Бобу Фишеру некогда. Он изучает теорию, которую прекрасно знает, и спешит с одного турнира на другой. Фишер уже в этом году успел сыграть в чемпионате США, турнире в Сант-Яго, еще в одном турнире и вот выступает в Цюрихе. Не много ли?

Юный гроссмейстер сейчас в хорошей форме, играет каждую партию старательно и вкладывает в нее душу.

Очень популярен в Цюрихе Пауль Керес. Он дал ряд замечательных партий. В 10-м туре С. Глигорич (Югославия) потерпел второе поражение — на этот раз от Г. Барца (Венгрия), который провел партию в хорошем стиле. Участник турнира претендентов Ф. Олафссон (Исландия) заметно отстает.

В десятом туре все партии закончились без откладываний. Редкий случай в практике.

В этот вечер в турнирном зале находился Александр Александрович Алехин — единственный сын покойного чемпиона мира. Он живет недалеко от Цюриха. Кстати, он просил передать привет нашим читателям.

Сало ФЛОР

Цюрих.

Жизнь **ИСКУССТВА**

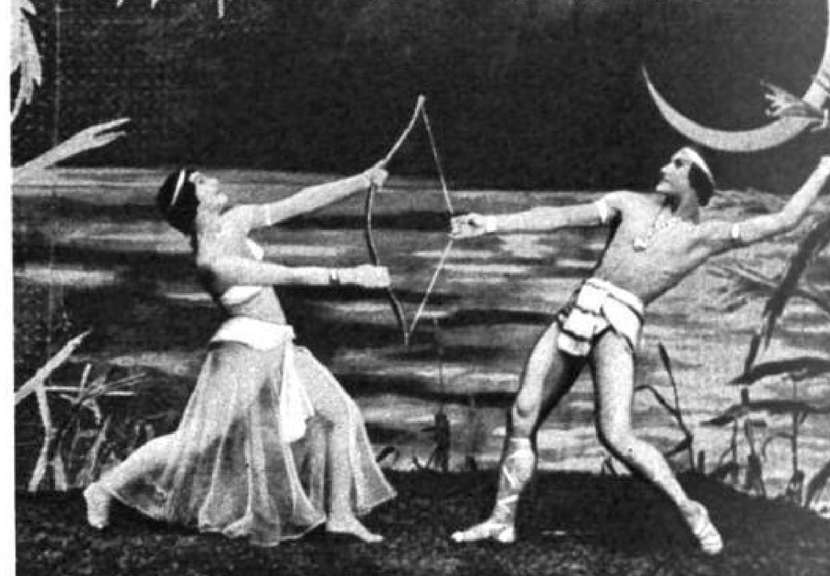
Новая опера

Свердловский театр оперы и балета имени А. В. Луначарского показал новый спектакль — оперу композитора Б. Шехтера «Пушкин в изгнании».

В роли А. С. Пушкина народный артист РСФСР Я. Вутирас, в роли няни Арины Родионовны артистка М. Белоусова.

Фото И. Тюфякова.

Сцена из балета «Египетские ночи» в Татарском государственном театре оперы и балета имени Мусы Джалиля. Вереника — Г. Баширова, Амун — Р. Садыков.

Юные, вдохновенные

За окнами ночная Казань. Погасли люстры в фойе, недавно полных шума и смеха. Театр — безлюдный и угомонившийся — отдыхает.

Но где-то в глубине бесконечного коридора яркий блик света. Из-за приоткрытой двери доносятся женские голоса.

— Ну, как сегодня, лучше? Нет? А прическу я новую сделала. Вам нравится?

Войдя в увешанную фотографиями и эскизами комнату, я увидела девушку — почти подростка. Из-под купальной шапочки выбились пряди влажных волос, на ресницах поблескивают капли воды, длинные пальцы теребят полотенце.

— А как первая вариация? Получилась у меня эта поза?

И вдруг полотенце летит в сторону, минутная пауза, и перед нами уже не Гета Баширова, беседующая с главным балетмейстером Людмилой Бордзиловской, а героиня только что окончившегося спектакля — балета А. Аренского «Египетские ночи» — Вереника. Перевоплощение мгновенно.

Стремительно повернута в профиль голова. Смуглые руки натягивают невидимый лук. Торс мягко изогнут. Этой позой начиналась вариация, открывающая спектакль.

В коротком одноактном балете Баширова сумела раскрыть жизнь своей героини. Все танцы ее исполнены чувства, непосредственного и искреннего.

Разумеется, был известный риск в том, что молодой балерине поручили главную партию. Но разве меньшим риском было самое решение показать «Египетские ночи» — балет, поставленный полвека назад прославленным русским хореографом М. Фокиным и много лет не шедший на советской сцене?

Гета Баширова не исключение в спектакле. Шамилю Мифтахутдинову и Ревдору Садыкову по двадцати лет. Они исполняют сложнейшие партии Раба и Амуна. Самая младшая участница спектакля — Римма Юркина. Ей девятнадцать. Она приехала из Ленинграда, где с детства занималась в самодеятельной хореографической студии. Сейчас Римма великолепно танцует Арсиною...

Секрет успеха спектакля не только в глубоко продуманном и тщательно осуществленном замысле постановщика, не только в мастерстве художника Б. Эрбштейна, дирижера Х. Фазлуллина. Секрет — в одаренности исполнителей, юных и вдохновенных.

Е. ЛУЦКАЯ

Казань.

Встреча с молодостью боевой

Крепко обнялись героини — Евдокия Бершанская, бывший командир женского гвардейского авиаполка (слева), и актриса ЦТСА Елена Каменская, исполнительница роли командира полка в спектакле «Небесное создание».

Фото О. Кнорринга.

Как всегда в дни премьер, зал театра был переполнен. Шла комедия Б. Ласкина «Небесное создание». Зрители улыбались. Смелые, веселые героини спектакля завоевывали общую симпатию. Суровость воинов сочеталась в них с душевной мягкостью, решительность — с хрупкостью и женственностью.

Война оторвала этих девушек от мирной жизни. Они оставили все и ушли на фронт... За стенами землянки война.

Ночью летчицы вылетят на трудные, опасные задания, но сейчас они читают, вышивают, мечтают, шутят, поют...

Бодрое, жизнерадостное настроение переплескивается через рампу и овладевает залом. И только группа зрителей, сидящая в середине первых рядов, как-то странно реагирует на спектакль. Подчас во время смешного диалога кто-то украдкой смахивает слезу. Веселую, по-детски озорную Тосю, которую превосходно играет Галина Кожакина, здесь почему-то многие называют Ольгой, красавицу Катю Ермолаеву (молодая актриса М. Володина) — Женей.

А когда кончился спектакль и отзвучали аплодисменты, на сцену вышла группа женщин. У многих на груди блестели золотые звезды. Они поблагодарили и поздравили участников спектакля и, обращаясь к зрителям, твердо и убежденно сказали: «Все это было!»

Кто же эти люди, которые так весно, авторитетно оценили спектакль?

Перед нами те, о ком написана пьеса, — героини, летчицы женского гвардейского авиаполка.

Не стоит искать среди них точных прообразов. Но все летчицы, присутствующие на премьере Центрального театра Советской Армии (режиссер И. Ворошилов), говорят, что в спектакле удалось передать основное: характеры девушек.

— Вот так все и было. Как же приятно теперь вновь встретиться в театре со своей боевой юностью!..

Так завязалась дружба артистов со своими героями. А когда по обычаю в один из ярких, солнечных майских дней в Москве, в сквере у Большого театра, собрались бывшие военные летчицы, на эту встречу пришли и артисты ЦТСА.

Уж если дружить, так дружить!

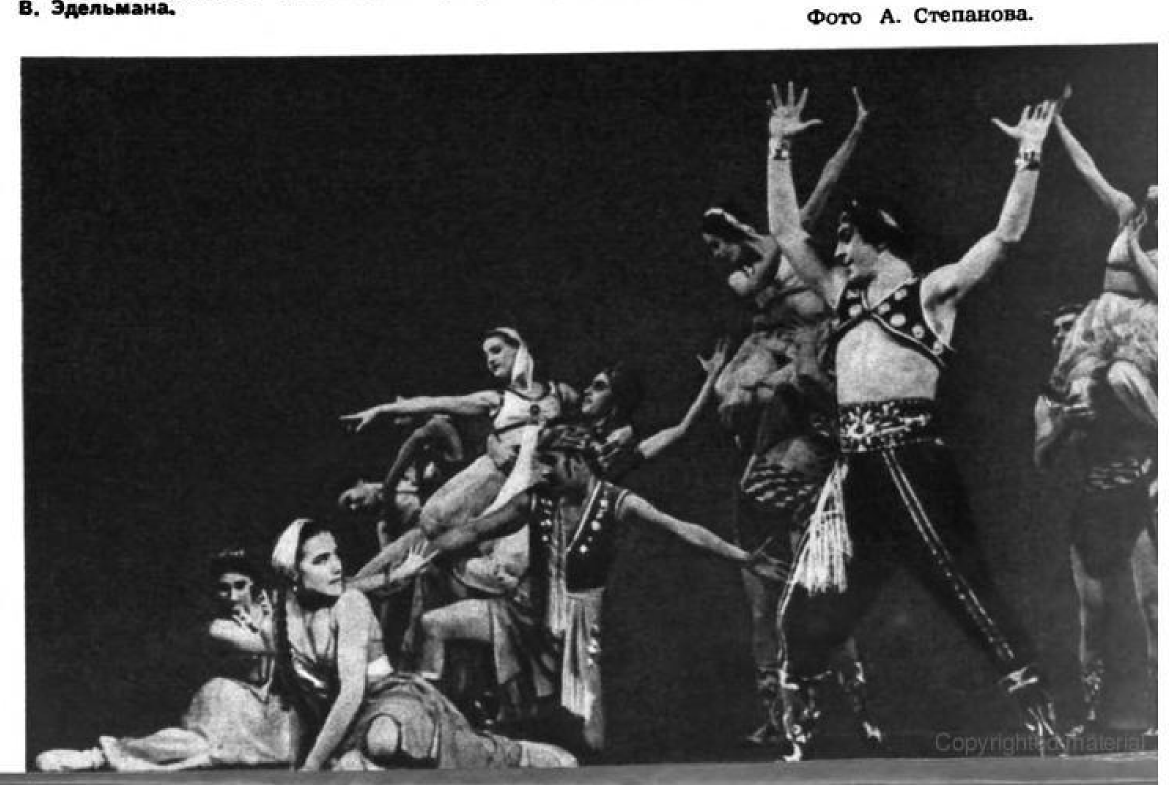
И. ВЕРШИНИНА

ОЖИВШИЕ ОБРАЗЫ ПОЭМЫ БАЙРОНА

Много лет не шел на столичной сцене «Корсар» — балет французских композиторов А. Адана и Л. Делиба, созданный по поэме Байрона.

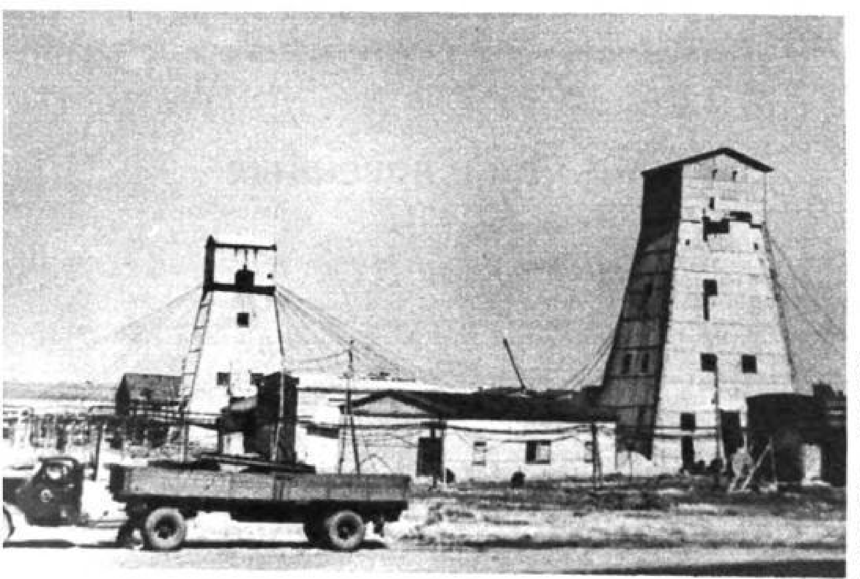
Спектакль, талантливо поставленный в Театре К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко молодым балетмейстером Н. Гришиной, передает высокую романтику этой поэмы, ее вольнолюбивый дух, сильные человеческие страсти. В этом заслуга и исполнителей центральных партий, артистов В. Бовт (Медора), М. Лиепы (Конрад), Э. Власовой (Гюльнара), Ю. Трепыхалина (Бирбанто), художника В. Людмилина и дирижера В. Эдельмана.

Фото А. Степанова.

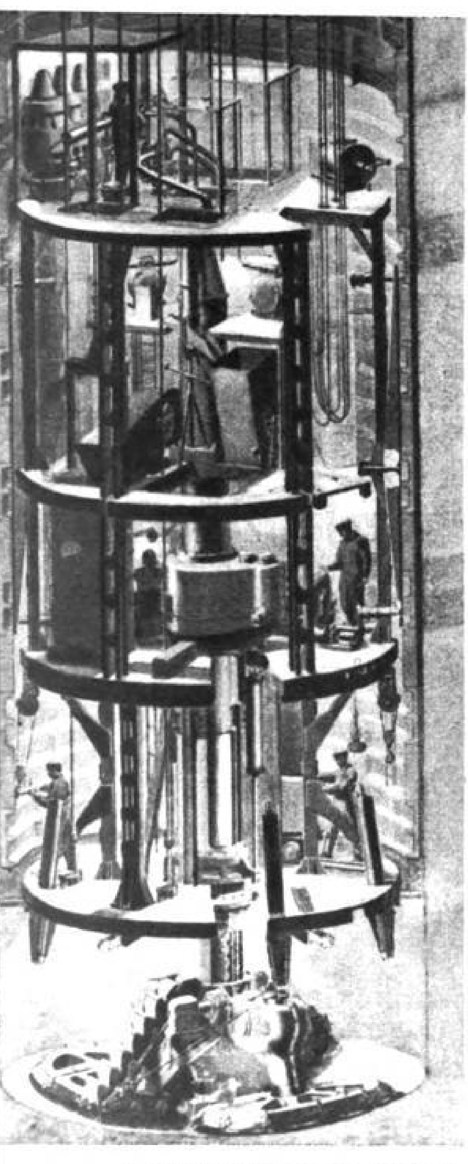

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

Вгрызаясь в недра...

Шахта-новостройка № 122 «Саранская». Справа — проходческий копер, в котором монтируется буровая машина.

Так выглядит на макете комбайн для вертикальной проходки стволов.

Издали проходческие копры шахты-новостройки № 122 «Саранская» ничем не отличаются от своих «собратьев». Но когда подходишь ближе, один копер поражает необычайными размерами: он раза в полтора выше других. В этом копре монтируется буровая машина «ПД-1М» для вертикальной проходки стволов.

Внешне он похож на гигантскую круглую этажерку. Только на ее четырех полках разместились не книги, а электромоторы, насосы и другое оборудование. Вес «этажерки» — 140 тонн, а высота — 16 метров.

...Инженер — помощник машиниста комбайна нажимает кнопки, поворачивает рукоятки. Два диска приходят в движение; на каждом диске — десять резцов из твердого сплава. Они установлены под первым полком и вращаются вокруг своей оси и оси агрегата. Раздробленную дисками породу захватывают черпаки и подают ее в приемный бункер. Оттуда она с помощью скипового подъема выбрасывается на поверхность. По клетьевому подъему, также смонтированному в агрегате, подаются вниз железобетонные тюбинги. Через каждый метр диски перестают вращаться, и тогда приходят в движение восемь 25-тонных лебедок. Они опускают комбайн на стальных тросах в глубь земли. Туда, где залегают угольные пласты, вгрызается агрегат, оставляя за собой закованный в железобетон колодец диаметром в 6,5 метра. Когда шахту построят, по этому колодцу будут выдавать на-гора уголь.

Производительность агрегата — до 180 погонных метров в месяц. Это примерно в шесть раз выше средних темпов проходки вертикальных стволов.

Чудесная машина сконструирована сотрудниками ЦНИИ «Подземшахтострой» под руководством инженера М. А. Щеголевского и изготовлена на Уралмашзаводе.

К. СЕГЛИН

Караганда.

Вильгельм Пайцони в гостях у друзей

Вильгельм Пайцони на Ставрополье. На снимке: председатель колхоза «Пролетарская воля» Герой Социалистического Труда С. Луценко, переводчик Н. Солнцев, В. Пайцони, председатель колхоза «Россия» Я. Бичевой.

Фото М. Белоусова.

С Вильгельмом Пайцони, сорокалетним немецким крестьянином, мы беседуем в номере одной из московских гостиниц. Он только что говорил по телефону со своей женой Гертой: делился впечатлениями о десятидневной поездке по советским колхозам. Много интересного повидал он в Воронежской области, в Ставрополье, на Кубани. Но беседу с нами он начинает с короткого рассказа о себе:

— С малых лет ходил я за плугом, пас коней, с малых лет любил крестьянскую работу. Но из меня сделали солдата... Много таких солдат полегло на чужих полях по приказу Гитлера... А землю немецкие крестьяне получили только после разгрома фашизма, когда в Восточной Германии провели аграрную реформу. Небольшой был у меня надел — всего восемь гектаров, но приятно было трудиться на собственной земле, точно жизнь начинал сызнова... Послали меня учиться в марксистско-ленинскую школу, меня, простого крестьянина! И вот после учения организовался у нас в деревне кооператив, и меня избрали председателем...

Сельскохозяйственный кооператив имени Фридриха Энгельса в Шафштадте за несколько лет вырос в одно из самых крупных и передовых хозяйств Германской Демократической Республики. Недавно, находясь в ГДР, Никита Сергеевич Хрущев побывал в этом кооперативе, познакомился с его председателем, пригласил Вильгельма Пайцони в Советский Союз для обмена опытом.

И вот в Ставропольском крае, в колхозе «Пролетарская воля», встретились два председателя, два руководителя коллективных хозяйств: Герой Социалистического Труда С. В. Луценко и лауреат Национальной премии ГДР Вильгельм Пайцони.

— Замечательно работают ставропольские колхозники, — рассказывает Пайцони, — большие обязательства приняли они на себя по семилетнему плану! — И, заглянув в записную книжку, называет цифры: — К 1965 году давать на каждые сто гектаров 350 центнеров мяса, 2 100 центнеров молока, 150 тысяч яиц... Судя по тому, как дружно трудятся и как зажиточно живут в артели «Пролетарская воля», можно не сомневаться, что все обязательства будут выполнены. Особенно понравились мне у ставропольцев птицеводческое хозяйство и высокие урожаи кукурузы. Мы в своем кооперативе имени Энгельса обязательно применим опыт колхоза «Пролетарская воля».

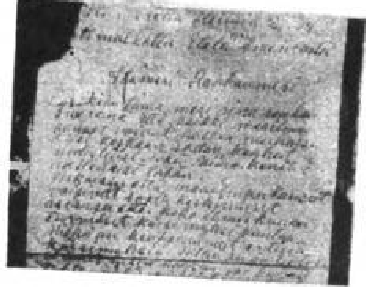
Пайцони рассказывает о многолюдном собрании ставропольских колхозников, о том, как деловито и широко обсуждался там договор на социалистическое соревнование с немецкими товарищами, о конкретных обязательствах, взятых на себя отдельными бригадами «Пролетарской воли» и кооператива имени Энгельса.

Провожая Пайцони, Луценко от имени правления артели пригласил немецких крестьян на отдых в колхозный санаторий, расположенный в Кисловодске. А Вильгельм, в свою очередь, позвал ставропольцев погостить в ГДР.

— Чудесная была у меня встреча на Ставрополье! — заканчивает Пайцони свой рассказ. — И особенно запомнилось, как одна из выступавших на собрании, пожилая колхозница, вдруг заплакала и сказала: «Не от горя плачу, от радости...» И я, слушая эту русскую женщину, понял, что ей приятно видеть во мне, немце, мирного труженика и верного друга...

Ф. ТИХОНОВ

Письмо в бутылке

Недавно на побережье Эстонии матрос Владимир Артеменко нашел запечатанную бутылку. Посмотрев на свет, он заметил в ней какую-то бумагу. Вскрыв бутылку, моряк обнаружил письмо на финском языке:

«Балтийское море, 2 февраля 1959 года.

По пути из Южной Америки на родину.

Балтийское море должно стать навсегда морем мира с тем, чтобы народы земного шара могли жить в дружбе и согласии, чтобы больше никогда не повторились ужасы войны.

Хочется верить, что люди нашей планеты найдут общий язык в таком благородном деле, как предотвращение войны, и тем самым обеспечат безопасность своего существования. Страдания военных лет не так скоро изгладятся из нашей памяти. Мы должны сохранить свое самое дорогое сокровище — мир и передать его на вечные времена своим потомкам. Надо понять, что между народами должна существовать прочная и нерушимая дружба, твердая уверенность друг в друге. Нужно учиться любить друг друга, более сильным оказывать помощь слабым народам. Это мы обязаны делать во имя самих себя, во имя будущих поколений.

В мире идет гонка вооружений, на что затрачиваются в баснословных размерах материальные ценности. И в то же время есть люди, у которых отсутствует ежедневный кусок хлеба.

Так хочется видеть все народы мира рука об руку в единой семье, с общими интересами!

Да здравствует самое дорогое — мир!

Э. А. Кунерва

Хельсинки, Вуоримиехенкату, 4».

В. КУУС,
сотрудник газеты «На вахте»
Фото О. Юхани.

Таллин.

ИГРЫ И ЗНАНИЯ

Два смешных жирафа у входа держат яркий плакат: «Неделя игры и игрушки». А во дворе Московского городского дома пионеров звенят детские голоса, играет духовой оркестр, кипит веселье. Мальчики осаждают тир, девочки устремляются к качелям.

Неделя игры и игрушки проводится в Москве восьмой год подряд. Это стало традицией и в Ленинграде, и в Челябинске, и в Воронеже, и в Днепропетровске — во многих городах. Инициаторы недели — руководители Московского дома пионеров — люди взрослые, серьезные и, естественно, ставят перед собой серьезные задачи: пропагандировать новые познавательные игры и игрушки, развивать у ребят память, ловкость, сообразительность.

А ребята, не задумываясь о педагогическом значении праздника, самозабвенно отдаются игре. Вот веселой гурьбой вбегают они в комнату, где выставлены игры и игрушки, которые сделали учащиеся железнодорожных школ страны. Мальчики и девочки с уважением разглядывают «большой футбол», созданный руками учеников 279-й школы Москвы.

Дежурные пионеры в рабочих фартуках и ярких шапочках объясняют экскурсантам, что они и сами могут потрудиться: при Доме пионеров открыта фабрика детской игрушки, на фабрике работают московские школьники.

На выставку прислали свои изделия и районные дома пионеров: в зале Кировского района привлекает забавная викторина, Бауманского — огромный букет живых цветов. А школьники Сталинского района позаботились об октябрятах. В их комнате «построен» целый кукольный город: тут и детский сад, и магазин, и больница.

В дни праздничной недели в гости к московским ребятам приезжали сотрудники планетария, магазина «Детский мир», Музея игрушки, работники издательств и типографий.

Быстро осмотреть в эти дни Дом пионеров просто невозможно. Невольно задержишься у электровикторин, остановишься, чтобы проверить себя в скороговорках. И уж непременно заинтересуешься заданиями, которые дадут тебе в «комнате мудрости и тишины». Правда, здесь, по словам самих ребят, мудрости много, а вот тишины-то нет...

Радостными, счастливыми уходят ребята с праздника. Особенно горды победители конкурсов, увешанные значками «За хорошую память», «За ловкость», «За смекалку».

Н. ВЕРИНА

В комнате игрушки магазина «Детский мир». Фото Г. Санько.

Теплоход из пластмассы

У причала стоит грузовой теплоход. Внешне он почти не отличается от своих собратьев: обычный серый цвет корпуса, мачта над белой рубкой, брезентовый тент прикрывает грузовой люк. Но если присмотреться внимательнее, то впечатление изменится: не видно заклепок, нет следов сварки — теплоход словно литой.

Судно сделано из стеклопластика. Для его сооружения не нужны стапели, после спуска на воду его не надо достраивать — только испытать механизмы, и можно отправляться в рейс.

Поднимаемся на борт теплохода. В рубке установлено дистанционное управление. Значит, в машинном отделении не надо держать команду: судно управляется одним человеком.

Корпус теплохода шестнадцати метров в длину и почти трех с половиной метров в ширину. Это судно с мотором мощностью около семидесяти лошадиных сил вчетверо легче металлических судов подобной конструкции. Небольшая осадка открывает ему дорогу по мелководным рекам.

Новый теплоход — четвертое судно из пластмассы, построенное под Москвой, на заводе спасательных принадлежностей имени М. И. Калинина. Пожелаем новому кораблю счастливого плавания.

А. РУБИНА

Фото А. Бочинина.

Курорт за облаками

Курорт Исти-Су, расположенный в высокогорном Кельбаджарском районе Азербайджана, на правом берегу реки Тертер, славится прекрасным климатом, чистым воздухом, великолепной природой и многочисленными источниками, которые отличаются значительной радиоактивностью.

Минеральная вода Исти-Су содержит полезные соли для лечения заболеваний желудочно-кишечного тракта, печени, желчного пузыря, суставов и мышц, нервных, кожных и других болезней.

Сейчас здесь развернулись большие строительные работы. К концу семилетки Исти-Су, «курорт за облаками», станет одной из крупнейших здравниц страны.

К. ХРОМОВ

Фото И. Саликова.

Чабанский домик

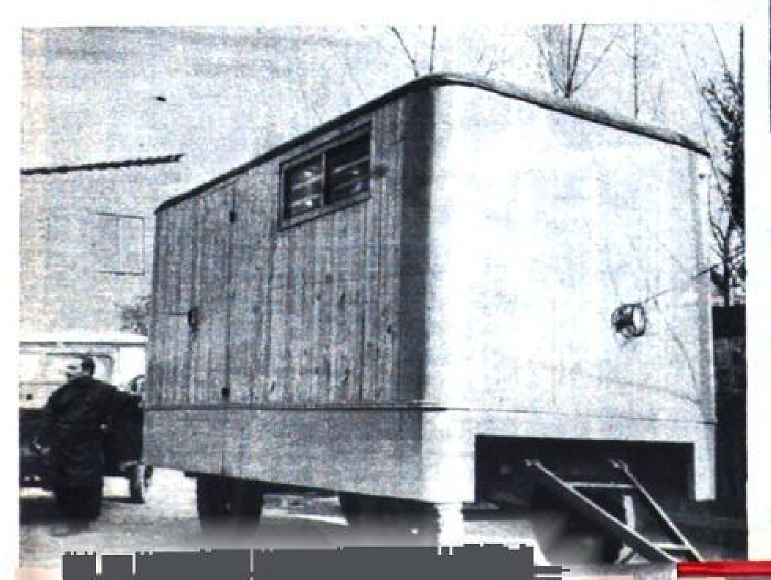
В этом домике на шасси грузового прицепа предусмотрены все удобства для людей, ведущих кочевую жизнь. Здесь мягкие диваны, которые ночью превращаются в кровати, три шкафа — бельевой, посудный и книжный, круглый стол, столик для радиоприемника или телевизора и газовая плита с двумя конфорками. В баллонах, установленных снаружи, — запас газа на четыре месяца. В отдельной кабине — умывальник и душевая. На крыше — бак. В солнечную погоду вода в баке нагревается.

Домик этот, рассчитанный на четыре — пять жильцов, изготовлен для чабанов-овцеводов рабочие Тбилисских авторемонтных мастерских. Директор мастерских и автор проекта А. В. Гогишвили считает, что при массовом изготовлении каждый такой домик чабана будет стоить не более десяти тысяч рублей. Это, что называется, вполне по карману овцеводческим колхозам и совхозам.

Такое жилище на колесах пригодится не только чабанам. Мало ли работников «кочевых» профессий нуждается в тепле, уюте, чистоте?

И. МЕСХИ

Фото В. Джейранова.

Бобры-переселенцы

Зверовод Воронежского заповедника С. С. Буцких.

По тихой лесной речке бесшумно скользит лодка. Сидящий на корме охотник лишь слегка подгребает веслом. Другой охотник шагает вдоль берега. Впереди него бежит, обнюхивая каждую кочку, собака. Она что-то улавливает своим тонким чутьем, замирает в стойке, начинает передними лапами скрести землю.

Зверь обнаружен. Теперь остается взять его живьем. Это не так-то просто. Подземный обитатель хитер, он искусно замаскировал все входы в свое жилище — они скрыты глубоко под водой. Охотник, находящийся в лодке, пристально всматривается в прозрачную воду. Острый, наметанный глаз замечает один вход, другой, третий. И вот все они закрываются металлическими ловушками. Теперь можно вспугнуть зверя, заставить его покинуть свое подземное убежище.

Так ловят бобров и затем переселяют на новое место, туда, где их очень мало или нет совсем.

На счету известных белорусских охотников Герасима и Евгения Масаренко 800 пойманных и расселенных бобров. Такое количество этих зверей, обладателей драгоценного меха, оставалось в нашей стране к 1930 году.

Немногочисленные колонии бобров к тому времени уцелели лишь в Белоруссии, Воронежской и Тюменской областях. Они были взяты под охрану государства. Охота на бобров до сих пор запрещена повсеместно.

Сейчас бобры обитают в сорока областях, краях и автономных республиках РСФСР.

Директор Воронежского заповедника Г. Г. Шубин рассказывает:

— Раньше считалось, что бобры в неволе не могут размножаться. Наши ученые опровергли такое мнение. Хороший приплод получаем мы каждую весну.

Содержание бобров в неволе очень выгодно. Они дают ценный продукт для парфюмерной промышленности — бобровую струю, а также прекрасный пух, из которого вырабатываются фетровые шляпы, платки и шарфы.

В. БОРОНИН

Момент матча «Тоттенхэм Хотспур» (Лондон) — «Торпедо» (Москва).
Фото А. Анатольева.

«ДИНАМО» ЛИДИРУЕТ

Последние два тура футбольного чемпионата — шестой и седьмой — не похожи друг на друга ни по «внешнему облику», ни по результатам.

Шестой тур можно назвать излишне миролюбивым, с ничейным «профилем» (шесть команд сыграли вничью, а шестьдесят форвардов забили... 5 мячей). Он почти не повлиял на положение команд в чемпионате. Зато седьмой тур прошел в атакующем порыве (ни одной ничьей, 26 забитых мячей) и довольно решительно вмешался в расстановку сил в турнирной таблице.

Московский коллектив «Динамо», не проиграв ни одного матча, продолжает главенствовать в чемпионате, а киевская команда «Динамо», не выиграв ни одной встречи, продолжает замыкать таблицу, или, как говорят англичане, «держит в руках красный фонарь последнего вагона»...

Почти все остальные коллективы были в «движении». Ростовчане переместились с шестого места на второе; спортсмены ЦСК МО, одержав две победы подряд, перешагнули также на четыре деления — с девятого на пятое; команда «Спартак» перешла с десятого на восьмое; «Локомотив» нанес сокрушительное поражение «Зениту» (1 : 4) и продвинулся на четвертое место. Эти коллективы пошли вперед.

Кто же потеснен сверху вниз? Это прежде всего «Молдова». Кишиневские футболисты проиграли два матча: куйбышевцам — 0 : 3 и «Спартаку» — 0 : 4 — и спустились с третьего на седьмое деление таблицы. Ленинградский «Зенит» почувствовал на своем затылке дыхание догоняющих его ростовчан и отступил на третье место. Потеряли свои позиции «Торпедо», «Динамо» (Тбилиси), «Шахтер». Несколько неожиданно футболисты «Крыльев Советов» обыграли столичных торпедовцев (3 : 1) и перешли с предпоследнего на десятое место, на котором до того довольно долго «квартировали» спартаковцы.

Таковы исходные позиции перед восьмым туром.

Динамовцы Москвы оторвались от своих ближайших соперников («Зенита», ростовского СКВО) на четыре очка, от армейцев — на пять, а от «Спартака» — на семь. Солидный запас прочности! Интересно отметить, что лидеры чемпионата вот уже девятнадцатый матч подряд (7 в нынешнем сезоне и 12 в прошлом) проводят без поражений. Еще более примечателен факт, что из этих девятнадцати встреч семнадцать побед. Это футбольный рекорд!

Хочется сказать о некоторых замеченных переменах в игре ЦСК МО. Во-первых, почти исчезла бесцеремонность в силовой борьбе и опасная «работа ног» (что не помешало армейцам в двух последних матчах не пропустить ни одного гола), во-вторых, и это особенно приятно отметить, их игра обогатилась наступательными действиями, хотя еще и основанными только на прорывах. В этом смысле характерной была их последняя встреча, когда прорывы Ю. Беляева и Г. Апухтина приводили в замешательство защитников киевлян и в полную растерянность вратаря О. Макарова.

Радует успех ростовчан. Молодой коллектив играет в атакующем стиле и забил уже 14 мячей — лишь на один мяч меньше, чем форварды лидера.

И все же в игре большинства наших команд еще чувствуются весенние недоработки в технике обращения с мячом.

Это особенно видно было в матче московских автозаводцев с посетившим нас лондонским клубом «Тоттенхэм Хотспур», для которого май не весна, а самая настоящая футбольная осень — период технической зрелости, ибо их чемпионат проводится в зимние месяцы и кончается весной. «Тоттенхэм Хотспур» — профессиональная команда средних достоинств. Москвичи знакомы с английским футболом: они видели и прославленных «волков» из Вулверхэмптона, и лондонский «Арсенал», и «Вест Бромвич Альбион», наконец, видели прошлой весной национальную сборную Англии.

«Тоттенхэм Хотспур» не похожа ни на одну из них. Эта команда, как они сами говорят, «без козырей». Но она показала нам футбол английского «покроя», сшитый по классической системе «дубль-вэ».

Их оружием была техника, которой они пользовались свободно и которую они очистили от дешевых эффектов, приводящих в восторг барышень на трибунах. Каждый из игроков был слугой десяти господ — своих товарищей. И, несмотря на то, что торпедовцы действовали с полным напряжением сил и имели территориальное преимущество, футболисты из Лондона спокойно проводили свои планы и в атаке и в обороне. Английские гости мало боролись, но много играли, а торпедовцы (и не только в этом матче) делали нечто прямо противоположное.

Может быть, поэтому тетива торпедовских атак натягивалась до предела, а стрелы-голы так и не вылетали из лука.

В общем-то, интересный матч был проигран англичанам с минимальным результатом — 0 : 1.

Когда наши спортсмены покидали поле, то одни болельщики бросали на них взгляды, исполненные грустного сочувствия, а другие попросту свистели. Мне подумалось, что свист этот был адресован нашей технической отсталости, которая не только лишает футбол красоты, но и крадет голы, а вместе с ними — и верные победы. Так именно и было в матче торпедовцев с гостями из Лондона.

М. МЕРЖАНОВ

Конкурс на кубок «Огонька»

Кто же получит приз?

Команда девушек 387-й школы.
Фото А. Бочинина.

ПРЕТЕНДЕНТАМИ СТАЛИ 387-я, 485-я, 75-я, 615-я и 585-я ШКОЛЫ МОСКВЫ

Одновременно с финалами спартакиады московских школьников в мае шли соревнования на кубок «Огонька». Легкоатлеты выступали на детском стадионе в Лужниках. Это был итог всего, что сделано за год и на уроках физкультуры и во время внеклассных занятий.

— Ученик 12-й школы Ленинского района Марк Тараканов лучше всех из мальчиков пробежал 60 метров,— сообщают по радио.— Его результат — 7,5 секунды.

В прошлом году результат победителя был на три десятых секунды хуже. Отличные для своего возраста достижения показывают и другие юные чемпионы. Шестнадцатилетний юноша из 189-й школы В. Трушин пробегает стометровку за 11,7 секунды. Его сверстница Л. Слепченкова из 75-й школы прыгает в длину на 465 сантиметров. Она же берет высоту в 140 сантиметров. Обрадовали своими результатами и многие из самых старших школьников. Например, М. Жихарев (289-я школа) в предварительном забеге преодолел 100 метров за 11 секунд. В прошлые годы о таких результатах только мечтали!

Кто же претендует на переходящий кубок «Огонька» в 1959 году? Это пять школ, имеющие лучшие достижения по легкой атлетике.

Первое место заняла 387-я школа Сокольнического района (директор Е. А. Жердина, старший преподаватель физкультуры В. С. Дрючин).

Второе — 485-я школа Ждановского района (директор Ф. В. Догаева, старший преподаватель Ф. Ф. Кожинов).

Третье — 75-я школа Киевского района (директор Т. А. Лопатина, старший преподаватель А. И. Волков).

Четвертое — 615-я школа Куйбышевского района (директор Е. С. Розанова, старший преподаватель В. Г. Князев).

Пятое — 585-я школа Ленинского района (директор Л. М. Степанян, старший преподаватель А. С. Чесноков).

Напомним, что 387-я школа в прошлом году завоевала кубок нашего журнала. Результаты, показанные этой школой в теперешних соревнованиях, говорят о том, что победители стремятся удержать у себя приз.

Появился и новый претендент на кубок — 615-я школа Куйбышевского района, занявшая в соревнованиях четвертое место.

Победителем конкурса станет школьный коллектив, который не только достиг высоких спортивных результатов, но и хорошо поставил физкультурную работу.

Жюри конкурса «Огонька» в сентябре, после начала нового учебного года, присудит кубок одной из этих пяти школ.

М. ЕРЕМЕЕВ

Трибуны живут полной волнений жизнью.

Про Мишку-подтёлка, Николая-угодника и Карасиху

Виктор БЕЗОРУДЬКО

Рисунки М. МИЛОСЛАВСКОГО.

Акулину Пундик прозвали Карасихой. В селе она чувствовала себя, словно карасиха в пруду, где не было щуки. Смотря по обстоятельствам (на престольный праздник, на пасху), она всплывала на поверхность, а иногда (во время посевной и уборочной) ныряла на дно и пускала оттуда пузыри: мол, я еще живу, и не трогайте меня.

Карасиха стояла посреди хаты, и на ее широком, одутловатом лице играла улыбка. Карасиха собиралась всплыть на поверхность.

— Да она же чистая, как ангельская слеза, наливайте себе и пробуйте,— обратилась Карасиха к человеку, сидящему в углу. От всех остальных жителей села Глубокого он отличался тем, что был невероятно похож на Николая-угодника. Особенно поразительным было сходство после того, как этот человек выпивал несколько сот граммов. Некоторые богомольные старушки, встретив в кооперации пьяненького Николая, начинали истово креститься и шептать.

В ответ на приглашение Карасихи «святой» опрокинул чарочку, скривился и понюхал луковицу.

— Целую ночку гнала, а теперь не знаю, как быть. Выручай, помоги продать. У тебя святой вид, никто и не подумает...

— Все мы братия и сестры во Христе. Если ты согласна исполу, то продам,— ответил угодник, наливая себе еще стакан ангельской слезы сизого цвета.

— Ишь ты, еще что захотел: исполу?! Моя свекла, мои дрожжи, мой аппарат, я гнала, и после всего — исполу?! Да это же чистый грабеж! — В глазах Карасихи можно было прочесть: «Ирод ты!»

Спор продолжался долго, а тем временем...

...Мишка-подтелок страшно сердился. Еще бы! Скоро полдень, а хозяйка до сих пор не дала ему ни поесть, ни попить.

В давно минувшие дни своего далекого детства, когда ему было два — три месяца и звали его просто Мишкой, он, бывало, жалобно мычал, пытаясь хоть таким маневром привлечь внимание всех домочадцев и скотины к своим страданиям. Теперь он уже подтелок, ему немногим больше года, и свой гнев он выражал двумя способами: бодал лбом стену и вздымал трубою хвост. Мычать не позволяло ему теперь чувство собственного достоинства.

Мишка-подтелок раздраженно дернул головой; веревка, которой его привязали, порвалась. Подтелок заметался по двору, испытывая невыносимые страдания от жажды. А тут еще весенний ветерок дразняще доносил откуда-то запахи вареной свеклы...

— Достодивные, сестра моя, говоришь ты слова,— изрек Николай-угодник.— Скупость и сребролюбие твое приведут тебя в преисподнюю. Коли хочешь — барыши пополам.

Положение в хате несколько изменилось. Карасиха уселась рядом с угодником, против них стояла вторая початая бутылка. На жирном лице Карасихи плавала загадочная усмешка, таившая в себе греховные, богопротивные намерения.

— Сестра,— продолжал Николай-угодник, как бы невзначай обняв Карасиху за бывшую талию,— сестра, ежели меня поймают и посадят в ад на земле, я, понимаешь, тебя не выдам. Помолишься ли ты за мою грешную душу?

— Денно и нощно буду бить поклоны деве Марии и всему сонму святых. Но,— тут Карасиха еще ближе придвинулась к угоднику,— но... но пускай мне будут две доли, а себе, так и быть, бери одну.

Угодник подумал, с его уст уже готовы были слететь слова согласия, как в это время...

...Мишка-подтелок толкнул лбом дверь и вошел в сени в поисках воды. Его хвост демонстративно был вздернут вверх, ноздри грозно раздувались.

Завидев в углу ведерко, подтелок склонил голову и стал жадно пить. Какая-то вонючая жидкость обожгла горло, но он пил, пока не уткнулся носом в дно ведра. Вдруг Мишка ощутил, что хвост его самовольно выписывает в воздухе замысловатые круги и в темной душе возникает желание похулиганить.

«Такое бы сейчас натворить, чтоб весь бычий род в Глубоком заговорил обо мне!» — подумал Мишка-подтелок и тут же подкрепил свое желание делом: боднул лбом изо всех сил дверь и замер на месте, ожидая, какие произойдут последствия.

Дверь раскрылась, и в ней показалось перепуганное лицо Карасихи. Растерянный вид Мишки и порожнее ведерко в углу прояснили положение. Карасиха подняла крик:

— Ой, горюшко! Напился! Как есть напился!

Мишка-подтелок припомнил все обиды, причиненные хозяйкой, и решительно нацелил на Карасиху два своих рожка. Но та разгадала его коварный замысел и хлопнула дверью.

Этот маневр еще пуще разозлил Мишку, и он принялся бодать все, что попадалось ему на глаза. Сам подтелок никогда прежде и не подозревал, что в глубинах его телячьей души может скрываться столь бурная склонность к проказам.

Покончив с кадкой, стоявшей в углу, подтелок решил испытать прочность своего лба на более существенном и оригинальном устройстве. Раздался звон разбитых черепков, и Мишка почувствовал, что кто-то крепко ухватил его за хвост. Это вызвало только новую волну гнева. Обернувшись, подтелок заметил, что в его прекрасный хвост с рыжей кистью на конце вцепилась какая-то медная крученая трубка.

Мишка был в отчаянии: шутка ли, его хвост, который доставлял в жизни столько радости, попал в ловушку и находился в опасности! Как же и чем будет он хвастать перед всеми другими бычками мира? Как будет отгонять от себя злых слепней? Как ему выражать теперь свое удовольствие и гнев?

Несколько раз подтелок попробовал потянуть свой хвост. Но где там! Медная крученая трубка впилась в хвост, как клещ. Дверь снова медленно открылась. В ней появилась кочерга, а следом за ней благолепное лицо Николая-угодника. Невзрачная фигура не произвела на Мишку никакого впечатления, а вот с кочергой он был знаком еще с детства и относился к ней с презрением.

Мишка изо всех сил уперся ногами в пол и дернул: либо хвост прочь, либо медная трубка не выдержит.

Что-то треснуло.

— Змеевик обломал, проклятый антихрист! — произнес Николай-угодник и выругался.

Но Мишка уже почувствовал свободу. Хотя злое существо, именуемое змеевиком, все еще держало его за хвост, Мишка стремглав бросился из сеней, перепрыгнул через перелаз и помчался вдоль улицы. За ним, подоткнув юбку, что есть духу неслась Карасиха. Николай-угодник плелся сзади, держа в руках кочергу.

Страх постепенно овладевал Мишкой. Проклятый змеевик тянулся за ним по дороге и грохотал. Но подтелок решил не сдаваться и бежать до тех пор, пока не уничтожит окончательно своего лютого врага. Мишка не обращал ни малейшего внимания на встречных, которые провожали его смехом.

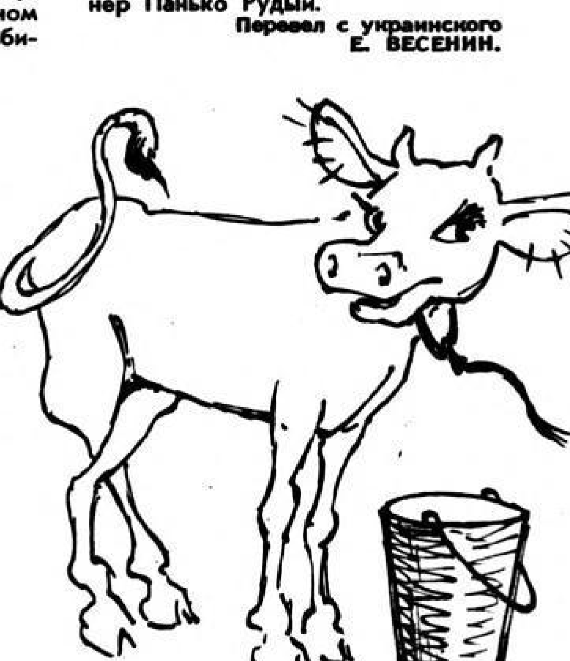
У сельсовета пред глазами Мишки неожиданно возникла краснолицая особа, напоминавшая ему хозяйку. Забыв о змеевике, подтелок остановился, пригнул голову и бросился в атаку. Но краснолицая особа и не подумала свернуть с дороги. Тогда Мишка с силой ударил ее прямо в живот.

Голова подтелка разодрала плакат как раз в том месте, где была надпись: «Долой зеленого змия из нашего села!» Напрасно пытался Мишка выдернуть голову: фанера пребольно впилась ему в шею.

Спустя минуту подтелка окружили люди. Подбежали Карасиха и Николай-угодник. К своей большой радости, Мишка-подтелок почувствовал, что его хвост снова обрел способность свободно двигаться. Человек в форменной фуражке отцепил змеевик.

Концовку автор писать не будет. Ее написал участковый милиционер Панько Рудый.

Перевел с украинского Е. ВЕСЕНИН.

ДРУЗЬЯ

За железными прутьями медленно шагает громадный лев. В глубине клетки спокойно сидит маленькая собачка. Это Чандр и Тобик, которые дружат уже десять лет. Чандра привезли в Московский зоопарк из Риги, когда ему исполнилось три месяца. Первое время львенок сильно скучал. Но вот в клетку втолкнули щенка. Тобик обнюхал незнакомое помещение и, обнаружив миску с молоком и яйцами, принялся быстро поедать чужой завтрак. Когда оторопевший Чандр попытался оттолкнуть непрошеного гостя, тот укусил его за нос, и львенок отступил.

Теперь Чандр не переносит разлуки со своим маленьким другом. Оставшись в одиночестве, зверь поднимает шум, бросается на железные прутья.

Секция Московского зоопарка, руководимая научным сотрудником Галиной Григорьевной Богданович, уже много лет воспитывает вместе различных животных. Работникам зоопарка удалось сдружить волка с козой, кошку с белкой, медвежонка с собакой.

Вот очень «теплая компания»: Петя-Петушок, Лисичка-Сестричка и Братец-Кот. Однажды в зоопарк принесли крошечного лисенка. Малыш мерз, и, чтобы как-нибудь его согреть, к нему подсадили котенка. Когда они подросли, в клетке появился петух. Казалось бы, новый пришелец испугается лисы, но этого не произошло. Петух вел себя довольно развязно. Когда ему холодно, петух прыгает на лисью спину, как на нашест, и греет озябшие ноги.

Ф. КОРОТКЕВИЧ

А О САМОМ ВАЖНОМ ЗАБЫЛИ...

Рисунок Л. и Ю. Черепановых.

НОВЫЙ ПИГМАЛИОН Рисунок Л. Самойлова

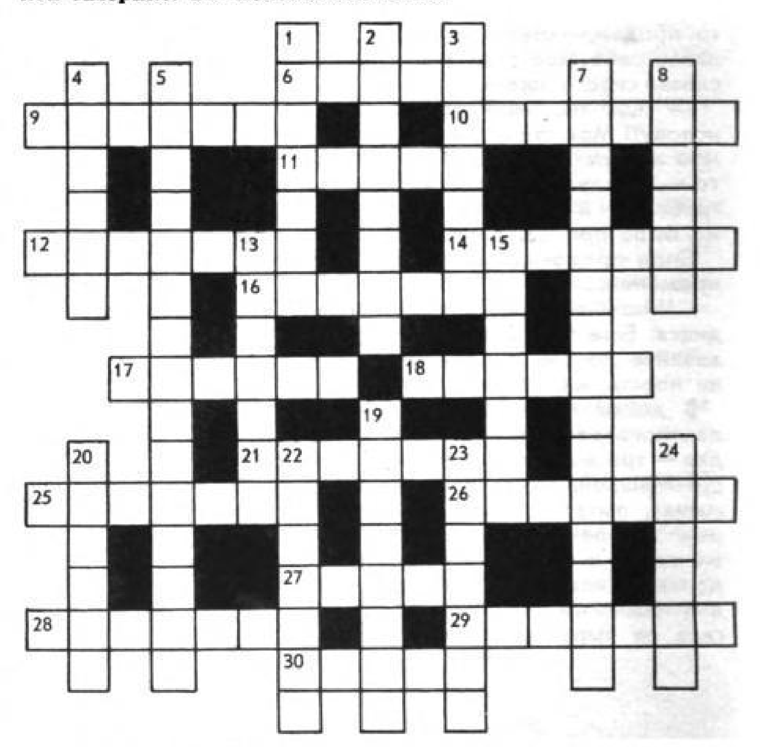
КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Спортивная игра. 9. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Война и мир». 10. Французский композитор XIX века. 11. Курорт на Средиземном море. 12. Несостоятельный должник. 14. Экспериментатор, новатор. 16. Составная часть военного искусства. 17. Отпечаток текста или графического изображения. 18. Истина. 21. Крестьянин, построивший в XVIII веке модель подводного судна. 25. Птица с длинным клювом. 26. Древнеиндийская эпическая поэма. 27. Отрицательно заряженная частица. 28. Ответная реакция. 29. Черный тополь. 30. Роман Т. Драйзера.

По вертикали:

1. Небесное тело. 2. Проекция очага землетрясения на поверхность Земли. 3. Сорт тыквы. 4. Футляр для стрел. 5. Специалист в одной из отраслей машиностроения. 7. Раздел физики. 8. Остров, на котором расположен Кронштадт. 13. Родина. 15. Русская писательница XIX века. 19. Повесть А. И. Куприна, посвященная М. Горькому. 20. Порода собак. 22. Банковская операция. 23. Река в Южной Америке. 24. Ископаемая смола.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали:

7. Шпиндель. 8. Святогор. 9. Колос. 10. Гогра. 11. Дюбуа. 14. Лесостепь. 17. Мурома. 18. Долина. 19. Гусляр. 20. Баркас. 24. «Возмездие». 27. Альпы. 28. Флуер. 29. Сомов. 30. Эвкалипт. 31. Косеканс.

По вертикали:

1. Ипподром. 2. Инкоу. 3. Львовод. 4. Острота. 5. Полюс. 6. Голубика. 12. Несмеянов. 13. Апробация. 15. Пресс. 16. Жижка. 19. Гоголева. 21. Сорбонна. 22. Смальта. 23. Узбечка. 25. Сплав. 26. Сойка.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 04059. Подписано к печати 3/VI 1959 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 769. Заказ № 1205.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

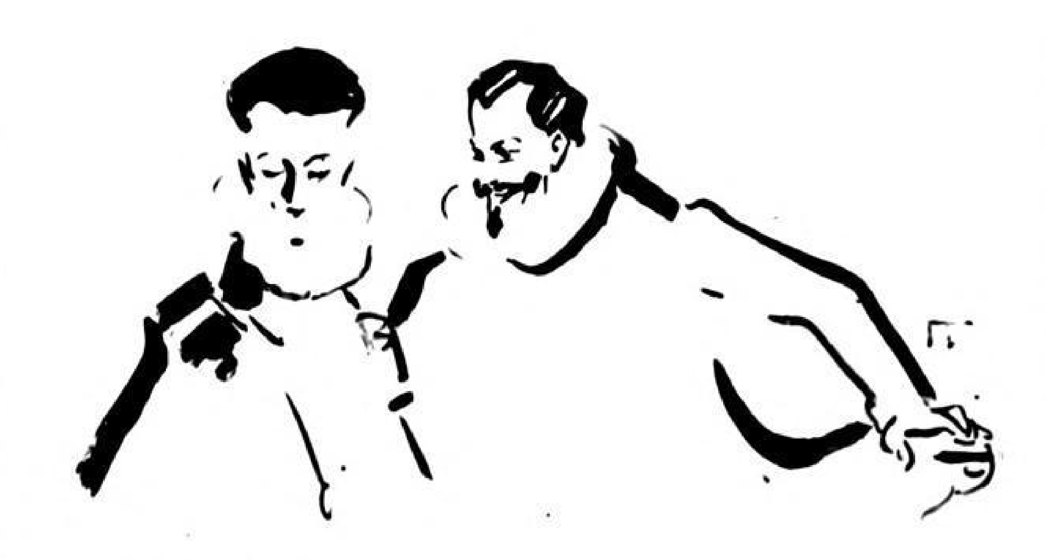
Болдинская осень.

«АРАП ПЕТРА ВЕЛИКОГО».

«БОРИС ГОДУНОВ». Шуйский и Воротынский.

«КАМЕННЫЯ ГОСТЬ».

Рисунки

П. Л. БУНИНА
К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ
А. С. ПУШКИНА

«КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА».

Цена номера 3 руб.
АЭРОФЛОТ
Л5443
СССР-Л5 443
АЭРОФЛОТ
СССР
«ТУ-104» — это скорость! Комфорт!
«ТУ-104» ДОСТАВИТ ВАС:
ЗА
1 час — в Ленинград,
2 часа — в Свердловск и Тбилиси,
3 часа — в Адлер и Омск,
4 часа — в Ташкент,
5 часов — в Алма-Ату,
6 часов — в Иркутск,
11 часов — в Хабаровск и Владивосток,
15 часов — в Петропавловск-на-Камчатке.
Продажа билетов во всех аэропортах и агентствах Аэрофлота. В Москве—в агентстве Аэрофлота, пл. Дзержинского, и в агентстве Главмосавтотранса, пл. Революции, здание гостиницы «Москва» (бывш. «Гранд-Отель»).
Справки и заказы по телефонам: Б 1-26-19 и Б 3-46-45.